

РАЗДЕЛ 4. ПРИВЕТ, ДЕМОКРАТИЯ: ДИАЛЕКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И АВТОРИТАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Люди никогда не пользуются свободой, которая у них есть, но требуют той, которой у них нет...

С. Кьеркегор

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

1. Демократия: интерпретация и тенденции

Проблема демократии является одной из наиболее актуальных для современного общества вообще, для России — в частности по целому ряду причин.

Во-первых, исторический опыт второй половины XX в. показал, что страны с демократическими режимами, как правило, добиваются больших экономических успехов, чем страны с режимами авторитарными. Это связано с тем, что именно демократия создает наилучшие условия для проявления инициативы, без которой невозможно эффективное производство.

Во-вторых, правительства стран с демократическими режимами обычно совершают меньше ошибок в управлении, не говоря уже о злоупотреблениях властью и преступлениях против личности. Другими словами, демократия — это своеобразный защитный механизм общества от узурпации власти. Не зря говорят: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Демократия не всегда способна выполнить эту защитную функцию. В условиях кризисов дают сбои и демократические механизмы, однако в развитых странах это все же исключения из правила.

В-третьих, для современного человека демократия все более становится самостоятельной ценностью. Люди не хотят быть колесиками и винтиками какой бы то ни было, пусть даже хорошо отлаженной системы, предпочитают сами решать свои проблемы хотя бы и ценой ошибок.

В-четвертых, в России проблема демократии стоит особенно остро, поскольку страна, по-видимому, переживает начало длительного и сложного периода формирования демократических форм правления — периода, который обычно сопровождается попытками установления авторитарных режимов как леворадикального (неосталинского) толка, так и правого (неопиночетовского) характера. Ситуация осложняется очень широким распространением в массовом сознании стереотипов авторитарно-патриархальной культуры, выработанных историей России в досоветское и советское время.

Термин «демократия» (в переводе с греческого — народовластие) весьма многозначен. В современной социологии и политологии им обозначается: а) форма государства (прежде всего такие ее элементы, как форма правления и политический режим); б) принцип организации политической жизни и политических институтов, обеспечивающий активность и равноправие участников; в) те виды социальных движений, которые в политическом спектре занимают позиции левее либерализма, но не имеют четкой социалистической ориентации. Термины «право» и «лево» употребляются здесь в общепринятом в политической науке всего цивилизованного мира значении: «право» означает ориентацию на большее социальное неравенство, «лево» — на большее социальное равенство. При таком подходе либералы оказываются в центре политического спектра, социал-демократы, а тем более коммунисты — левее, неоконсерваторы — правее, неонацисты занимают крайне правые позиции.

В справочной и популярной литературе, не говоря уже о публицистике, часто встречаются упрощенные определения демократии, к которым следует относиться критически. В качестве примера можно привести следующее определение: демократия — «форма государственного устройства, при котором осуществляется правление народа» (Современная западная социология. Словарь.— М.: Политиздат, 1990.— С. 82).

Определение это неудачно, как минимум, по трем позициям: во-первых, понятие «форма государственного устройства» в политической науке прочно закрепилось за территориальным или национально-территориальным устройством государства; во-вторых, демократия, за редким исключением, — это власть политической элиты, т. е. власть почти всегда от имени народа, иногда — для народа, но почти никогда — самого народа; в-третьих, «правление народа», т. е.

непосредственное управление всем народом, вообще проблематично и возможно разве что в гипотетическом будущем.

Избегая упрощений, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующее определение: демократия — одна из форм государственной власти (типов политического режима), которая характеризуется официальным признанием: 1) народа в качестве источника власти; 2) принципа подчинения меньшинства большинству; 3) политической свободы и равноправия граждан.

Изучение политической истории позволяет сделать два вывода по проблеме соотношения демократии, с одной стороны, социальной и экономической эффективности системы — с другой.

1. На различных этапах исторического развития более жизнеспособными и эффективными оказываются то более, то менее демократические политические системы. Прямой связи между двумя этими переменными не существует. Так, античные демократии одерживают победу над восточной деспотией персов, однако вслед за этим проигрывают монархии Александра Македонского. Спустя две с половиной тысячи лет в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в. европейские демократии одна за одной проигрывают войну гитлеровскому тоталитаризму, но спустя несколько десятилетий выигрывают экономическое соревнование у гораздо более жизнеспособных авторитарных режимов в Советском Союзе и Восточной Европе.

2. Тем не менее, по крайней мере в новое и новейшее время среднестатистически, в крупном историческом масштабе, демократические политические системы оказываются более жизнеспособными, нежели антидемократические. Эту ситуацию отражает известная формула У. Черчилля, согласно которой демократия — это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество еще не выдумало. О причинах, вызывающих к жизни эту закономерность, говорилось выше в связи с актуальностью проблемы демократии.

В целом решение проблемы «эффективность — демократия» аналогично решению проблемы «эффективность — социальная справедливость». Демократические политические системы в среднем, в тенденции, по большому счету эффективнее. Однако в каждом отдельном случае обществу приходится искать оптимальную меру демократии, тот ее уровень, который оно может себе позволить. Поэтому в новое и новейшее время в целом преобладает демократическая тенденция. Но развитие общества и в этом отношении происходит циклично, волнообразно. Так, согласно одному из американских исследований, мир пережил — если перефразировать терминологию Н. Д. Кондратьева — три длинные волны демократических колебаний.

Первая началась в середине XIX в. и продолжалась до первой мировой войны. В результате введения выборности и расширения избирательных прав к этому времени на Земле насчитывалось около 30 государств с демократическим режимом. В период между двумя мировыми войнами волна «отхлынула», что выразилось, главным образом, в формировании тоталитарных режимов (Муссолини, Гитлера, Сталина и др.). К 1942 г. на планете осталось около 15 государств с демократическими режимами.

Вторая волна началась после разгрома гитлеровской Германии и самурайской Японии и продолжалась до середины 70-х гг. Ее откат приходится, условно говоря, на десятилетие — 1975—1985 гг.

С середины 80-х гг. начинается новый «прилив» демократии, и в настоящее время, по оценкам американской организации «Фридом Хаус», при демократических режимах живут не менее 70% землян — абсолютный мировой рекорд всех времен и народов. Разумеется, можно спорить о критериях деления государств на демократические и недемократические, выбранных «Фридом Хаус», еще больше — о ее праве вынесения «приговора» по этому вопросу. Однако сама тенденция последнего десятилетия отражена, по-видимому, верно.

Вместе с тем западные политологи в большинстве своем отмечают, что демократия — явление хрупкое и не существует абсолютных гарантий ее сохранения даже в развитых странах Запада, не говоря уже о странах с переходной экономикой или третьем мире. Согласно логике циклического развития, на смену демократическому «приливу» должен прийти «отлив». При этом вполне возможно, что в настоящее время он уже начался.

2. Некоторые концепции демократии и опыт России

Основания типологизации

Известные в истории формы реализации демократической модели управления отличаются

большим разнообразием. Однако еще более разнообразны концепции демократии, которые могут классифицироваться по самым различным основаниям: от научных парадигм до политической ориентации авторов.

В зависимости от преобладающей ориентации на прямую или представительную демократию можно выделить две большие группы теорий: 1) идентиторные, плебисциторные (чаще говорят — плебисцитарные); 2) репрезентативные (представительные).

Первые ориентируются непосредственно на волю народа и общественное благо, отвергают легитимность конфликта интересов. При этом предполагается, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать ее может не обязательно сам народ, но уполномоченный им вождь или партия.

Вторая группа теорий понимает демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление. При этом в парламентской демократии видят защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных (уравнительных) тенденций массового сознания. Эффективность управления связывается с разделением труда и компетентностью специалистов (подробнее см: Политология. Учебное пособие / Под общ. ред. Ю. А. Северова. Часть I.— Тула, 1994.— С. 79).

Другая классификация теорий демократии основывается на различиях в понимании ее центральной проблемы: субъект или механизм (Мигранян А. Демократия в теории и исторической практике.— Коммунист.— 1990. № 1.— С. 33—37).

1. Концепции, для которых главным является вопрос о том, кто правит. Родоначальником таких концепций принято считать Платона, который дал следующую классификацию политических форм: царская власть — правление одного; аристократия — правление небольшой части лучших и благородных; демократия — правление всех свободных граждан. Исторический парадокс состоит в том, что к этой группе концепций склонялись как аристократические мыслители, так и наиболее радикальные демократы. Первые (от Платона до Ортега-и-Гассета) требовали ограничения прав «черни», которая губит общество; вторые же во имя демократии для народа считали необходимым ограничение прав высших классов (французские революционеры — якобинцы, революционное крыло социалистов-утопистов, Чернышевский и Добролюбов — в России). Для радикальных демократов основной ценностью было равенство, во имя которого они готовы были в чем-то поступиться индивидуальной свободой.

2. Теории, главным для которых является вопрос о том, как осуществляется управление, как функционирует власть, правит ли закон и одинаков ли он для всех. По политической принадлежности это, главным образом, — либеральные концепции демократии. Здесь основной ценностью признается индивидуальная свобода, «свобода от»: от вмешательства государства в экономику, в частную жизнь человека и т. п. Другие характерные ценности: либерализм — индивидуализм и неотчуждаемые права. Именно в рамках либерального направления были разработаны концепции «естественных прав человека» и правового государства, ставшие элементами классической теории демократии. (Таким образом, в СССР, а затем в России, в условиях кризиса оказались перевернутыми представления не только о правых и левых в политике, но также о либерализме и демократии: отечественные «радикальные демократы» — на самом деле по современным западным понятиям — неоконсерваторы; напротив, действительными радикальными демократами являются те, кто стремится создать гарантии участия в управлении для наименее обеспеченных слоев граждан.)

Принципы классической теории демократии остаются основополагающими для функционирования политических систем в наиболее развитых странах Запада. Однако созданная на основе этих принципов модель управления обществом — это отнюдь не некий идеал, а скорее наименьшее зло. Уже в XIX веке классическая теория демократии подвергалась критике как со стороны правых либералов, так и со стороны левых радикалов. Первые (например, Алексис де Токвиль), опираясь на опыт революций, справедливо утверждали, что торжество воли большинства отнюдь не всегда совместимо с индивидуальной свободой, и может рождать не меньший деспотизм, чем власть тирана. Вторые не менее справедливо обращали внимание на то, что в обществе, разделенном на полярные социальные группы, политическое равноправие не может быть реальным, что политические преимущества неизбежно получают группы, обладающие экономической властью, и что демократия в таких условиях по существу представляет собой лишь форму легитимации (узаконивания) власти той или иной элиты.

Наконец, третья классификация теорий демократии напрямую связана с их политической ориентацией. В этом плане наиболее популярными в настоящее время являются либерально-плюралистические, консервативно-элитарные концепции и концепции демократии участия

(партиципаторной или партиципаторной демократии).

Плюралисты исходят из того, что современное общество разделено на множество социальных групп, в которых формируются политические интересы, отражаемые соответствующими политическими организациями. Широкие массы граждан индифферентны (безразличны) в политическом смысле и не стремятся к непосредственному выполнению властных полномочий. Для них несравненно легче избрать правителей, чем заниматься поисками ответа на политические вопросы. Общие черты плюралистических концепций можно представить следующим образом:

признание заинтересованной группы центральным элементом демократической политической системы, гарантирующим реализацию интересов, прав и свобод личности. Сама личность при этом оттесняется на второй план, хотя и не отрицается ее статус как первичного субъекта власти;

рассмотрение соперничества и баланса групповых интересов как социальной основы демократической власти, ее динамики;

узаконивание «разумного эгоизма», личного и группового интереса как генератора политики;

значительное расширение сферы деятельности государства, рассмотрение его как арбитра, сохраняющего равновесия соперничающих интересов;

трактовка множественных, плюралистических элит как главного проводника влияния масс на политику;

забота о формировании демократической культуры как условие цивилизованного характера борьбы интересов и безболезненного разрешения функциональных конфликтов (Пугачев В. П. Основы политологии.— М., 1992).

Элитаристы исходят из представления о том, что политическое неравенство является одной из необходимых основ любой общественной структуры. Демократию как народовластие они считают мифом, поскольку народ к самоуправлению не способен, а его непосредственное вмешательство в политику разрушает структуры управления. Вместо правления народа элитаристы предлагают концепцию правления, одобряемого народом, роль которого сводится к выбору одной из конкурирующих элит, представленных политическими партиями. Демократия, по мнению элитаристов, обеспечивается не широтой участия масс, а активной конкуренцией элит при минимальной активности граждан. От концепции плюралистов этот подход отличается тем, что ориентируются на сужение круга лиц, допускаемых к «тайнству» управления. Ориентация концепции откровенно правая.

Сторонники партиципаторной (партиципаторной) демократии, или «демократии участия», по политическим ориентациям принадлежат к левым реформистам разных мастей — от левых либералов до реформистов-коммунистов. Для них современная западная демократия отнюдь не идеал, но объект реформирования. Смысл реформ состоит в том, чтобы обеспечить более широкое участие народа в управлении обществом. Для этого предлагается:

1) сочетание прямой и непосредственной демократии. Демократия представляется в виде пирамиды, основанием которой служит прямая демократия (выборы и самоуправление), а на каждом уровне выше основания представлена демократия делегатов;

2) контроль за всеми органами власти со стороны общественности;

3) опора парламентских фракций и комитетов на массовые общественные движения, привлечение представителей этих движений к разработке законопроектов и решений исполнительной власти;

4) доступность общественным движениям средств массовой информации, которая, по мнению сторонников концепции, как раз и позволяет заменить традиционную представительную демократию «демо-кратией участия»;

5) развитие самоуправления на уровне районов, трудовых коллективов, общественных движений.

Среди всех приведенных именно концепция партиципаторной демократии представляется наиболее соответствующей тенденциям развития современного общества.

Марксистская концепция демократии и современность

В настоящее время в России одной из наиболее дискуссионных проблем является проблема «марксизм и демократия». Большинство специалистов соглашаются с тем, что марксизм принадлежал к радикальному крылу радикальной демократии, а Ленин — к радикальному крылу марксизма. В свете исторического опыта основные марксистские идеи по этому вопросу выглядят следующим образом.

Во-первых, для марксизма вообще и В. И. Ленина в особенности было характерно акцентирование классового характера демократии. Марксисты справедливо подчеркивали ее узкие, ограниченные пределы в греческих государствах-полисах, в средневековых феодальных республиках и т. п. Перед современным ему обществом молодой Энгельс очень резко ставил следующую дилемму: либо настоящее рабство, т. е. деспотизм, либо настоящая свобода и равенство, т. е. Коммунизм (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 1.— С. 526—527). Опыт XX в. не опроверг необходимости классового подхода к демократии, однако показал, что по мере роста уровня производительных сил и культуры доля общечеловеческих функций в деятельности политической системы повышается. В наиболее развитых странах Запада современное социальное государство достаточно активно занимается регулированием экономики, в значительной мере берет на себя осуществление социальных гарантий для малообеспеченных и т. п. К. Маркс и В. И. Ленин не то чтобы не видели подобных явлений, но не придавали им существенного значения потому, что в XIX—начале XX в. такие тенденции проявились слабо, отчасти именно из-за радикализма своей политической позиции. Суть ее четко выражена в ленинском положении о том, что демократии, которая возникла при частной собственности, цены придавать не следует (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 39.— С. 200). Во-вторых, классовым подходом определялась противоречивая оценка марксистами роли демократии в условиях капитализма. С одной стороны, эта демократия признавалась безусловным прогрессом, поскольку она дает личности политические свободы и, в частности, позволяет лучше организовать рабочему классу. В этой связи теоретики марксизма всегда предпочитали более демократический режим менее демократическому, а демократическую республику считали лучшей политической формой для перехода к социализму, демократии трудящихся (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 22.— С. 237).

С другой стороны, буржуазная демократия признавалась неподлинной, обманом народа, современным аналогом греческих рабовладельческих республик. К. Маркс не раз говорил о хлеме буржуазного парламента, о парламентарном кретинизме, о том, что угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, кто именно из представителей господствующего класса будет в парламенте представлять и подавлять их (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 17.— С. 344). Такая жесткая критика обосновывалась обычно двумя аргументами.

Первый: в условиях капитализма правящая элита применяет обычно мелкие изъятия, ограничения избирательных и других прав, которые в совокупности выталкивают бедноту из политики. В настоящее время в ряде стран Запада такие ограничения сохраняются: например, ценз оседлости «работает» против бездомных и безработных, ценз грамотности — против не имеющих возможности получить образование и т. п. Однако опыт наиболее передовых стран убедительно доказывает, что без подобных ограничений современная западная демократия вполне может обойтись.

Второй аргумент: высокий уровень социального неравенства, характерный для капитализма, превращает политическое равенство в фикцию. В этом отношении ситуация на современном Западе тоже существенно изменилась: сформировался мощный средний класс, который может позволить себе участие в политике, уже не столь отчужден от нее; неравенство активного права, права избирать стало гораздо меньшим. Однако для того, чтобы быть избранным на сколько-нибудь высокий пост, по-прежнему требуются значительные суммы денег. Зарубежная политическая социология убедительно показывает, что, как правило, среднестатистически победа на выборах определяется именно финансовыми затратами. Скажем, минута телевизионного времени в Соединенных Штатах обходилась кандидатам в Президенты на послед-них выборах в не менее ста тысяч долларов. Чтобы позволить себе подобные затраты, очевидно, надо быть либо финансовым магнатом, либо опираться на поддержку «большого бизнеса». Не случайно отцу братьев Кеннеди приписывается высказывание такого рода: «С деньгами, которые затрачены на Джона, можно избрать в Сенат собственного шофера».

В этой связи неубедительной представляется популярная точка зрения, согласно которой современная западная демократия уже совершенно утратила классовый характер и представляет собой демократию вообще. Несмотря на расширение социальной базы государства на Западе и его успехи в создании социальных гарантий для неимущих, основную роль в политической жизни продолжает играть экономическая элита. Именно поэтому западные политологи, начиная с В. Парето и Г. Моска, вообще доказывали, что современная (в терминологии марксистов — буржуазная) демократия сводится к праву выбора элиты, представляет собой форму легитимации ее власти. Не случайно политическая наука Запада, включая левых либералов, социал-демократов и других теоретиков левого направления, продолжает искать пути ослабления влияния социального неравенства на политическую сферу, искать механизмы, позволяющие представить в политической жизни интересы разных слоев, в том числе и малообеспеченных.

В итоге классическая марксистская политология приходила к выводу о том, что демократия представляет собой наилучшую политическую оболочку капитализма как с точки зрения рабочих, так и с точки зрения буржуа. Она позволяет реализовать лучший из двух возможных способов политического господства, а именно: манипулирование сознанием масс без применения в обычных условиях прямого насилия. Поэтому демократия представляет собой правило для высокоразвитых капиталистических стран, авторитарные режимы — исключение из правила. Последующие исторические события показали, что именно демократический и, как иногда выражаются, «социализированный» капитализм оказался способным выиграть экономическое соревнование у административно-бюрократического социализма, тогда как фашистский вариант капитализма потерпел полное поражение.

Итак, в отношении демократии при капитализме основные элементы марксистской концепции во многом сохраняют свое значение, хотя она безусловно нуждается в корректировке соответственно изменившимся условиям. Иначе обстоит дело с марксистским прогнозом развития демократии при переходе к новому обществу. Суть этого прогноза такова:

1. В переходный период — установление диктатуры пролетариата, которая предполагает расширение демократии для трудящихся и ее ограничение для представителей бывших эксплуататорских классов.

2. В социалистическом обществе — сохранение государства как органа, охраняющего остатки социального неравенства, как говорил Ленин, буржуазное государство без буржуазии.

3. С исчезновением классов при переходе к коммунизму — отмирание государства, а значит и демократии как политической формы (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-ое изд. Т. 43.— С. 90—91, 99).

Наиболее острым остается вопрос о диктатуре пролетариата, по которому в современной политической теории представлены три основные позиции.

Первая из них — ортодоксально-коммунистическая. Ее разделяет, например, марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата. Правда, установление диктатуры пролетариата мыслится не в форме прямого захвата власти, а через пропорциональное представительство различных социальных групп в Советах (такое представительство дало бы примерно 60% мест рабочим). Опыт СССР и других стран административного социализма показывает, что диктатура пролетариата легко может переродиться в диктатуру бюрократии.

Вторая позиция — либеральная. Суть ее в том, что любая диктатура тяготеет к универсальности и длительности насилия, и потому идея диктатуры пролетариата изначально ошибочна и порочна. Привлекательной стороной позиции является ее гуманистический пафос, однако мировая история практически не имеет опыта смены общественных формаций (или, на языке западной социологии, типов социетальных систем) без установления авторитарных режимов той или другой формы, в той или иной степени. Не случайно в России к авторитаризму все больше склоняются политики, осуществляющие новейшую революцию, т. е. изменение самих основ общественного строя.

Третью позицию занимают левые партии демократической ориентации как на Западе, так и в России. Суть позиции в том, что идея диктатуры пролетариата в свое время имела историческое оправдание, но ныне уже устарела. В доказательство приводится изменение социальной структуры стран Запада и повышение ценности личности и ее свободы в общественном сознании наиболее цивилизованных стран.

Плебисцитарная теория демократии

Термин «плебисцит» может быть переведен с латинского как принятие решения посредством всенародного голосования. Широкое использование этой процедуры и составляет главную особенность плебисцитарной теории демократии.

Практика плебисцитарной демократии берет начало в античных полисах, где важнейшие решения по вопросам государственной и общественной жизни принимались на народных собраниях голосованием всех граждан. В Европе XX в. плебисциты неоднократно использовались для решения вопросов территориального размежевания (например, отделение Норвегии от Швеции).

В настоящее время классической страной плебисцитарной демократии считается Швейцария, где референдумы проводятся регулярно и подразделяются на три основных вида:

- 1) обязательные — если вновь принятый закон затрагивает Конституцию страны;
- 2) условные, которые могут проводиться по любому закону в течение 3 месяцев со дня его принятия, если в поддержку референдума удастся собрать определенное количество подписей;
- 3) совещательные, которые проводит Правительство или Парламент, когда нет уверенности в

поддержке большинством населения того или иного законопроекта, либо когда хотят заручиться поддержкой этого большинства.

Своеобразный вариант теории плебисцитарной демократии разработал знаменитый немецкий социолог и политолог Макс Вебер. Согласно Веберу, сложные общественные системы XX в. значительно больше, чем прежде, нуждаются в управлении и потому переживают новый виток бюрократизации. Бюрократизация общества, с одной стороны, позволяет поднять профессионализм и компетентность управленческих кадров («рациональная бюрократия»), а с другой стороны, может приводить их (управленцев) к всевластию, тормозящему необходимые преобразования, и тем самым — к окостенению общественных структур.

Спасение от бюрократии Макс Вебер видит в плебисцитарном харизматическом лидере, который один только и способен защитить граждан от ее всевластия, а в необходимых случаях — обеспечить прорыв на пути реформ. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т. п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагает следующий механизм реализации демократической процедуры: народ выбирает лидера, которому доверяет; после этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне!» Ни народ, ни партии не должны вмешиваться в то, что он делает (подробнее см.: Мигранян А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера: временный политический процесс // Вопросы философии.— 1989.— № 6.— С. 148—158). Очевидно, что такого рода «демократия» отличается от авторитарного режима лишь способом установления.

Оценивая теорию и практику плебисцитарной демократии, современная политическая наука отмечает, что эта система может более или менее успешно функционировать лишь при определенных условиях.

Первое из них — общественная стабильность. В обстановке высокой социальной напряженности, а тем более глубоких политических и экономических кризисов немногие граждане способны сохранить здравый смысл и сделать свой выбор осознанно. Не случайно именно в момент кризиса уравновешенные, добропорядочные и педантичные немцы отдали предпочтение Гитлеру и его партии, а страна древней культуры — Грузия — вполне законно избрала своим Президентом Звиада Гамсахурдиа, от которого потом избавилась лишь в результате малой гражданской войны.

Второе условие — развитие демократической традиции. Только лидер, который, что называется, «с молоком матери» впитал уважение к Закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, будет воздерживаться от того, чтобы узурпировать ее целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому такая система успешно функционирует в США, но весьма рискованна в Латинской Америке и государствах бывшего СССР.

Третье условие — сильная политическая оппозиция, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественное мнение зачастую удается обработать в направлении, выгодном для власти.

Статистика показывает, что даже при наличии перечисленных условий референдум, как правило, выигрывает тот, кто его проводит. Если же эти условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле дает политической элите широкие возможности манипулирования общественным сознанием. Причем этот вид манипулирования, пожалуй, самый худший, ибо это манипулирование народом посредством самого народа. Нетрудно убедиться, что в бывших республиках бывшего Советского Союза, где увлечение плебисцитарной демократией приобрело чуть ли не повальный характер, ни одного из перечисленных условий нет. Поэтому и результаты референдумов, а равно и прямых президентских выборов оказываются здесь проблематичными. В одних случаях эти результаты просто игнорируются (например, результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР); в других — референдумы по одному и тому же вопросу в короткие сроки дают противоположные результаты (например, на Украине 17 марта и 1 декабря 1991 г.); в третьих — законно избранные таким путем президенты нередко вскоре лишаются власти (Грузия, Азербайджан). Следовательно, требуется осторожность в применении к отечественным условиям плебисцитарной теории демократии вообще, веберовского ее варианта — в особенности.

3. Проблема перехода от авторитаризма к демократии в конце XX века

В последние десятилетия XX в. проблема перехода от авторитаризма к демократии оказалась в центре внимания политиков и политологов. Это следствие, с одной стороны, большого числа попыток такого перехода, осуществляемых или провозглашаемых многими странами, а с другой —

чрезвычайной сложности этого процесса, который нередко заканчивается относительными неудачами, а то и полным провалом.

Образцовой страной в плане смены авторитарного политического режима демократическим признается Испания, хотя и в ней не обошлось без попытки государственного переворота, предпринятой частью офицерства. Испанский опыт пакта Монклоа (пакта о гражданском согласии) в последнее время активно пытаются внедрить в России. Специалисты выделяют три основные особенности испанского политического процесса, обеспечившие его положительный результат и весьма сильно отличающиеся от процессов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе.

Во-первых, постепенность: когда испанский диктатор Франко передал власть королю Хуану Карлосу, а тот, в свою очередь, назначил премьер-министром Адольфо Суареса, это вызвало глубокое разочарование в обществе, поскольку Суарес имел прочную репутацию консерватора; однако Суарес вел реформы хотя и медленно, но неуклонно, что и обеспечило им успех.

Во-вторых, законность: основные политические силы Испании договорились о том, что будут действовать на основе существующих законов, как бы плохи те ни оказались; законы, принятые при диктаторе Франко, соблюдались до тех пор, пока не отменялись законным же порядком; стремление не соблюдать Конституцию или законы на том основании, что они тормозят реформы, пресекалось; легитимность в ее веберовском понимании не противопоставлялась легальности (законности), а прочно основывалась на ней.

В-третьих, опережение экономических реформ политическими: поскольку экономика в переходный период не подвергалась сколько-нибудь серьезным преобразованиям, а тем более — экспериментам, социальная стабильность в обществе сохранялась, что позволяло реформировать политическую систему в относительно спокойных условиях без больших потрясений.

Характер политического процесса в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе был совершенно иным: не постепенным, эволюционным, а революционным, основанным главным образом не на легальности (законности), а на революционной целесообразности; не последовательным, а параллельным во всех сферах общественной жизни, что вызвало одновременно экономический кризис, крайнее социальное расслоение, политические потрясения, в ряде случаев — распад государственности, разрушение старых стереотипов общественного сознания и замену их новыми.

Очевидно: испанский опыт в третьем его компоненте в Восточной Европе и России применен быть не мог. В Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), в Восточной же Европе и бывшем Советском Союзе главной составляющей процесса стала именно смена общественно-экономической системы. Что касается двух других компонентов испанского опыта (постепенности и законности), то отказ от их использования определялся волей политических элит. При этом революционный характер политического процесса с неизбежностью породил, как минимум, две его особенности.

Первая — острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами, конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного насилия, включая малые гражданские войны. Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с декоративной парламентской властью (Туркменистан, Узбекистан).

Вторая особенность — резкие колебания политического «маятника» сначала в сторону неограниченной демократии и даже охлократии, а затем, как предсказывал еще Аристотель, в сторону нарастания авторитарных тенденций. Проявления этих тенденций — создание в большинстве стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик, незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ», продление президентских полномочий путем референдумов, в ряде случаев — ущемление в правах национальных меньшинств, замена выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти, ограничение роли власти судебной и т. д. и т. п.

Все это доказывает, что, во-первых, существует определенная закономерная связь между уровнем производства культуры и социальной стабильности в обществе, с одной стороны, и уровнем демократии — с другой. Обществу приходится жить «по средствам», имея столько демократии, сколько оно может себе позволить, чтобы не разрушить основ своей жизни. Во-вторых, переход от авторитаризма к демократии осуществляется в разных странах неодинаково, в том числе в большинстве посткоммунистических государств он, по-видимому, будет происходить волнообразно, сопровождаясь периодами реставрации авторитаризма.

Социально-философские аспекты государственной образовательной политики... Диссертация... доктора философских наук. М., 2001

**РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ДИАЛЕКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И АВТОРИТАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Как показано в работах автора, в принципе смена отечественных политических режимов в 1985—2000 гг. вполне укладывается в схему, хорошо известную еще античным мыслителям: авторитаризм — попытка создания «демократии без берегов» (охлократии) — новое нарастание авторитарных тенденций. Эта логика вполне соответствует и описанному выше феномену «маятника».

Социально-политические революции (т. е. социальные революции, осуществляемые посредством политического переворота, предполагающие слом прежней политической системы, замену политических элит и т. п.) по самой их природе вообще редко совместимы с более или менее последовательной демократией, что подтверждает и статистический анализ: в подавляющем большинстве случаев новая власть либо с самого начала устанавливается как авторитарная, либо на смену периоду революционной демократии приходит период революционной диктатуры.

Даже в ситуациях подлинно великих и прогрессивных социальных революций на практике до сих пор практически нигде не удавалось разрешить противоречие между демократической природой такой революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Коренная ломка (или «радикальная трансформация») одной социетальной системы и замена ее другой, как правило, невозможна без сильной власти. Такой власти требуют: множественные катастрофы и мобилизационная экономика, с помощью которой их обычно приходится преодолевать; необходимость регулирования и подавления социальных конфликтов, угрожающих полным разрушением общественной системы; деструкция социальных институтов, связанная с нею аномия и политическая анархия и т. п. Однако, с другой стороны, как показывает исторический опыт, «диктатура пролетариата» очень легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в вождей авторитарных или тоталитарных режимов.

Теоретические ключи к решению данной проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие «демократии участия» (партисипаторной демократии), «базисной демократии», «самоуправления трудящихся» и т. п. Однако с помощью этих ключей «дверь» в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

Именно революционный характер социально-политического процесса стал главной причиной срыва попыток заключения пакта о гражданском согласии, неоднократно предпринимавшихся в России, по аналогии с пактом Монклоа, обеспечившим в Испании плавный переход от авторитаризма к демократии. Возможность такого перехода определяли три основные особенности испанского политического процесса: постепенность; легальность, которая не противопоставлялась, как в России, легитимности в ее веберовском понимании, но выступала ее основой (законы, принятые в период авторитаризма, соблюдались до тех пор, пока не отменялись законным же порядком); опережение экономических реформ политическими. Сопоставление данной сущностной характеристики испанских реформ с опытом Китая, где, напротив, экономические реформы осуществлялись в условиях относительной политической стабильности, указывает на статистическую закономерность более общего характера, а именно: вероятность одновременных успешных преобразований всех сфер жизни общества достаточно низка.

Характер политического процесса в большинстве постсоциалистических стран был совершенно иным: не постепенным (эволюционным), но революционным, основанным главным образом не на легальности, но на «революционном правосознании», готовности следовать праву лишь в той мере, в какой оно не противоречило «интересам реформ»; не последовательным, но параллельным во всех сферах общественной жизни. Последнее было детерминировано тем, что в Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), тогда как в Восточной Европе и бывшем СССР главной составляющей процесса стала именно смена типа общественно-экономической системы.

При этом революционный характер политического процесса с неизбежностью породил: острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами — конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного

насилия, включая малые гражданские войны; создание в большинстве стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик; незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ»; продление президентских полномочий путем референдумов; в ряде случаев — ущемление в правах национальных меньшинств; замену выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти; ограничение роли власти судебной и т. д., и т. п. Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с чисто декоративной парламентской властью (Туркменистан, Узбекистан).

В условиях новейших революций в большинстве стран бывшего СССР существовало, как минимум, три основных фактора (или группы факторов), детерминировавших, при всех различиях в интенсивности их проявления, нарастание авторитарных тенденций:

- 1) чрезвычайно широкое использование механизмов плебисцитарной демократии;
- 2) подавление законодательной власти исполнительной властью вообще и президентской властью — в особенности;
- 3) крушение попыток создания новых массовых движений левой, левоцентристской либо просто социальной направленности.

Три названных фактора, которые резко ограничили возможность воздействия законодательства на политический курс и которые автор в свое время характеризовал как три трагедии российской демократии, заслуживают специального рассмотрения.

1. Исследованию роли *плебисцитарных механизмов* в формировании политической системы постреволюционной России в работах автора предпослан анализ места соответствующей теории среди различных концепций демократии. При всем многообразии таких концепций и их классификаций для целей настоящего исследования наиболее важно подразделение последних в зависимости от преобладающей ориентации на прямую или представительную демократию:

а) на плебисцитарные (идентиторные), которые ориентируются непосредственно на волю народа, отвергают легитимность конфликта интересов и исходят из предположения, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать ее может не обязательно сам народ, но также уполномоченный им лидер или партия;

б) на репрезентативные (представительные), которые интерпретируют демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление, видя в парламентской демократии защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных тенденций массового сознания и связывая эффективность управления с разделением труда и компетентностью специалистов.

На протяжении последнего столетия отечественной истории своеобразной экспериментальной апробации в России были подвергнуты две концепции: марксистская, авторы которой принадлежали к числу наиболее радикальных сторонников представительной демократии (но отнюдь не предполагали ею ограничиваться), и концепция М. Вебера, представляющая собой своеобразную интерпретацию идеи о непосредственном народном волеизъявлении.

По иронии истории, но в точном соответствии с ситуационными закономерностями революции обе эти теории дали результаты, прямо противоположные ожидаемым. По замыслу авторов марксистской концепции демократии, ее реализация уже в сравнительно короткий период диктатуры пролетариата должна была привести к демократии нового типа, обеспечивающей власть трудящихся, а затем к постепенному отмиранию государства вместе с демократией как его политической формой. Однако страна получила продолжительную серию сменяющих друг друга тоталитарных и авторитарных режимов. Аналогичным образом, согласно замыслу М. Вебера, разработанная им концепция плебисцитарной демократии должна была обеспечивать харизматическому лидеру свободу от сковывающего влияния бюрократии и тем самым — возможность стратегического прорыва в переходных обществах. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т. п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагал ограничить роль народа в политическом процессе избранием сильного авторитарного лидера, который, в свою очередь, должен ограничить дальнейшее вмешательство народа в политику, вместе с тем защитив его от бюрократии. Однако в России 90-х годов эта концепция была использована как главный механизм легитимации результатов «революции управляющих»!

Автором показано, что система, созданная по модели Макса Вебера, может более или менее успешно функционировать, не вырождаясь в чистый авторитаризм, лишь при определенных условиях.

Первое из них — гражданско-демократический тип политической культуры вообще и развитые демо-кратические традиции — в особенности. Только лидер, который на уровне культурных архетипов впитал уважение к Закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, способен

воздерживаться от того, чтобы узурпировать ее целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому подобная система сравнительно успешно функционирует в США или Франции, но в большинстве случаев рождает авторитаризм в Латинской Америке или в государствах бывшего СССР.

Второе условие — сильная политическая оппозиция, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественным мнением зачастую удастся манипулировать в направлении, выгодном для правящей политической элиты. Если в предыдущих революциях преобладающими были методы принуждения, включая прямое насилие, то в новейших революциях конца XX в., включая российскую, преобладает именно политическое манипулирование.

Разумеется, подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Однако для России и других стран, переживших новейшую революцию, особую важность имеет как раз смена методов политического управления, их новизна, поскольку в предыдущий период большинство граждан привыкли принимать навязанное им мнение за свое собственное. Лишь новейшие социологические исследования показывают снижение доверия к средствам массовой информации, а также эффективности их действия на массовое сознание.

Третье, и, по-видимому, главное условие — относительная общественная стабильность. В обстановке высокой социальной напряженности, а тем более глубоких политических и экономических кризисов лишь немногие граждане способны сохранить здравый смысл и делать свой выбор вполне осознанно. В революционных же условиях, когда политически активное меньшинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой — страдает от возникающего хаоса, избирателям вдвойне труднее принять сколько-нибудь взвешенное решение и просчитать последствия своих действий. Немаловажно и то, что, как уже отмечалось, в такой исторический период новые иллюзии множатся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с легкостью достигавшиеся правящими политическими элитами России и стран СНГ в 90-х гг., как раз и отражают нестабильность в обществе, зигзаги революции.

На взгляд автора, во-первых, разрабатывая данную концепцию в качестве элемента стратегии антибюрократического прорыва, М. Вебер явно имел в виду не социальную революцию, противником которой он был, но политическую реформу; во-вторых, на взгляд автора, даже в исторической ситуации реформы риски, связанные с реализацией веберовской концепции (авторитаризм, злоупотребление властью и т. п.), существенно превышают шансы на осуществление прорыва к более высокому типу рациональности.

Сказанное о необходимых условиях, обеспечивающих относительную эффективность и безопасность функционирования плебисцитарной демократии по модели М. Вебера, относится в основном и к иным плебисцитарным моделям и механизмам легитимации власти, и, в частности, к использованию референдумов при принятии политических решений.

Анализ ситуации в развитых индустриальных странах показывает, что даже при наличии названных выше условий в статистически значимом большинстве случаев референдум выигрывает тот, кто его проводит. Если же такие условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле дает политической элите чрезвычайно широкие возможности манипулирования волеизъявлением народа. Причем данный вид манипулирования с аксиологической точки зрения едва ли не худший, ибо его можно характеризовать, перефразируя известную формулу К. Маркса, как манипулирование народом посредством самого народа.

Очевидно, что в России и бывших республиках СССР, где использование плебисцитарных механизмов легитимации власти новой политической элитой приобрело чрезвычайно широкий размах, все три охарактеризованные выше условия эффективного функционирования данных механизмов отсутствуют. Поэтому соответствие волеизъявлению народа результатов референдумов и прямых президентских выборов является проблематичным, а иногда ставится под сомнение международными организациями (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Украина и др.). В одних случаях эти результаты просто игнорировались (например, результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР); в других — референдумы по одному и тому же вопросу в короткие сроки давали прямо противоположные результаты (например, на Украине 17 марта и 1 декабря 1991 г.); в третьих — законно избранные таким путем президенты вскоре лишались власти (З. Гамсахурдиа в Грузии, А. Эльчибей в Азербайджане).

Совместно с политэкспертом А. Ю. Глубоцким автором создана база данных о референдумах на

территории СССР и бывших республик СССР в 1991—2000 гг., включая сведения о 1 общесоюзном референдуме, 2 референдумах в республиках и бывших республиках СССР (в т. ч. 6 общероссийских), 24 референдумах в субъектах Российской Федерации, созданных с учетом национальных особенностей (республики и округа), 13 референдумах в других субъектах РФ, 2 региональных референдумах в бывших республиках СССР и 4 референдумах в непризнанных республиках. При этом, в случае вынесения на референдум нескольких вопросов одновременно, референдум по каждому из них рассматривался в качестве особой политической единицы и особого объекта исследования.

Анализ собранных данных показывает, во-первых, чрезвычайно высокий процент референдумов, выигранных организаторами. Среди исследованных 96 референдумов 70 могут быть однозначно оценены как выигранные инициаторами (72,9%); 19, на которых был получен отрицательный ответ или которые не состоялись, условно могут быть оценены как проигранные (19,7%); в 7 случаях однозначная оценка итогов референдума в категориях «победа или поражение организаторов» затруднена.

Во-вторых, выявляется четкая зависимость последствий референдума от того, соответствовали или не соответствовали намерения его организаторов господствующей исторической тенденции и прежде всего — сущностным характеристикам и закономерностям революции как исторической ситуации. Помимо описанных выше условий эффективного функционирования плебисцитарной демократии, именно такое соответствие обеспечило, например, правящей политической элите победу в апреле 1993 г. на референдуме по вопросу «Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?» в ситуации колоссального падения производства и жизненного уровня. Именно такое несоответствие обусловило нежелание и неспособность союзной политической элиты обеспечить реализацию результатов референдума 17 марта 1991 г.

В научных и публицистических работах автора показана особая роль и антидемократический характер использования плебисцитарных механизмов при принятии Конституции РФ 1993 г. При этом были сформулированы аргументы как общетеоретического, так и конкретно-исторического характера.

Суть общетеоретических аргументов заключается в том, что референдум по проекту Конституции в целом, а также по проекту основных ее положений «в пакете», является отнюдь не актом сознательного выбора модели общественного и государственного устройства, но всего лишь актом выражения доверия или недоверия правящей политической элите и (или) политическому лидеру: во-первых, на таком референдуме гражданам по существу предлагается дать единственный ответ на несколько десятков (или сотен) разнородных вопросов, однако с рациональной точки зрения такой однозначный ответ невозможен; во-вторых, подавляющее большинство населения в любой стране (а тем более в кризисной, революционной России) проектов Конституции вообще не читает, даже если они выносятся на референдум; в-третьих, большинство из абсолютного меньшинства граждан, прочитавших проект Конституции, не имеет достаточной политико-юридической квалификации для его глубокого осмысления.

Однако и вариант референдума по основным положениям Конституции, когда гражданам приходилось бы голосовать за них не «в пакете», а за каждое в отдельности, отнюдь не избавляет организаторов и население от трудностей, средоточием которых оказывается «вопрос о вопросах» (т. е. о том, какие вопросы выносить на референдум и как их формулировать), причем эти трудности условно могут быть разделены на три основные группы:

— политико-юридические — в случае весьма вероятного утверждения не всех, а лишь части концептуальных положений новой Конституции, работу над ее проектом по сути пришлось бы начинать сначала;

— политико-морального характера — какие именно основы общественного и государственного устройства должны считаться устоявшимися, самоочевидными, и о каких следует опрашивать мнение народа, ставя их тем самым под сомнение (обычно политические элиты выносят на референдум лишь такие вопросы и в таких формулировках, по которым поддержка народа была бы в высокой степени гарантирована, и нет никаких оснований полагать, что российская элита стала бы исключением из этого правила);

— политико- и юридико-технические — даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом (проанализировано на примере проблемы президентской и парламентской республики в России).

Что касается конкретно-исторических условий принятия российской Конституции в декабре 1993 г., то референдум проводился не только по самой недемократической модели (голосование за

Конституцию в целом), но и в ситуации, близкой к чрезвычайному положению при фактической делегитимизации всех основных институтов государственной власти, что нашло отражение в соответствующем решении Конституционного Суда. Действительно, Президент Российской Федерации:

- не имел права указом отменить прежнюю Конституцию, однако отменил;
- не имел права распускать Съезд народных депутатов России, однако сделал это;
- не имел права назначать референдум, однако назначил;
- назначил выборы в двухпалатный парламент до того, как конституционное решение о его создании было формально узаконено референдумом;
- не имел права указом отменить множество законодательных актов, однако аннулировал их действие;
- приостановил деятельность Конституционного Суда;
- не включил в число отмененных законов действовавший Закон «О референдуме РСФСР» и, следовательно, даже по революционной (нелегальной, противозаконной) законности этот Закон продолжал действовать, а результаты референдума необходимо было определять в соответствии именно с ним.

Посредством референдума 12 декабря 1993 г. Конституция РФ приобрела псевдолегальный характер. Тем самым, во-первых, была окончательно установлена крайне диспропорциональная система распределения полномочий между законодательной и исполнительной властями, а во-вторых, введен в действие текст статьи 43 Конституции, устанавливающей право на образование (о чем речь пойдет в разделе 4).

2. Анализируя *основные тенденции в развитии отношений между законодательной и исполнительной властями в СССР и России*, автор показал, что на последних этапах периода реформ (со второй половины 1988 и примерно до второй половины 1990 г.) господствующей тенденцией было движение страны в направлении представительной демократии, а одним из основных требований политической оппозиции стал лозунг: «Власть – Советам». Однако в соответствии с законами революции, уже в конце реформистского периода в новую мифологию вошли два деструктивных политических мифа, а именно:

- 1) Советы – антипод парламентаризма;
- 2) всевластие Советов таит в себе угрозу новой диктатуры.

В действительности, как показано автором, *Советы – не антипод представительной демократии*, но одна из форм ее реализации, причем самых радикальных. Историческая драма Советов заключалась не в том, что они были антидемократическим политическим институтом, но как раз напротив, в том, что они были слишком демократичны и в этом отношении превосходили реальные возможности эпохи. В обоих случаях, когда предпринимались попытки реализации концепции советской демократии, в 1917-1918 и в 1989—1990 гг., наряду с необычайным всплеском народной инициативы, эти попытки дали и массу негативных последствий, причем пороки оказались продолжением достоинств, а достоинства превратились в собственную противоположность:

- демократизм — в популизм, поскольку депутаты, подконтрольные избирателям, легко принимали решения, не обеспеченные организационными и финансовыми ресурсами;
- антибюрократизм — в непрофессионализм, ибо выходцы из народа не владели искусством законодательства и административного управления;
- децентрализация — в «парад суверенитетов», вплоть до суверенитета отдельного уезда или района.

Поскольку аналогичные тенденции в период революционной демократии наблюдались в большинстве стран (например, во французской революции 1789—1794 гг. и в европейских революциях 1848—1850 гг.), очевидно, что они представляют собой органические пороки не столько советской системы, сколько первоначального этапа демократического развития вообще.

Второй миф заслуживает внимания в силу:

- своеобразной политической устойчивости при противоположном аксиологическом использовании: он входил в мифологию советского и постсоветского периодов, однако в первом случае власть Советов оценивалась как одно из главных достижений, тогда как во втором – как наследие антидемократического прошлого;
- исторической деструктивности: в первом случае он прикрывал власть «партократии», т. е. партийных органов, а во втором — стремление к установлению нового полуавторитарного режима посредством создания системы суперпрезидентской власти.

Автором показана несостоятельность квазюридической аргументации данного мифа, включая

ссылки на статью 104 Конституции РСФСР (а затем РФ), согласно которой Съезд «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации», ввиду того, что:

— отражая вектор изменения общественных настроений, Съезд народных депутатов России в первые два года своей деятельности последовательно смещался вправо, что в политической сфере проявилось, в частности, в добровольной передаче всё большего объема полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под лозунгом «разделения властей». При этом в соответствии с логикой революции данный принцип приобрел содержание, противоположное исходному (ограничение не произвола исполнительной власти, но полномочий Парламента, превращение его скорее в законсовещательный, чем в законодательный орган);

— формально присутствуя в Конституции, статья 104 никогда не применялась на практике, поскольку иными статьями были детально прописаны полномочия Съезда народных депутатов, Верховного Совета, Правительства, а затем и Президента;

— даже в тех случаях, когда российский Парламент принимал решения в полном соответствии с его компетенцией, эти решения исполнялись лишь постольку, поскольку были совместимы с целями и представлениями околопрезидентской политической субэлиты.

В работах автора проанализированы генезис и динамика формирования суперпрезидентской системы в России, включая перераспределение в ее пользу реальной власти за счет иных властных структур. При этом раскрыты антидемократический характер, роль и структура политического мифа, в позитивной форме которого президентская власть была представлена в массовом сознании, включая следующие основные мифологемы:

— иллюзорно-авторитарная, т. е. отражающая массовые авторитарные иллюзии (президентская власть гарантирует порядок в стране);

— квазидемократическая (прямые выборы Президента всеобщим голосованием есть высшая форма демократии, волеизъявления народа);

— псевдогосударственническая (сильный Президент — залог суверенитета («независимости») России);

— псевдореформаторская (сильный Президент — гарант радикальных реформ в России, подобно тому, как это имело место в Чили при Пиночете);

— основанная на ложной альтернативе (авторитарная президентская республика как якобы единственное спасение от диктатуры).

Принятые в мае 1991 г. поправки к Конституции РСФСР, как показано автором, нарушили баланс властных полномочий, поставили Президента над Парламентом, а Правительство вывели из-под контроля парламентариев. Об опасности такого подхода на IV Съезде народных депутатов России предупреждали лишь два его участника: автор этих строк и фактический руководитель Конституционной комиссии О. Г. Румянцев, заявивший, что создаваемая президентская система представляет собой смесь французской с латиноамериканской.

В дальнейшем конфликты между двумя ветвями власти, вопреки официальному мифу, развивались не по линии «реформаторы — консерваторы», но между сторонниками революционной ломки прежней системы, сосредоточенными в структурах исполнительной власти, и реформистами, в большинстве своем представленными в структурах власти законодательной (депутаты, по самому их статусу обязанные реагировать на мнение избирателей, не могли с той же скоростью двигаться вправо и принимать «непопулярные» решения, как это делала президентско-правительственная часть политической элиты). Точно так же это были конфликты не между сторонниками президентской и парламентской республики, но между приверженцами (убежденными или вынужденными) различных моделей президентской системы (французской, американской и т. п.) и защитниками системы суперпрезидентской.

Конституция 1993 г. с формально-юридической точки зрения резко изменила, а фактически узаконила сложившуюся практику отношений между президентской и парламентской ветвями власти. При этом по сравнению с парламентами индустриально развитых стран, в т.ч. в президентских республиках, российский Парламент оказался, как минимум, пятикратно ограничен в правах.

Во-первых, депутаты обеих палат российского Парламента ограничены в праве законодательной инициативы. Согласно статье 104 Конституции РФ, «Законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации».

Поскольку решение вопроса о том, требует ли данный законопроект затрат из федерального бюджета, не всегда очевидно и многократно вызывало споры на пленарных заседаниях Госдумы и заседаниях ее Совета между парламентской и президентской либо правительственной сторонами; поскольку подготовка финансово-экономического обоснования законопроекта, отсутствие которого не позволяет получить за-ключения Правительства, представляет значительные трудности для парламентских комитетов, аппарат которых в количественном отношении на порядок уступает аппаратам аналогичных комитетов в парламентах развитых стран; поскольку до принятия Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» сроки представления правительственных заключений на проекты федеральных законов не были установлены законодательно и, соответственно, заключения на законопроекты, не поддержи- ваемые Правительством, направлялись в Госдуму с большими задержками, а соответствующие правительственные документы нередко именовались не заключениями, но замечаниями или отзывами Правительства РФ, что давало возможность президентской либо правительственной стороне утверждать, будто закон принимается в нарушение статьи 104 Конституции РФ. В силу этих и ряда других причин данная конституционная норма и особенно практика ее применения существенно затрудняли реализацию права законодательной инициативы парламентариями.

Во-вторых, за редким исключением депутаты Парламента не в состоянии добиться того, чтобы закон вступил в силу без санкции Президента и (или) Правительства. Большинство же законов, направленных на расширение социальных прав граждан, включая законы в области образования, отклонялись Президентом, как правило, по финансовым причинам при юридических мотивировках (см. раздел четвертый).

Согласно Конституции РФ, для преодоления президентского вето требуется 2/3 голосов в обеих палатах Парламента. Поскольку, с одной стороны, подавляющее большинство законопроектов социальной направленности вносилось депутатами от политической оппозиции, а с другой — в Госдуме всех трех созывов сильны были позиции проправительственных фракций (даже в 1995—1999 гг. левая оппозиция располагала не более чем 210 голосами), одобрение законов в прежней редакции большинством в 300 голосов в каждом созыве Госдумы удавалось менее чем в половине от общего числа попыток.

В Совете Федерации вероятность преодоления президентского вето была меньше и снижалась соответственно тому, как менялся порядок формирования данной палаты. Поскольку Совет Федерации первого созыва формировался путем прямых выборов в двухмандатных округах, а его депутаты непосредственно ощущали связь с избирателями, показатели голосований по социальным законам в такой палате были ниже, чем в Госдуме, однако кардинально от ее показателей не отличались. Совет Федерации второго созыва имел гораздо более низкие показатели голосований по социальным законам, поскольку формировался по должности из руководителей законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ, а, следовательно, с одной стороны, федеральная исполнительная власть обладала «рычагами» давления на региональных лидеров в виде трансфертов, субвенций и ссуд регионам, которые они представляли, а с другой — этим лидерам приходилось предварительно оценивать, способен ли соответствующий региональный бюджет принять на себя часть расходов, которые в большинстве случаев предусматривались тем или иным социальным законом.

Есть серьезные основания полагать, что показатели голосований по социальным законам в Совете Федерации третьего созыва будут еще ниже, чем у региональных лидеров, поскольку члены верхней палаты вообще не станут нести никакой ответственности перед населением, но, напротив, окажутся в высокой степени зависимости от лидеров регионов, с одной стороны, и от федеральной исполнительной власти — с другой.

В-третьих, хотя в случае преодоления вето обеими палатами Парламента действующая Конституция не оставляет Президенту иного варианта поведения, кроме подписания закона, а в случае несогласия — последующего обращения в Конституционный суд, законы многократно возвращались в обе палаты Парламента без рассмотрения с мотивировкой о действительных или мнимых нарушениях регламента депутатами этих палат. Обращаться же в Конституционный суд приходилось парламентариям, что на годы затягивало процедуру рассмотрения законов и еще более снижало эффективность законотворческого процесса. Так продолжалось вплоть до вынесения Конституционным Судом специального решения по Федеральному закону «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации».

В-четвертых, согласно действующей Конституции, палаты Парламента не наделены правом

толкования не только Основного закона страны, но также принимаемых ими федеральных конституционных законов и федеральных законов. Подобная ситуация в парламентской практике более или менее развитых стран — крайняя редкость: по общему правилу толкование законов осуществляют те, кто их принимает. В России же правом официального толкования Конституции и вынесения решений о соответствии ей федерального законодательства наделен лишь Конституционный суд, а фактически законы трактуются Президентом. Соответственно Президент неизменно отклонял попытки депутатов Государственной Думы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы.

В-пятых, по Конституции Российский парламент не наделен правом контроля над исполнением законов, что также является крайне редким исключением в мировой парламентской практике. Автор этих строк входил в число разработчиков поправки к статье 102 Конституции РФ, предполагавшей наделение контрольными функциями для начала хотя бы верхней палаты Парламента — Совета Федерации, однако эта поправка не была рассмотрена ввиду того, что федеральный закон, устанавливающий порядок внесения поправок в Конституцию, был принят лишь пятью годами позднее.

Таким образом, при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике российский Парламент никак не может претендовать на статус полноправного законодательного органа, а тем более первой ветви власти. Он лишь способен помочь либо помешать законодательному (но не фактическому) «запуску» тех или иных нововведений в экономической, социальной и других сферах жизни общества. Эта общая ситуация предопределила и те ограничения возможностей законодательного регулирования образовательной политики, о которых речь пойдет в разделе четвертом.

3. Как показано в работах автора, третьим важнейшим условием, способствовавшим нарастанию авторитарных тенденций, включая ослабление воздействия Парламента на политический курс в целом и на образовательную политику — в частности, стало *крушение попыток создания новых политических движений левой, левоцентристской и социальной ориентации*. В совокупности с ситуационными характеристиками и закономерностями революции, описанными в разделе первом, это обстоятельство может служить ключом к очередному парадоксу российского политического процесса, а именно: в стране, где, согласно опросам, в ситуации выбора между индивидуальной свободой и социальным равенством до 2/3 населения предпочитают последнее, левые постоянно оказывались в меньшинстве в обеих палатах Парламента (наивысшее достижение — около 45% в Государственной Думе второго созыва) и регулярно проигрывали президентские выборы.

Действительно, в России 90-х годов существовали, по крайней мере, две группы факторов, которые по логике вещей должны были усиливать левые настроения:

1) провал курса экономической политики в духе «шоковой терапии», о чем речь шла в разделе первом;

2) особенности национальной ментальности, в которой прочно укоренились представления о социальной справедливости коллективистского и во многом уравнилельного характера. Многочисленные представители социогуманитарных наук, различающиеся парадигмальными и политическими воззрениями, в том числе на основе исследований методами контент-анализа, давно сделали вывод о том, что «архетипы» классической российской культуры, включая культуру XIX и начала XX вв., ориентированы не на материальный интерес и личное обогащение, а скорее на нестяжательскую самореализацию, а иногда — самоотречение в интересах других людей. Пропаганда примитивной рыночной психологии плохо совместима с таким культурным контекстом (подробнее см. раздел третий).

Однако роль названных выше факторов, в иных условиях способных вызвать «левый поворот», в ситуации новейшей российской революции весьма неоднозначна. Так, экономический кризис и связанное с ним обнищание широких слоев населения вызывали скорее не леводемократические, но крайне левые (неосталинистские) и крайне правые настроения либо апатию и равнодушие к любой политике. Уравнилельные же стереотипы массового сознания, во-первых, как уже отмечалось, были использованы при осуществлении ваучерной приватизации, а во-вторых, регулярно провоцируют массовое недовольство не столько нуворишами, воспользовавшимися результатами приватизации, сколько представителями низшего (в лучшем случае — среднего) класса, получающими якобы несправедливо более высокую заработную плату (пенсии, льготы и т. п.).

Проанализированные в разделе первом факторы «правого поворота» следует дополнить еще одним, причем весьма парадоксальным: доминирование левой психологии при неприятии левой идеологии. В силу революционного отрицания и ненависти ко всему старому широкие слои электората

(до 1/3) не голосуют на выборах за левые политические течения, нередко превосходя их лидеров левизной настроений, поскольку не приемлют партийных названий и терминологии, ассоциирующихся с «социалистической» эпохой, но либо вообще не участвуют в выборах, либо голосуют за тех, кого принимают за новую оппозицию левого толка.

В таких условиях, с точки зрения политики вообще и образовательной политики — в частности, необходимость новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации обуславливалась как общими, так и конкретно-историческими причинами.

Во-первых, именно конкуренция левых и правых в политике в индустриально развитых странах позволяет находить более или менее соответствующее исторической ситуации решение одной из фундаментальных проблем современной цивилизации — проблемы соотношения индивидуальной свободы и социальной справедливости. Общеизвестно, что в данное время и в данной стране более эффективными могут оказаться управленческие решения, лежащие в русле то более левой, то более правой политики, что и обеспечивает попеременный приход к власти блоков социал-демократического и либерально-консервативного типа.

Однако сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что на длинных «дистанциях» социального развития человечества вектор политического курса заметно смещается влево, к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный» капитализм («потребительское общество») справедливее капитализма первоначального и т. п. Другими словами, вопреки известному мнению Р. Арона, по большому счету, более эффективное общество в конце концов оказывается более справедливым — и наоборот. Предположение, будто в конце XX века эта тенденция кардинально сменилась на противоположную, вряд ли обоснованно и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Подтверждением данному тезису могут служить и тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью — с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же — с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром». Речь идет о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников или, по крайней мере, на их существенном участии в прибылях и управлении; об относительно высоком среднем уровне жизни; о развитой системе социальных гарантий; об активном экономическом регулировании; об ограничении социального неравенства и т. п. Многие специалисты — от социал-демократов до правых либералов типа Ф. А. Хайека — не без некоторых оснований считают все это проявлением социализации.

Во-вторых, сильная оппозиция — одно из абсолютно необходимых условий сохранения демократии в политических системах современного типа вообще, а в постсоциалистических странах с переходной экономикой — в особенности. В России же при доминировании правых в политике действительная оппозиция может быть только левой. Попытки (например, «Яблока») во второй половине 90-х гг. провозгласить правую оппозицию при наличии фактических представителей данного политического объединения в Правительстве имели чисто тактический характер (сбор части голосов протестного электората) и закончились вместе с созданием либеральной коалиции, включившей «Яблоко» и СПС.

В-третьих, в России 90-х гг., переживавшей маятникообразное движение вправо, новые массовые движения левой ориентации были необходимы не только для сохранения политического равновесия, но и потому, что в таких условиях практически все политические течения также оказались сдвинутыми вправо на одну ступень по отношению к их западным аналогам: коммунисты искали варианты сочетания социал-демократических идей с государственнической идеологией, социал-демократы тяготели скорее к либерализму, чем к социальности, радикальные же либералы по сути разделяли позиции зарубежных неоконсерваторов, а нередко еще более правые.

Наконец, в-четвертых, идея общедоступного и бесплатного образования, вошедшая в XX в. в число общецивилизационных, по своему смыслу и историческому генезису связана с левой и социалистической идеологией. Соответственно реальная политическая поддержка законопроектов, направленных на защиту и развитие образования, осуществлялась в Парламенте преимущественно депутатами левыми фракциями и группами. Так, выполненный автором анализ результатов 38 голосований фракций и групп в Государственной Думе второго созыва по 17 ключевым законам и законопроектам, направленным на поддержку образования, дает следующие средние показатели: КПРФ — 84,3%; Аграрная депутатская группа — 73,2%; группа «Народовластие» — 66,4%; фракция ЛДПР — 64,6%; «Яблоко» — 56,1%; «Российские регионы» — 49,6%; фракция НДР — 42,3% (при

среднем уровне поддержки законов в области образования в 62,8%).

Однако детерминированная историческими условиями потребность в создании новых массовых политических движений левой и (или) социальной ориентации в России 90-х гг. не была реализована в силу целой совокупности причин не только объективного характера, вызвавших смещение политического курса вправо, но и характера преимущественно субъективного, к которым относятся:

— разочарование широких слоев населения в политике вообще и своеобразная «политическая аллергия» на партийность — в частности как реакция на полупринудительную партийность в советский период;

— кадровый дефицит политиков в левой части спектра в силу множества причин, включая массовый уход в бизнес и попытку «капитализировать способности» многочисленных представителей интеллигенции;

— боязнь руководства официальных профсоюзов на протяжении долгого времени втягиваться в политику, а затем смещение позиций профсоюзного руководства вправо (правее многих лидеров, представляющих интересы национального капитала);

— непонимание значительной частью руководства КПРФ стратегических интересов левого движения в целом, предпочтение им узкопартийных интересов и нежелание «делиться электоратом» с другими движениями левой и социальной ориентации;

— организационная слабость и разобщенность левых активистов вне коммунистического и профсоюзного движения.

Совокупность этих причин предопределила ситуацию, когда большинство возникавших новых движений левой, левоцентристской и социальной ориентации либо остались карликовыми, либо вообще сошли с политической сцены.

Крушение попыток создания новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации непосредственно сказалось не только на характере российского политического режима, но также на масштабах влияния Парламента на политический курс.

Во-первых, оно облегчило правящей политической элите достижение победы на референдумах и президентских выборах, ибо, создав своим политическим противникам имидж сторонников возврата к прошлому и используя тем самым настроения революционного отрицания, она получила удобную мишень для подконтрольных СМИ и одновременно эффективное средство запугивания населения.

Во-вторых, по тем же причинам и с помощью тех же методов правящей элите удавалось начиная с 1993 г. уменьшить представительство в парламентах депутатов левой и социальной ориентации. В свою очередь, это затрудняло прохождение через парламентскую процедуру социальных законов, и, в частности, законов, направленных на поддержку образования, а тем более — преодоление президентского вето в отношении таких законов.

В-третьих, отсутствие новых массовых движений левой и (или) социальной ориентации, безусловно, ослабляло, с одной стороны, внепарламентскую борьбу за принятие социальных законов (в том числе в области образования), а с другой стороны — давление на представителей власти с требованием исполнения уже принятых законов. Профсоюзы, которые в таких условиях могли бы взять на себя соответствующую роль, в большинстве случаев с нею не справлялись, в том числе и по причине самого характера чисто профсоюзных требований и методов борьбы, предполагающих минимальное вмешательство в политику.

В-четвертых, и главное: отсутствие названных выше массовых движений при слабой реформированности Компартии было дополнительным фактором, сводившим к минимуму шансы левых получить политическую власть и тем самым — принципиально изменить курс экономической и социальной (в том числе образовательной) политики. Опыт постреволюционного развития государств на территории бывшего СССР и постсоциалистических государств в Восточной Европе показывает, что в соответствии с закономерностями революции как исторической ситуации, несмотря на некоторые колебания политического «маятника», ни одна слабо реформированная и не изменившая названия компартия власть получить не смогла. Напротив, бывшие компартии, объявившие о переходе на социалистические или социал-демократические позиции, в данном регионе приходили к власти неоднократно (Польша, Литва, Венгрия, Болгария), а то и просто ее не отдавали (Узбекистан). Поскольку же КПРФ, фактически изменив идеологию, сохранила название и основные организационные принципы, единственный способ добиться победы на выборах для левого блока в целом заключался в формировании новых массовых движений названного выше типа. Отсутствие же их в политическом спектре в значительной степени предопределило тот факт, что партии, ориентированные на защиту интересов работников, в том числе социальной сферы, на протяжении всего рассматриваемого периода находились в оппозиции и могли лишь в той или иной степени

влиять на политический курс, но никак не определять его.

Таким образом, как показано в работах автора, три проанализированных выше политических фактора, выступавших как зависимые переменные по отношению к ситуационным характеристикам революции как исторической ситуации и детерминировавших, наряду с факторами экономического и культурного характера, нарастание авторитарных тенденций, непосредственно детерминировали формирование в России авторитарно-демократического режима (демократического — по форме легитимации и авторитарного — по характеру функционирования власти), «режимной системы» (Р. Саква), режима «мнимого конституционализма» (по терминологии М. Вебера). Тем самым были резко ограничены пределы влияния законодательства на политический курс вообще и на образовательную политику — в частности.

ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Думаю, большинство читавших Тезисы ЦК согласятся с тем, что если намеченные меры будут приняты, а главное — воплощены в практику, если их не постигнет судьба госзаказа и прочих хороших начинаний, это станет большим шагом на пути демократизации общества. Ограничение срока пребывания на руководящих постах, принцип состязательности при проведении выборов партийных органов, восстановление полновластия Советов, сокращение лишних звеньев беспредельно раздутого аппарата — за эти и многие другие положения Тезисов обеими руками проголосует каждый, у кого они не отнимают жирного куса общественного пирога или холопского удовольствия быть «повелеваемыми» и наслаждаться покоем, ибо «наверху» уже все продумано.

Однако время недоброй памяти «единодушного одобрения» прошло, хочу надеяться, навсегда, и нельзя, особенно обществоведам, ограничиваться простой поддержкой Тезисов. Нужно идти дальше, дальше... Вот лишь некоторые соображения дискуссионного характера.

1. «Защитные механизмы»

В нашумевшей статье «Причины и следствия» (Урал.— 1988.— № 1) ее автор Сергей Андреев подметил общий недостаток многих партийно-правительственных постановлений последних десятилетий: эти постановления принимались с расчетом на то, что все, кому положено, будут их выполнять. Думается, не вполне свободны от этого недостатка и Тезисы ЦК КПСС. В самом деле, представим себе, что удалось решить одну из главных политических задач современного этапа нашего развития — разграничить функции партийных, советских и хозяйственных органов. Но что делать, если партийные комитеты различных уровней будут продолжать командовать Советами, как это сплошь и рядом делается сейчас? Куда обратиться коллективу, общественной организации, права которых ущемлены? Очевидно, в законе о разграничении функций нужно определить не только границы «возможного и невозможного», но и санкции за их нарушение, а также механизм реализации этих санкций. Один из вариантов — система конституционных судов, уже давно существующая в Югославии. Важную «защитную» роль могло бы сыграть также восстановление Центральной контрольной комиссии — органа, который, согласно Ленину, призван контролировать оперативную деятельность партийных органов и руководителей, вплоть до Политбюро и Генерального секретаря ЦК.

Говоря об этом, не могу согласиться с политической формулой, прозвучавшей в омских средствах массовой информации с легкой руки делегата XIX партийной конференции А. К. Грезина: «Перестройке не нужны защитники, перестройке нужны участники». Сам делегат — человек эрудированный, имеющий определенную политическую позицию и по отношению к реформе управления экономикой настроенный достаточно радикально. Однако независимо от намерений, от трактовки понятия «защитники» объективное политическое содержание формулы, на мой взгляд, сводится к двум моментам: 1) пусть каждый занимается своим делом, предоставив большую политику тем, кому положено ею заниматься; 2) перестройку незачем и не от кого защищать.

Не акцентируя внимание на том, что Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев не раз говорил прямо противоположное (каждый волен иметь свое мнение), нужно сделать одно замечание по существу. Именно непонимание необходимости защиты, излишняя вера общественности в то, что теперь-то все пойдет нормально и т. п., помогли краху политического процесса, начатого XX съездом КПСС, и экономической реформы 1965 года. Поэтому всякое благодушие и успокоенность сейчас не простительны. Тревога общественности за будущее нашего развития не только оправданна, она жизненно необходима и в обозримом будущем должна оставаться перманентной.

Да, перестройке нужны участники, но еще больше — защитники, ибо из печати и жизни мы знаем, что последние часто рискуют профессиональной карьерой, добрым именем, психологическим комфортом, и поэтому их так остро недостает. Думаю, верным лозунгом омской делегации и наказом ей от коммунистов могла бы стать иная формула: «Защитить перестройку, помочь ей словом и делом!» В этом смысле, на мой взгляд, заслуживает также внимания идея создания демократического фронта, предложенная в Эстонии,— фронта не только содействия перестройке, но и ее защиты. Возможны и другие меры «защитного» характера.

2. Советам — всю полноту власти!

Призывы разграничить функции, покончить с подменой советских и хозяйственных органов партийными звучали на XXVII съезде КПСС и последующих Пленумах ЦК. Немало их было и прежде. Однако результатов практически нет и, думаю, быть не могло. Можно сколько угодно призывать партийных руководителей не вмешиваться, не подменять, не администрировать (вероятно, некоторые и внемлют). Нельзя только, будучи материалистом, думать, что от всего этого, в принципе, можно избавиться, пока первым политическим лицом в районе, области, стране будет секретарь соответствующего партийного комитета, а не советский руководитель. Ведь кто за все отвечает, обычно всем и распоряжается, особенно когда функции не определены законом? Вспомним: В. И. Ленин был не Генеральным секретарем ЦК, а Председателем правительства (Совета Народных Комиссаров), и именно советские выборные должности рассматривались как ключевые. Прибавим к этому, что более высокое положение партийных руководителей в «табеле о рангах» едва ли соответствует демократическим принципам: если мы, коммунисты, имеем хотя бы абстрактную возможность избирать лиц, занимающих ключевые политические посты, то беспартийные такой возможности лишены вовсе. Передать всю власть Советам, а партии оставить общее политическое руководство обществом — значит сделать важный шаг по пути преодоления отчуждения народа от власти, а именно эта задача поставлена в Тезисах ЦК.

3. Сменяемость руководящих кадров

В порядке покаяния надо сказать, что, сосредоточив внимание на принципиально ином, чем при капитализме, характере власти в социалистическом обществе,— характере, который определяется отсутствием господствующего класса,— наша общественная наука, большей частью, правда, не своей охотой, умалчивала о том, что с точки зрения форм, процедур, механизмов организации политической жизни мы не только не превзошли буржуазную демократию, а во многом от нее отстали. Взять хотя бы процедуру выборов, которые в большинстве случаев давно, по сути, превратились у нас в назначение. Думаю, практическое воплощение идей, заложенных в Тезисах ЦК, позволило бы преодолеть отставание и в этих вопросах, а с учетом иного характера нашей власти — значительно выйти вперед по уровню реальной демократии.

Однако общество, претендующее на соответствие ленинской концепции социализма, не может довольствоваться мерками буржуазной демократии и в вопросах форм, процедур и механизмов. Маркс и Ленин, как всем известно, считали признаком власти трудящихся не просто выборность всех без исключения должностных лиц, но и их сменяемость в любое время. К сожалению, это положение не отражено в Тезисах ЦК. Правда, оно декларируется в некоторых юридических актах, но почти не осуществляется на практике, по крайней мере, по инициативе снизу.

Право отзыва должностных лиц перестанет быть формальным, если будет создан надежный механизм его реализации. Это могут быть, например, опросы общественного мнения с регулярной публикацией их результатов. Причем в отличие от правил, принятых в капиталистических странах, где такие опросы служат обычно критерием оценки эффективности или неэффективности политического манипулирования, падение доверия коллектива (народа) ниже определенного уровня означало бы досрочные выборы.

Кстати, о самих выборах. В Тезисах ЦК специально оговорено право выдвижения на любую должность или место более одной кандидатуры, что, безусловно, заслуживает поддержки. Однако жизнь много раз убеждала, что самые лучшие демократические установления легко поддаются бюрократическому выхолащиванию и умертвлению, если не продуман вопрос о гарантиях. Из текста Тезисов следует, что можно выдвигать, а можно и не выдвигать более одной кандидатуры, и бюрократия наверняка будет склоняться к последнему варианту. Думаю, надежнее было бы зафиксировать

обязательное выдвижение нескольких кандидатур на каждое место или должность, выдвижение же единственного кандидата допускать лишь в случае отказа всех остальных и оговорить специальным решением, которое принималось бы 3/4 голосов при тайном голосовании. Такая «принудительная» демократия необходима хотя бы временно, пока новая традиция не закрепится в политической культуре.

Не менее важно максимально сократить число ступеней избирательной «лестницы»: ввести прямые (по первичным организациям) выборы делегатов на все конференции и съезды, прямые (на конференциях и съездах) выборы секретарей всех партийных комитетов, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС. Ныне многоступенчатость — действенное средство отчуждения рядовых коммунистов от принятия важнейших партийно-политических решений.

4. Посредством самого народа

Фраза К. Маркса об управлении народом посредством самого народа многократно встречается в политических документах последнего времени и известна едва ли не каждому школьнику старших классов. В недавнем прошлом, однако, дело представлялось так, что мы или уже достигли такого управления, или вот-вот к нему придем. В доказательство приводились цифры о количестве в Советах рабочих и крестьян.

Вместе с тем ни для кого не секрет, что в большинстве органов, располагающих реальными управленческими функциями, члены, не принадлежащие к аппарату управления, составляют ничтожное меньшинство и не имеют возможности существенно повлиять на дела, да и они нередко подбираются по принципу «удобства». Не случайно, проанализировав результаты выборов в Верховный Совет СССР, — выборов, процедура которых демократичнее, чем, скажем, на партийные съезды и конференции, — Ю. Буртин (Известия. — 1988. — 29 апреля) делает вывод о том, что в Советы попадают преимущественно начальники и молчаливники. Удивительно ли, что при таком положении интересы первых при непотворении вторых нередко оказываются независимыми от интересов общества, а иногда — противоположными этим интересам, что произошло массовое перерождение кадров и т. п.?

Путь к решению проблемы указан еще в 1923 году В. И. Лениным. Как известно, он предлагал пополнить ЦК и Центральную Контрольную Комиссию рабочими и крестьянами в количестве, достаточном для обеспечения их решающего влияния в этих органах, причем рабочими и крестьянами не по происхождению, а по социальному положению на момент выборов. Это поставило бы высшие исполнительные органы партии и их руководителей под непосредственный контроль народа в лице его выборных представителей, причем контроль постоянный, а не от съезда к съезду, и абсолютно необходимый, ибо бесконтрольная власть, как заметил Михаил Шатров, развратит и святого.

Нельзя обойти эту важнейшую идею, говоря о возвращении к ленинизму. Однако время, думаю, требует внести в нее некоторые коррективы. Во-первых, поскольку интеллигенция уже давно стала социалистической, есть все основания включить ее представителей на равных в рабоче-крестьянское ядро руководящих органов. Главное — сохранить ленинский принцип формирования этого ядра из людей, не занимающих административных постов. Во-вторых, «рядовые» (не выше руководителя среднего звена) рабочие, крестьяне, интеллигенты должны, думается, составить прочное ядро (например, 60 процентов) не только в центральных, но во всех органах партии, общественных организациях, Советах народных депутатов и советах трудовых коллективов. В-третьих, по крайней мере, часть таких членов руководящих органов целесообразно избирать не на съездах, конференциях и т. п., где основная масса голосующих не знает деловых, политических и человеческих качеств кандидатов и вынуждена, не рассуждая, поднимать руки за тех, кого отобрали «наверху», а на собраниях крупных партийных или общественных организаций при тайном голосовании и нескольких кандидатурах, предоставив тем же организациям, и только им, право отзыва. Это ограничило бы возможности давления штатного аппарата на несогласных, возможности избавления от них.

Знаю, многие считают ленинское предложение, о котором идет речь, архаичным или утопичным, иронизируя над возможностями «кухарок» и «кухаркиных детей» управлять государством и самими собой. Нелишне напомнить поэтому, что Ленин считал подобный предрассудок нелепым, диким, гнусным и мерзким. В том, что это предрассудок, убеждает и личный опыт. Работая в середине 70-х годов в одной из ШРМ Омска, я знал немало парней, по уровню политической культуры стоявших выше иных студентов-старшекурсников исторического факультета педагогического института (не в обиду последним будь это сказано).

Что действительно необходимо, так это изменить принцип отбора политиков из народа. Конечно, демагогу-бездельнику среди них не место, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: не всегда передовик производства — это лучший общественный деятель. Последнему необходимы умение выйти за рамки профессиональных интересов, политическая культура, гражданское мужество, определенные организаторские и ораторские навыки. Уверен: таких талантов, как и всяких других, в народе вполне достанет, если искать именно их, а не тех, кто «единодушно голосует и громко хлопает».

Считаю необходимым вынести, хотя бы спустя 65 лет, эту принципиальную ленинскую идею на обсуждение партийной конференции. Другого столь же прямого и надежного пути к тому, чтобы покончить с отчуждением народа от власти, у нас нет.

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1988.— 15 июня.— С. 2 (в рубрике «Обсуждаем Тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной конференции КПСС»). Первоначальное название «Власть — Советам».

ВЫБОР

В последние недели точкой кипения политических страстей в нашей стране стал намеченный на 17 марта первый в истории референдум по вопросу о судьбе Советского Союза. Российский Парламент добавил к этому вопросу еще один. Как специалист по политическим наукам хочу представить читателям основные аргументы сторонников и противников референдума с тем, чтобы выбор можно было сделать более осознанно и квалифицированно. Итак, вспомним школьные уроки математики и порассуждаем «от противного», т. е. от противоположного, проанализируем основные возражения против референдума.

Возражение первое, наиболее серьезное: референдум проводится недостаточно квалифицированно или недостаточно честно по отношению к собственному народу. С этим возражением приходится согласиться, и вот почему.

Во-первых, референдум лучше было проводить раньше, не дожидаясь углубления кризиса, и не на территории всего Союза, а лишь в тех республиках, которые поставили вопрос об отделении от него. Это позволило бы сберечь немало миллионов на нужды малоимущих, которых у нас, увы, слишком много.

Во-вторых, оставляет желать много лучшего формулировка вопроса, предложенная Верховным Советом СССР: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Очевидно, эта формулировка содержит, как минимум, три вопроса сразу:

а) о Союзе как федерации (именно это слово является здесь ключевым, а не названия субъектов федерации — республики или государства — как многие думают);

б) о равноправии всех граждан Союза;

в) о его названии (Союз Советских Социалистических Республик).

Трудно сказать, где здесь кончается непонимание «законов жанра» (на референдум должны выноситься вопросы, сформулированные просто, ясно и не допускающие двусмысленного толкования) и начинается недоверие к собственному народу. Безусловно, три различных вопроса в один «складывать» не следовало. Это лишь породило обоснованную критику и подозрения в тайных намерениях. Верховный Совет Союза, безусловно, поступил бы правильно, если бы разделил этот вопрос на три. Как, скажем, голосовать при такой формулировке сторонникам Союза, но не социалистам? А таких сейчас немало. Боюсь, эта склонность руководства не слишком доверять своим гражданам может выйти боком не только ему (руководству), но и стране: процент голосующих за Союз скорее всего будет ниже, чем мог бы при более квалифицированных формулировках.

Правда, некоторым утешением лидерам Союза может послужить то, что так поступают не они одни. Например, во время недавно проведенного опроса населению Литвы предлагалось определить, хочет ли оно, чтобы эта республика была независимым демократическим государством? Как видим, и здесь то же самое. Кто будет голосовать против демократического режима? Да и термин «независимое государство» употребляется в Литве уже несколько лет, хотя до недавнего времени обычно прибавляли: «в составе Союза».

А вот какую телеграмму я как российский депутат недавно получил из Москвы: «Группа народных депутатов предлагает внести на референдум РСФСР 17 марта 1991 года следующие два вопроса:

1. Должна ли РСФСР сама определять объем полномочий, передаваемых Союзу, и всенародно

избирать своего Президента?

2. Одобряете ли Вы политику Правительства СССР, Верховного Совета СССР и Президента СССР?»

Как видим, и здесь первая формулировка содержит два вопроса, причем они соединены еще более искусственно, нежели формулировки Верховного Совета СССР, второй же вопрос вообще включает в себя три разных позиции. Это все равно как, если бы больного спросили: «Хотите ли Вы, чтоб Вам удалили воспаленный аппендикс, но заодно отрезали бы и часть здорового кишечника?»

Да, и Центру, и республикам, и правым, и левым, и тем, кто называет себя демократами, и тем, кто не называет, надо учиться честности в политике, учиться уважать свой народ. Кстати, исправить формулировку Союзного референдума мог бы Верховный Совет России, как это было сделано в Казахстане. Однако политика, как и жизнь, есть искусство возможного, и выбирать нам придется из того, что предлагают. А поэтому продолжим анализ.

Возражение второе, агитационное: референдум задуман руководством КПСС как средство сохранения и укрепления ее монополии на власть. Кто против такой монополии, должен голосовать против Союза. Выдвигающие этот аргумент нередко достигают цели. Ни для кого не секрет, что престиж компартии резко упал, а недовольство ею столь же резко выросло, и нет лучшего средства дискредитировать референдум, чем свести его содержание к межпартийной борьбе. Однако при мало-мальски объективном подходе это возражение не выдерживает никакой критики.

Во-первых, по этому вопросу, как и по большинству других, в компартии нет единства. Сейчас в ней представлены 4—5 различных направлений слева — направо, разными являются и позиции компартий различных союзных республик.

Во-вторых, в СССР и России существует немало политических партий и течений не коммунистической и не социалистической ориентации, выступающих за Союз. К их числу принадлежит, например, мусульманское, и не только мусульманское, духовенство, Христианско-демократический Союз России, весь центрист-ский блок, включая Либерально-демократическую партию Советского Союза, Российский народный фронт. Странниками Союза являются Демократическая партия Советского Союза, Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы и целый ряд других. У всех этих политических течений соединение вопросов о сохранении Союза и о том, называть ли его социалистическим, конечно, восторга не вызывает. Однако они считают, и, думаю, справедливо, что интересы выживания страны не сопоставимы с партийными амбициями. Парадоксально, но факт. Моя личная точка зрения в этом вопросе куда ближе к кадетской, нежели к точке зрения коммунистов Грузии.

Повторю еще раз: ставить вопрос о судьбе страны на карту в межпартийной карточной игре, где к тому же игроки не соблюдают правил и склонны к мошенничеству, значит рисковать благосостоянием, а может быть, и жизнью многих тысяч своих граждан.

Возражение третье, голодно-иллюзорное: на референдуме надо голосовать против, чтобы Россия вышла из Союза, после чего все мы будем жить, говоря словами Михаила Жванецкого, «долго и счастливо». Основанием для такой позиции является тот действительный факт, что Россия остается одним из «кормильцев» Союза: по различным данным, Россия в 1990 г. отдавала Союзу на 20—70 млрд. рублей больше (в пересчете на мировые цены), чем от Союза получала. В 1991 г. это «донорство» сократилось, но не прекратилось. Когда российское руководство и Парламент требуют дальнейшего сокращения этого «донорства», я, безусловно, поддерживаю такую позицию, хотя и не понимаю, почему при этом Россия заключает соглашения с прибалтийскими государствами, продолжая поставлять им сырье по ценам намного ниже мировых и покупать продукцию по завышенным ценам. Думаю, прекращать «кормление» надо именно с тех, кто собирается от Союза отделяться.

Да, пока Россия принадлежит к числу тех, кто «везет» на себе Союз. Однако мысль о том, что, выйдя из Союза и тем самым развалив его, республика начнет процветать,— это заблуждение кризисного, «голодного» сознания. Давайте «просчитаем» хотя бы самые элементарные очевидные последствия.

Во-первых, несомненно будут продолжать рваться налаженные экономические связи, а это в условиях монополистической экономики больно ударит по карману. На каких предприятиях Омска я бы ни выступал, повсюду приходилось слышать одно и то же: недопоставка комплектующих из Грузии, Армении, Прибалтики вызывает перебои в работе, падение заработной платы, отток людей и все прочие прелести экономической лихорадки. Мне не приходилось видеть расчетов, во сколько миллиардов обойдется разрушение экономических связей при развале Союза, но совершенно очевидно, что счет пойдет на десятки. Надежда же на то, что при политическом распаде страны

возможно будет сохранить экономические отношения, это чистая маниловщина — нигде и никому это не удавалось. На чем, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, основаны подобные прожекты, сказать не берусь.

Во-вторых, выход России из Союза и его распад резко обострит проблему беженцев на территории нашей республики. Так было везде и всегда: французы бежали на родину из Алжира, португальцы — из Анголы, русские — из Польши и Финляндии. То, что все эти государства получили право на самоопределение,— факт, безусловно, положительный, но не для тех, кто бежал, и не для тех, к кому бежали. Ясно, что обустройство каждого беженца на новом месте — это несколько десятков тысяч рублей. Помножим их на несколько миллионов и получим, что только на этом республика проиграет все, что могла бы выиграть от прекращения «донорства». Лидер Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин выразил готовность принимать беженцев на территории России, и это конечно благородно, однако непонятно, за счет каких средств, ведь российский бюджет и так сведен с большим дефицитом. Чуть более года назад Г. Х. Попов настаивал на том, чтобы расходы на обустройство беженцев несла та республика, откуда они вынуждены уезжать. Теперь, выдвинув план «дефедерализации», он от этого отказался, как, впрочем, и от многого другого. А жаль. Идея не потеряла своей актуальности.

В-третьих, надо реально себе представлять, что распад Союза — это и распад самой России. Здесь я позволю себе несколько отступить от логики изложения, поскольку считаю необходимым открыть глаза читателям на одно печальное обстоятельство, а именно: с демократами в национальном вопросе дела в стране обстоят гораздо хуже, чем многим кажется. Принято считать, что недемократический, великодержавный курс проводит только центр, военно-промышленный комплекс и т. п. На самом деле на уровне республик великодержавности ничуть не меньше, но только это своеобразный «великодержавный сепаратизм». Суть его проста. Молодая республиканская бюрократия хочет как можно быстрее избавиться от Союза, стать полновластным хозяином на своей территории, но при этом по отношению к национальным меньшинствам ведет себя ничуть не лучше, а порой и хуже, чем центр по отношению к союзным республикам. Так, демократически избранный грузинский Парламент единогласно (!) проголосовал за ликвидацию Юго-Осетинской автономии. Там не нашлось ни одного настоящего демократа ни среди коммунистов, ни среди новых движений, называющих себя демократами. Скажу прямо, есть подобные настроения и в Российском парламенте. На заседаниях комитетов, не говоря уже о кулуарах, не раз приходилось слышать, что вот отцы-основатели Соединенных Штатов были мудры, и поэтому организовали государство по территориальному, а не национальному признаку, а большевики, допустив создание национальных республик, навредили стране. За этим следуют обычно призывы вернуться к формам организации, характерным для Российской империи.

Хотя это чаще всего приходится слышать от людей, причисляющих себя к демократам, к демократии это, конечно, не имеет никакого отношения, не говоря уже о том, что такая программа абсолютно утопична. Люди, желающие избавиться от Союза, но «закрутить гайки» в собственной республике, не могут или не хотят понять простой вещи: Россия — это уменьшенный Союз. И как она ведет себя по отношению к Союзу, так и республики, входящие в Российскую Федерацию, ведут себя по отношению к ней. Стоило российскому Парламенту принять решение о том, что наши законы будут безоговорочно выше союзных, как целый ряд бывших автономных республик объявил свои законы выше не только союзных, но и российских. Дальше этот процесс перекинулся на отдельные области и даже районы.

Я не принадлежу к поклонникам внутривнутриполитических талантов советского Президента. Но готов повторить еще раз: если российское руководство, вступив в блок с сепаратистами (т. е. сторонниками отделения республик) сможет превратить его в «Президента «Садового кольца», то будущий Президент России (а, к сожалению, он, видимо, будет: тоска по «хозяину» слишком велика), сам окажется главой некоего лоскутного государства. Скорее всего не только для Союза, но и для России будут потеряны нефть Татарстана, золото и алмазы Якутии и т. п.

«Великодержавные сепаратисты» во всех республиках справедливо осуждают центр за попытки применения насилия в национальном вопросе, однако сами они склонны действовать теми же методами, когда дело касается сохранения целостности республики: вспомним ту же Грузию или Молдову. Чтобы избежать подобных методов, у России есть только один путь: не подавать дурных примеров, решать споры с центром цивилизованными методами.

В-четвертых, если удержать Союз в прежнем виде невозможно без насилия, то и развал его обернется не меньшей, а может быть, еще большей кровью. Как бы ни относиться к нашим «отцам-основателям», а рассчитывали они на «Союз нерушимый» и границы проводили соответствующим

образом. Так, русские, безусловно, преобладают в Северном Казахстане, в Крыму и так называемой Новороссии (Донбасс, Одесская область и др.). Если Союз сохранится в новой форме, границы республик принципиального значения не имеют, если же он будет разваливаться, из-за них неминуемо возникнут конфликты. Как быть, в частности, если Грузия требует отделения, а Южная Осетия хочет воссоединиться с Северной и остаться в Союзе? Как быть, если отделение потребует Украина? Конфликтовать с ближайшим по языку и культуре народом или смириться с тем, что несколько миллионов русских окажутся иностранцами на чужой территории? Нормального выхода здесь нет, а, как когда-то пел Высоцкий, «есть только вход, и то не тот». Не случайно, когда Российский парламент принял закон, угрожающий целостности Союза, в здании Верховного Совета на Краснопресненской набережной появились представители американского посольства. Они уговаривали депутатов подумать о последствиях: ведь если начнется борьба республик за обладание стратегическим оружием, не поздоровится уже не только Союзу, но и его соседям, а возможно, и всему миру. «Подумайте о Соединенных Штатах, не разваливайте Союз», — так, несколько утрируя, можно выразить точку зрения американских партнеров. Перефразируя поэтов, можно сказать: «Не дай нам Бог сойти с ума!»

Соображение четвертое — «как бы чего не вышло»: союзное руководство может попытаться использовать результаты референдума для укрепления своих позиций и, в частности, для того, чтобы насильственно удерживать республики, стремящиеся к отделению. Соображение это не лишено оснований, хотя бы в том смысле, что сослаться может сам черт на доводы Священного писания. Однако если учесть, что результаты референдума будут подсчитываться по республикам, и при этом следовать элементарной логике, то выводы должны быть скорее обратные. Скажем, если население Грузии высказывается против ее вхождения в Союз, у руководства в Москве остается единственный выход: садиться за стол переговоров и обсуждать условия отделения этой республики. Так что и здесь, по идее, референдум должен послужить демократии. Я не говорю уже о том, что доверие или недоверие к какому-либо политическому лидеру или группе не может идти ни в какое сравнение с интересами выживания страны. Кстати, распространенное мнение о том, что российское руководство выступает против референдума, было несколько раз опровергнуто заместителем Б. Н. Ельцина Р. И. Хасбулатовым на заседаниях Верховного Совета РСФСР.

Подведем итоги. Неквалифицированно выполненная или намеренно запутанная формулировка вопроса, который вынесен на союзный референдум, заставила немало честных и демократически настроенных людей заколебаться в выборе. Очевидно, выбирать теперь предстоит по принципу «меньшего зла». Ответить «да» — значит, во-первых, дать некоторые, хотя и не слишком большие, козыри в руки Президента; во-вторых, сохранить названия «советский» и «социалистический» за союзом республик, многие из которых склоняются скорее на капиталистический путь. Ответить «нет» — значит потребовать выхода Российской Федерации из Союза, то есть его разрушения. Это равнозначно, как уже говорилось, катастрофе для нашей страны, а возможно, и для других народов. В таких условиях я свой выбор сделал: буду голосовать «за». Желаю не ошибиться и вам, уважаемые читатели.

Опубликовано с сокращениями: Омская правда.— 1991.— 13 марта.— С. 1 (под названием «Сложный выбор»).

ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИЯ НЕ ВЫДЕРЖИТ

В последнее время ситуация в пока еще Советском Союзе все чаще вызывает в памяти гегелевский афоризм: история повторяется. Только у других народов сначала в виде трагедии, затем — в виде фарса. А мы, похоже, как всегда идем другим путем: от фарса к трагедии...

В самом деле, кажется, совсем недавно отгремели политические баталии по поводу введения поста Президента в СССР. Как и следовало ожидать, пример оказался заразителен: ему последовал целый ряд республик, а ныне очередь дошла и до Российской Федерации. Вопрос о введении в ней президентского поста вынесен на референдум 17 марта. Обратимся к аргументам сторонников превращения России в президентскую республику.

Аргумент первый: нужен «хозяин». В республике анархия, разрываются экономические связи, распадаются структуры власти, под угрозой поставлены жизнь и имущество граждан и т. п. В таких условиях необходима сильная исполнительная власть, лучше всего — президентская.

Этот аргумент представляется наиболее и, пожалуй, единственно серьезным, однако отнюдь не бесспорным. Годичный опыт союзного президентства — лучшее доказательство тому, что само по

себе оно ничего не дает. Власти у политического лидера Союза становится все больше, а порядка и стабильности в стране — все меньше. Когда же Президент страны пытается употребить эту власть сплошь и рядом не ко времени и не к месту, его усилия оказываются либо тщетными (Указ о сдаче оружия), либо лишь провоцируют и без того высокую социальную напряженность (поддержка приказов министров обороны и внутренних дел о совместном патрулировании городов). На каком основании, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, народ пытаются убедить, что в России будет иначе?

Аргумент второй: будем «как все». Суть его проста: в других республиках введены президентские системы, а чем хуже Россия?

И действительно, Президенты уже избраны в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Туркмении и некоторых других республиках преимущественно с мусульманскими культурными традициями. Нет Президентов в Армении, Грузии, на Украине, в Белоруссии, в республиках Прибалтики. Вводить или не вводить президентскую систему — дело каждого народа. Однако непонятно, почему Россию хотят сориентировать на Восток, а не на Запад?

Когда вводили союзное президентство, его противники, в том числе и я, предупреждали, что то же самое сделают союзные республики и тем самым процесс разрушения страны не ослабнет, а усилится. Но Россия — это уменьшенный Союз. И уже сейчас бывшие автономии видят в российском президентстве такую же угрозу своей самостоятельности, как союзные республики — в президентстве союзном. Многие из республик, входящих в РСФСР, заявили о намерении ответить на избрание российского Президента введением таких же постов у себя. Все это не укрепит, а ослабит единство России. Излишне говорить о том, что страна с несколькими десятками Президентов, над которыми возвышается еще один «генеральный Президент», достойна лишь смеха сквозь слезы.

Аргумент третий: Президент — залог суверенитета. Будет Президент — будет и суверенная Россия, и наоборот.

Для агитации не слишком образованных людей такая позиция, безусловно, годится, однако не более того. Попробуем отрешиться от очередных иллюзий и еще раз обратиться к реальности. Сравним положение двух республик: Туркмении, где Президент избран всеобщим голосованием и, кажется, 98% пришедших на избирательные участки, и Латвии, где Президента нет вовсе. Кто возьмется доказать, что Туркмения более суверенна? Суверенитет республики определяется не тем, как называется должность ее лидера, а тем, какую реальную политику проводят высшие органы республиканской власти. Кстати, идею суверенитета, как любую другую идею, легче всего дискредитировать, если во имя защиты довести ее до абсурда.

Четвертый аргумент окрашен в демократические цвета: союзного Президента выбирал съезд, а российский будет избран народом. Первое — плохо, поскольку недемократично; второе — демократично, и поэтому хорошо.

Этот аргумент не хуже предыдущего действует на массовое сознание, однако для специалиста и он неубедителен. Дело в том, что здесь смешаны два вопроса: 1) о демократизме процедуры; 2) о демократизме установленного на основе этой процедуры политического режима.

С процедурной точки зрения всенародные выборы Президента, нет слов, выглядят куда как предпочтительнее. Однако избранный таким образом глава государства становится практически независимым от Парламента, оказывается, по существу, вне всякого контроля. Небезынтересно, что введение поста Президента предусмотрено обоими наиболее известными проектами Конституции России. Один из них, внесенный инициативной группой коммунистов, предусматривает менее демократическую процедуру (выборы на съезде), но меньший объем президентских полномочий. Второй же — официальный — демократическую процедуру (всенародные выборы), но зато более авторитарную и практически бесконтрольную президентскую власть. По проекту Конституции Российской Федерации смещение Президента возможно лишь при наличии 2/3 голосов «за» в каждой палате Верховного Совета и 2/3 — в Конституционном суде, да и то лишь в случае, если будет признано, что Президент совершил преступление. В наших условиях чего-либо подобного представить себе просто не могу. Вспоминается блестящая реплика депутата А. Денисова при выборах Президента Союза: ни Генеральному прокурору СССР, ни Председателю Верховного Суда даже в кошмарном сне не может привидеться, чтобы они привлекли к ответственности руководителя страны. То же самое можно сказать и о России. Поэтому не лишено смысла замечание знакомого политолога, заметившего, что первый вопрос референдума (о сохранении Союза) вызывает у него стыд, второй же (о президентстве) — ужас. Если Конституция вознесет президентское кресло высоко над депутатами, если мы всенародно посадим на этот «трон» неподходящую фигуру, то исправить ошибки и злоупотребления нового лидера будет невозможно и некому.

Об одном заблуждении надо сказать особо. Наше общественное сознание склонно

ориентироваться не столько на политические позиции, сколько на людей. Вера в доброго «барина»: Генсека, Президента и т. п., — в нас неиссякаема. Поэтому очень часто рассуждают так: сторонники Ельцина должны выступать за президентскую власть в России, сторонники Горбачева — против. Такая позиция неверна по сути, не говоря уже о том, что есть немало людей, которым оба эти лидера представляются, парламентски выражаясь, далекими от политического идеала. На самом деле мы не знаем, кто станет Президентом Российской Федерации. Знаем только, что в условиях кризиса общественное сознание резко поляризуется, а это создает опасность победы радикала либо с той, либо с другой стороны. Ходячая фраза о том, что народ не ошибается, — иллюзия: ошибается, да еще как, особенно в критических ситуациях. Классический пример — избрание высококультурными, добропорядочными и уравновешенными немцами партии Гитлера в период «Великой депрессии». Но и в СССР уже есть примеры, когда под лозунгами демократии к власти приходят антидемократические национал-радикальные режимы.

Итак, соображения в пользу президентской власти, по крайней мере, сомнительны, а риск очень велик. Усилить исполнительную власть действительно нужно, но лучше это сделать, расширив полномочия премьера и не выводя его из-под депутатского контроля. Почему же, несмотря на очевидную ясность вопроса, идея президентства витает в воздухе? И кто ее поддерживает?

На уровне психологии — естественная жажда стабильности и порядка. Люди устали не только от очередей и «бескормицы», но и от постоянного социального и психологического напряжения. Не случайна популярность следующего анекдота. «Покажите нам еще раз по телевизору похороны Брежнева», — обращаются граждане на телестанцию. И в ответ на удивление руководства поясняют: «Первый раз мы смеялись, теперь мы будем плакать».

В политическом плане идею сильного Президента поддерживают радикальные течения как левого, так и правого толка и их сторонники. Одни, настроенные крайне лево, надеются, что Президентом станет второе издание товарища Сталина или, по крайней мере, Андропова, что такой Президент «закрутит гайки», наведет порядок и дисциплину, покончит с мафией, разгонит кооператоров и восстановит социальную справедливость. Другие радикалы — правые — напротив, рассчитывают на сильную власть неопиночетовского образца, которая с помощью административного насилия введет рынок, разгонит колхозы и нерентабельные предприятия, внедрит насильственную приватизацию и «железной рукой» будет защищать новых собственников от недовольства сограждан. К сожалению, именно такую позицию занял в последнее время Г. Попов (см. его статьи: Огонек. — 1990. — № 50, 51; Московские новости. — 1990. — № 42). Интересно заметить, что именно в этом вопросе совершенно совпадают точки зрения В. Алксниса, который считается у нас «правым», и «левого» А. Собчака. Они по-разному смотрят на национальный вопрос, на проблемы армии, но оба требуют введения рынка под защитой жесткой авторитарной власти.

Теперь эта точка зрения пропагандируется и в Омске. Вспоминаю недавнюю публичную дискуссию в общественно-политическом центре на заседании клуба избирателей с народным депутатом России (фамилии опускаю, поскольку защищаю идеи и борюсь против идей). Коллега сначала высказался в том смысле, что наша общая задача — не допустить новых репрессий в стране, не допустить, чтобы кого-нибудь снова вешали. Однако через несколько минут он выступил против меня в защиту Пиночета. Оказывается, этот генерал был не так плох, он провел в своей стране экономическую реформу и департизацию всех государственных органов. Неплохо бы и нам такого Пиночета годика на три — примерно так закончил свою мысль российский депутат.

В том же плане высказался на публичной дискуссии в педагогическом институте другой коллега — на сей раз депутат Союза, за которого я в свое время агитировал, как за демократа, и который именно в этом качестве получил поддержку избирателей. Теперь его позиция изменилась едва ли не на противоположную: «коммунистический тоталитаризм» — это тупик (с этим я абсолютно согласен), иное дело — режим пиночетовского толка. Конечно, лучше бы обойтись и без него, но если уж не удастся — переживем: будет неограниченная частная собственность, экономическая свобода, а диктатура со временем отпадет.

Первый коллега «забыл», что Пиночет начинал именно с репрессий: правда, его солдаты не столько вешали, сколько стреляли и пытали. «Забыл» он и о том, что Пиночет просидел в президентском кресле не три года, а почти семнадцать. Второй коллега не упомянул, что экономическая свобода, основанная на неограниченной частной собственности, — это свобода для абсолютного меньшинства. Скажем, в одной из наиболее благополучных стран, бывшей ФРГ, хозяева собственного «дела» составляли 9%, в Англии акционеров, включая мелких, всего около 20% и т. д. Оба умолчали о том, что экономическая реформа в Чили, особенно поначалу, проводилась за счет обнищания большинства населения, да и сейчас, спустя 17 лет, более половины его находится за

чертой бедности. До «светлого будущего» чилийцам не ближе, чем нам. Судя по результатам референдума о судьбе Пиночета, большинство чилийцев абсолютно не разделяют восторгов моих коллег по поводу такой цены за экономический прогресс.

Но самое главное не в этом. Бесспорно, любая позиция имеет право на существование. Но совершенно непонятно, почему людей, поменявших первоначальные демократические ориентации на противоположные, мы продолжаем называть демократами? Не пора ли к этому определению добавить «бывшие»? Ведь если бы чилийцам рассказать, что есть место на земном шаре, где сторонники Пиночета считаются демократами, они наверняка решили бы, что речь идет о «Канатчиковой даче» или ином «Доме скорби».

Кто ошибется, кто угадает: «фанаты» товарища Сталина или же сеньора Пиночета? — с абсолютной точностью предсказать невозможно, одно ясно: в любом случае проигравшей окажется демократия. Ясно также, что введение президентской власти с громадными полномочиями и практически неподконтрольной депутатам является наилучшей легитимной (законной) формой установления авторитарного режима левого либо правого толка, а потому не надо повторять ошибок Союза. Если один Президент способен издать столько Указов, что граждане не успевают приходить в себя, то двух Президентов Россия не выдержит.

Опубликовано с сокращениями: Омский вестник.— 1991.— № 7.

СПАСЁТ ЛИ НАС ПРЕЗИДЕНТ?

Несколько недель назад на одной из моих многочисленных встреч с избирателями немолодая уже дама решительно заявила: «Вот если бы у нас в России был Президент, мы, наверное, не остались бы нагишом». Выражения я смягчаю, на самом деле сказано было круче. Я пытался выяснить, на чем основана такая уверенность. Ведь не секрет, что в мире есть много богатых стран без Президентов и еще больше бедных стран с Президентами. Да и у нас в Союзе Президентов становится все больше, а одежды все меньше. Я сказал собеседнице: «Один Президент у Вас уже есть. И если, по Вашему мнению, он раздевал народ, почему Вы думаете, что другой будет непременно одевать? Может быть, напротив, он будет помогать первому?»

Возразить что-либо она не смогла, но не думаю, что мне удалось ее вполне убедить. И не удивительно: ведь чуть больше года назад, когда выбирали Президента Союза, статьи с названиями типа «Да спасет нас Президент» публиковали известные ученые и политики. Как видим, не спас. И тем не менее все то же самое повторяется уже про будущего Президента России.

Слушая собеседницу — труженицу, достойную всяческого уважения, прожившую, как большинство людей ее поколения, тяжелую жизнь, — я думал о том, что подобные иллюзии — это ее беда, а не вина. И не только потому, что они вообще свойственны кризисным эпохам. Зимой этого года на конференции в Москве американские политологи из Йельского университета не раз говорили своим советским коллегам, что демократия при низкой политической культуре — вещь весьма опасная, что в Советском Союзе процветают демагогия и популизм, и удивлялись, почему мы против этого не боремся.

Цель этой статьи как раз и состоит в том, чтобы разъяснить интересующимся некоторые вопросы, связанные с президентской властью, и помочь сделать осознанный выбор в пользу одного из кандидатов, не агитируя ни за кого из них.

Даже при первом взгляде на современную политическую жизнь России сразу бросается в глаза, что из всех многочисленных теорий демократий, выработанных политической наукой, массовое сознание и официальная российская пропаганда как будто «замкнулись» на одной — плебисцитарной. Как известно, плебисцит означает всенародное голосование и отличается от референдума лишь тем, что результаты его имеют консультативное значение. Согласно плебисцитарной теории демократии, разработанной известным немецким социологом Максом Вебером, демократия понимается так: народ всеобщим голосованием выбирает лидера, которому доверяет. После этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне». Ни народ, ни партии не вправе вмешиваться в то, что он делает. Совершенно очевидно, что речь здесь, по сути, идет не о демократическом режиме, а о жесткой авторитарной, т. е. полудиктаторской, власти, имеющей вместе с тем легитимную (законную) основу.

Думаю, что те 50 с небольшим процентов граждан России, которые на референдуме голосовали за введение поста Президента, в большинстве своем не подозревали, что являются поклонниками Макса Вебера. Но политики знают, во всяком случае обязаны знать и объяснить народу возможные варианты развития событий в случае практической реализации такого рода теории в нашей стране.

Идеи плебисцитарной демократии, иначе говоря, законно оформленного, окультуренного вождизма, не случайно овладевают массами чаще всего в переломные и кризисные моменты. В такие моменты действительно нужна достаточно сильная и авторитетная исполнительная власть, а популярный лидер может стать символом единства нации. Однако эта «медаль» имеет свою оборотную сторону, да не одну, а целых две.

Во-первых, плебисцитарная демократия неминуемо рождает популизм. Для того чтобы быть избранным, лидер должен понравиться всем, предлагать только популярные решения (а они отнюдь не всегда верные), приспособливаться к среднему уровню и средним вкусам, которые к тому же сплошь и рядом представляют собой стереотипы, внушенные средствами массовой информации и массовой культурой, т. е. теми, кто этими средствами обладает. В условиях кризиса к этому добавляется еще одна шикарная возможность: крой крепче тех, кто был у власти, и успех обеспечен. Мой друг, профессор истории, любит повторять: «Стоит мне сделать что-нибудь такое, чтобы вызвало неудовольствие Президента Горбачева, и избрание в народные депутаты, а может быть, и повыше, мне обеспечено». Увы, в этом слишком много правды.

Синдром популизма легко обнаружить, как минимум, у трех из шести кандидатов в Президенты России. Вспомним хотя бы, как генерал Макашов, выступая на Съезде народных депутатов России, призывал всех, кто против повышения цен, написать об этом на бюллетене в день голосования, давая понять, что он в случае победы отменит павловскую реформу. А чего стоит заявление лидера либерал-демократов Владимира Жириновского о том, что в случае его избрания к Президенту России будет выстраиваться длинная очередь из лидеров других республик и государств?! Но недалеко ушло и российское руководство, предложившее объявить Днем суверенитета России — 12 июня. Оказывается, ни князь Святослав, ни Дмитрий Донской, ни Минин и Пожарский, ни Петр I, ни, наконец, победители фашистской Германии не дали суверенитета России и не смогли его отстоять. Это сделали лишь народные депутаты простым голосованием 12 июня 1990 г. При всем к ним (т. е. к нам) уважении принятие подобного постановления — верх исторической несправедливости и самонадеянности. Политический же смысл его ясен, как день: голосуйте за того, кто дал России суверенитет.

Теперь многие интеллигенты, включая тех, кто активно внедряли идею плебисцитарной демократии в массовое сознание, удивляются: как могли депутаты допустить к президентской компании явного популиста Жириновского? Однако удивляться нечему: ответ содержится в условии задачи. У украинцев есть пословица, вольный перевод которой звучит так: видели очи, что покупали, — ешьте, хоть повылазьте! Иными словами: хотели побыстрее окончательно взять власть с помощью плебисцитарной демократии — получайте ее такой, какой она только и может быть в России, да еще в условиях кризиса. К тому же, отвечая на вопросы депутатов Демократической России, Владимир Жириновский показал способность фехтовать словами в их же собственном стиле, чем и обеспечил себе симпатии другой половины российского съезда, в большинстве не способной к такого рода словесным поединкам. Как бы то ни было, популизм в России расцвел пышным цветом, и плоды его будут для большинства совсем не такими, какие оно предвкушает.

Во-вторых, и это известно всем сколько-нибудь серьезным политологам, система власти, основанная на плебисцитарной демократии в духе Вебера, способна более или менее успешно функционировать в странах с развитыми демократическими традициями, где уважение к Закону впитано с молоком матери и где к тому же существуют сильные противовесы, мощные «защитные механизмы», ограничивающие возможность превращения всенародно избранного Президента в диктатора. Если же этих условий нет, такая возможность более чем реальна. Не случайно в зарубежной политической науке до сих пор продолжается дискуссия о том, виновен ли Макс Вебер как один из авторов Конституции Германии, заложивший в нее идеи плебисцитарной демократии, в приходе Гитлера к власти, и если да, то в какой степени.

Теперь читатель может по достоинству оценить уровень политграмоты комментатора отечественного телевидения, на всю страну недавно удивлявшегося тому, как могло случиться, что самая демократическая процедура (всенародные выборы Президента) явно ведет к установлению нового авторитарного режима в Грузии, к своеобразному большевизму с противоположным знаком? Причем антидемократический характер режима Гамсахурдия признается подавляющим большинством зарубежных наблюдателей и специалистов независимо от политической ориентации. На самом деле удивляться конечно нечему: здесь не парадокс, а закономерность. В условиях всеобщего кризиса, господства авторитарно-патриархальной политической культуры и распространения радикального рационализма в Грузии ничего другого и ждать было нельзя. Удивительно здесь лишь то, что наши телекомментаторы продолжают этому удивляться.

Между Грузией и Россией есть, конечно, различия. Например, национал-радикальные настроения выражены у нас, к счастью, гораздо слабее. И все же, положив руку на сердце, надо прямо сказать: в России нет условий, обеспечивающих безопасное функционирование плебисцитарной демократии веберовского типа: демократические традиции в политической культуре выражены крайне слабо, а «защитные механизмы» либо не успели создать, либо специально урезали.

Начну с последнего условия. В нашем общественном сознании прочно утвердился ложный стереотип о том, что сами по себе всенародные выборы Президента являются гарантией соблюдения им Конституции и Законов, что демократически избранный Президент обязательно будет гарантом демократии. Между тем западные политологи прекрасно понимают, что поручать Президенту охранять Конституцию — все равно что волку — стеречь овец!

В этой связи не могу не сказать о принципиальном дефекте «Закона о Президенте РСФСР», закрепленном теперь в Конституции России. Этот Закон по существу выводит Правительство из-под контроля Верховного Совета и Съезда народных депутатов. Верховный Совет лишь соглашается на назначение премьера и может потребовать отставки Правительства в целом. Все остальные кадровые вопросы решают Президент и премьер-министр. Мне приходилось уже говорить с трибуны съезда, что, случись какое-нибудь новое дело о новых миллиардах, депутаты не смогут даже отправить в отставку провинившегося министра, что Верховный Совет при такой ситуации превратится в Гайд-парк, где сражаются ораторы, а вся реальная власть достанется президентской команде. Увы, сторонники демократии на съезде оказались по этому вопросу в «подавляющем меньшинстве». И «Демократическая Россия», и «Коммунисты России» проявили завидное единодушие и дружно проголосовали за антидемократическую статью. Кстати, такое трогательное единство в последнее время наблюдается все чаще. Кажется, только социал-демократ О. Румянцев сказал в своем выступлении, что такая система представляет собой смесь французской и латиноамериканской. Я бы добавил: с явным перекосом в сторону латиноамериканской суперпрезидентской республики, т. е. режима жесткой личной власти. В итоге депутаты добровольно лишили себя, а заодно и Россию одного из важнейших «защитных механизмов» — контроля над Правительством.

Еще хуже обстоит дело с традициями политической культуры. Когда наблюдаешь многотысячные митинги, на которых восторженно и фанатически скандируются имена новых лидеров, становится не по себе: ведь все это уже было и у нас, и у других тоже. Создается впечатление, что массовое сознание жаждет не демократии, а смены хозяина. В таких условиях интеллигенция обязана объяснять народу, как опасен любой культ личности, будь то личность правого, левого или без конца меняющего позиции лидера. Вместо этого слишком многие интеллигенты формируют и распалют культовое сознание. Овации и славословие, которые мы слышим в последнее время в адрес новых руководителей, вполне достойны «славных» застойных времен. Да и терминология почти та же, разве что «измов» не слышно.

Но главное все же в другом. В сознании радикально настроенных людей принцип: «демократия — ценность сама по себе» все больше уступает место другому принципу: «демократия — это когда наши у власти». Обратили ли вы внимание, читатель, на разительные перемены в позиции многих депутатов, причисляющих себя к демократам, после того как они пришли к власти? Нет? Тогда позвольте напомнить.

Межрегиональная депутатская группа на союзном съезде справедливо требует вывести средства массовой информации из-под контроля номенклатуры, избирать руководителей союзных газет, радио, телевидения на Съезде народных депутатов или Верховном Совете.— Большинство депутатов «Демократической России» на российском Съезде народных депутатов голосуют против моей поправки точно такого же содержания. В их числе: Ельцин, Хасбулатов, Шахрай и... Полозков!

Межрегиональная депутатская группа, справедливо беспокоясь о судьбе демократии, голосует против предоставления Президенту Союза дополнительных полномочий.— «Демократическая Россия» требует как можно больше власти российскому Президенту.

Депутаты межрегиональной группы постоянно предупреждают общественность об угрозе диктатуры.— Депутаты «Демократической России» на III и IV Съездах прямо требуют жесткой власти, а один из них, выступая вместе со мной в Клубе избирателей, публично заявил, что стране полезен был бы собственный Пиночет, ненадолго, годика на три!

При таких условиях я не удивлюсь, если окажется пророческим замечание одного знакомого москвича: «Мы 70 лет терпели от одних, теперь будем терпеть от новых. Надо же в кого-то верить!»

Думаю, читателю давно ясно: никаких надежд на Президентов-спасителей я не питаю. Более того, считаю, что риск установления авторитарного, антидемократического режима в наших условиях

далеко перевешивает некоторые плюсы плебисцитарной демократии по веберовскому рецепту. Тем не менее я голосовал в целом за принятие конституционных поправок, связанных с введением поста Президента, поскольку такова была воля избирателей. Последнее, что я еще могу сделать,— это, не агитируя, попытаться помочь омичам правильно выбрать «своего» кандидата в Президенты.

Итак, если вы считаете, что в обществе люди должны как можно меньше различаться по уровню богатства, что рынок можно использовать только в очень малых дозах, что можно и нужно отменить реформу Павлова, снизить цены, закрыть торгово-закупочные кооперативы, если вы верите, что в этом случае экономика будет работать, если вы любите «твердый порядок», ваш кандидат — генерал Макашов и его вице-президент — профессор Сергеев.

Если переход к рынку вы считаете необходимым, но плавно и постепенно, с упором на социальную защиту малообеспеченных граждан и коллективное владение предприятиями, ваш кандидат — Николай Рыжков, при условии, что вы верите, что ему под силу провести такую реформу.

Если вы равнодушны к идеологическим ценностям («измам»), если вам все равно, каков будет общественный строй и в чьих руках государственная власть, лишь бы можно было сносно прожить, если вы сторонник сосуществования разных экономических укладов и разных политических течений — ваши кандидаты — Вадим Бакатин, Владимир Жириновский, Аман Тулеев. При этом имейте в виду, что Владимир Жириновский обещал заботиться о русских за пределами Российской Федерации, Аман Тулеев — первым же Указом — улучшить положение детей, а Вадим Бакатин — больше средств вкладывать в народное образование.

Наконец, если вы считаете, что переход к рынку нужно осуществить как можно быстрее и радикальнее, что спасение экономики — в снятии всех ограничений на деятельность кооперативов и частных предприятий, что частная собственность должна стать основным экономическим укладом, а частные предприниматели и кооператоры способны вытащить нас из кризиса, ваш кандидат — Борис Ельцин. Курс Бориса Николаевича по отношению к Союзу предсказать не берусь, поскольку в апреле—мае он был совершенно иным, нежели в феврале—марте: на смену объявлению войны союзному правительству пришла идея «круглого стола» и соглашения «9+1» с Президентом Горбачевым.

Кандидатов в Президенты России я перечислил слева направо. Напомню: «левыми» в политике во всем цивилизованном мире называют партии и деятелей, ориентирующихся на большее социальное равенство, «правыми» — тех, кто ориентируется на большее неравенство. С этой точки зрения генерал Макашов близок к левым радикалам, Николай Рыжков — к умеренно левому течению, В. Бакатин, В. Жириновский, А. Тулеев представляют разные варианты центристской позиции, причем Тулеев, насколько можно судить, несколько левее других. Самым «правым» среди кандидатов в Президенты является Б. Ельцин, хотя его часто меняющаяся, как у Президента Горбачева, позиция труднее всего поддается оценке.

Для тех, кто озабочен будущим отечественной демократии, добавлю, что демократические режимы во всех странах, где они есть, держатся на политических партиях и лидерах, более или менее близких к цент-ру. Напротив, радикалы правого или левого толка нередко склоняются к жесткой, полудиктаторской власти. Выводы, думаю, очевидны.

Каждый избиратель должен проголосовать за одного из перечисленных кандидатов, а если симпатий не вызывает ни один — вычеркнуть всех. Но прийти на выборы нужно обязательно: напомню, что подсчет голосов будет вестись не от списочного состава, а от числа явившихся.

И последнее. Довольно часто приходится слышать: за такого-то кандидата голосовать нельзя потому, что он представляет партократию. Должен прямо сказать, что эта позиция, имевшая основания еще год назад, сейчас безнадежно устарела. Во-первых, из двенадцати кандидатов в Президенты и вице-президенты девять — члены КПСС. Даже Борис Николаевич взял себе вице-президента из ЦК компартии РСФСР, не говоря уже о том, что и сам был «партокротом» два десятилетия.

У всех этих кандидатов разные взгляды, так что принадлежность к КПСС в идейном плане теперь уже ничего не значит. Во-вторых, за последний год явно обнаружилось сращивание части бывших парт- и непартбюрократов с частью бывших демократов на почве любви к «священной частной собственности». Дело в том, что если эта собственность станет основным экономическим укладом, главными собственниками, наряду с бывшими «теневиками», станут бывшие начальники. Поэтому уже сейчас многие из них готовы обменять власть на собственность, активно ищут и поддерживают новых хозяев. Им, в отличие от большинства народа, и обеспечено «светлое будущее» при новом «изме».

Знаю, что мои высказывания у многих вызовут неудовольствие, и тем не менее хочу повторить, что строка Интернационала: «Никто не даст нам избавления: ни бог, ни царь и ни герой»,— сейчас

столь же верна, сколь и сомнительна другая его строка: «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой».

Пусть каждый перед голосованием еще раз взвесит: своего ли кандидата он выбрал.

Опубликовано: Вечерний Омск.— 1991.— 7 июня.— № 111.— С. 1, 3.

ДОРОГА, НО В КАКОЙ ВЕК?

Размышления над проектом Конституции Российской Федерации

Центром идейной и политической борьбы, развернувшейся в последнее время в России, стал вопрос об отношении к новой российской Конституции. Как известно, на обсуждение общественности вынесено два проекта этого документа. Один подготовлен рабочей группой Конституционной комиссии во главе с депутатом О. Г. Румянцевым, другой — инициативной группой коммунистов России. Официально объявлено, что первый документ Конституционная комиссия приняла за рабочую основу, хотя из 102 ее членов «за» проголосовали 37, «против» — 33, второй опубликован как альтернативный. Рамки газетной статьи позволяют остановиться лишь на некоторых моментах основного проекта и дискуссий вокруг него.

Разработчики этого проекта не раз и не без гордости заявляли, что он «деидеологизирован», поскольку из него исключены слова «социалистическая» и «советская» в названии республики и тексте статей. Однако сама Конституция в любом обществе есть первый документ государственной идеологии, и если можно освободить ее от идеологических терминов, так называемых «измов», то от идеологии, т. е. определенной системы ценностей,— никогда. В этом смысле «деидеологизация» Конституции — свидетельство такого же идеологического догматизма, как и бесконечное упоминание идеологических терминов. Мне, социалисту, представляется, что бороться надо не за термины в названии республики, а за содержание Конституции: в конце концов, северо-американские штаты не именуются соединенными буржуазными, а Швеция — полусоциалистическим королевством!

Идеология любой Конституции определяется тем, как трактуются в ней, как минимум, четыре вопроса: собственности, власти, прав человека, национальный. Вот ключевые положения официального проекта по поводу собственности в Российской Федерации.

Статья 1.7., параграф 2. «Право собственности и наследования, равенство всех видов и форм собственности, стабильность отношений собственности гарантируются государством». В варианте, розданном народным депутатам России до официальной публикации, здесь значилось: «Основа экономики — свободный предприниматель...».

Статья 3.1.1. «Неотчуждаемое естественное право быть собственником является гарантией осуществления интересов и свобод личности и предполагает нравственное, рациональное использование собственности». В тексте для депутатов такой гарантией объявлялось «неотчуждаемое естественное право частной собственности».

Как видим, в первоначальном варианте идеологический пафос выражен ярче и откровеннее, в опубликованном же идеология «закрашена». Но суть дела не меняется: провозглашая равноправие всех форм собственности, авторы душой на стороне «естественного права» «священной частной собственности». В этом, кстати, легко убедиться, внимательно проанализировав уже принятый Закон «О собственности в РСФСР». Чего же ждать России, если Конституция будет принята и, в отличие от своих предшественниц, чего доброго, станет работающей?

Начнем с «высоких материй» — «естественного права». Как знает каждый, мало-мальски знакомый с историей общественной мысли, эта идея была крупным достижением позднего средневековья и начального периода Нового времени, т. е. «зари» капитализма, несла в себе сильный антисловный гуманистический заряд. Однако вытаскивать ее из «нафталина» и представлять как новое слово юридической науки в конце XX в., по меньшей мере, странно.

В самом деле, если бы можно было спросить античного грека о его естественных правах, он наверняка назвал бы в их числе право владеть людьми — рабами. На подобный же вопрос средневековый феодал заявил бы о своем естественном праве на землю, к которой прикреплены крестьяне, и т. п. Вообще, большинство людей каждой исторической эпохи считают «естественными» именно порядки своего времени, «неестественными» или даже «противоестественными» — порядки эпох минувших или будущих. В кризисные моменты, подобные нашему, это положение выворачивается наизнанку: «противоестественным» представляется то, чему поклонялись вчера.

Видимо, авторы всерьез вознамерились ограничить историю России достижениями человечества

200-летней давности и «остановить мгновенье». Так, секретарь рабочей группы Конституционной комиссии О. Г. Румянцев, будучи в США, обещал, судя по сообщению «Голоса Америки», создать документ, который переживет века, а в первом проекте этого документа можно прочесть: «Основные принципы конституционного строя Российской Федерации не могут быть отменены» (статья 1.12). Спрашивается, чем это отличается от заявлений о «вечности Рима», китайской «Поднебесной империи», от наших собственных недавних официальных фраз о полной и окончательной победе социализма? Ныне формулировка статьи изменена, но претензии на внеисторичность остались.

Теперь о частной собственности как гарантии прав и свобод. Это положение верно, однако с двумя принципиальными оговорками. Оно верно, во-первых, для условий классического капитализма. Уже в современных высокоразвитых странах Запада интересы и свободы большинства граждан гарантируются не собственностью, которой у них или нет, или слишком мало, а политикой так называемого социального государства (система страхования, обязательный минимум заработной платы и т. п.). Во-вторых, это верно лишь для тех, кому посчастливилось стать хозяином собственного «дела», а такие повсюду составляют меньшинство. Скажем, в ФРГ 80-х — не более 9%, да и среди них до 90% и более мелких предпринимателей. Кстати, когда именно предприниматель провозглашается основой экономики, предпочтение заведомо отдается этому меньшинству перед остальными гражданами.

Разработчики официального проекта не раз заявляли, что подготовили документ XXI века и что Россия стоит перед конституционно-правовой революцией. На мой взгляд, последнее настолько же истинно, насколько первое ложно. Принятие Конституции действительно может стать началом политического и экономического переворота, началом нового пути России. Но куда поведет этот путь?

Думаю, руководствуясь принципами «естественного права», «священной частной собственности», Россия действительно может оказаться европейским государством, но не будущего, а, в лучшем случае, прошлого века. Еще более вероятно, что она окажется в той группе экономически зависимых стран «третьего мира», где господствует капитал азиатско-бюрократического и мафиозного типа. Среди практических последствий «конституционной революции» назову лишь два.

Во-первых, не успев освободиться от власти одной элиты, бюрократической, народ попадает под власть другой — буржуазной, ибо популярная формула: «У кого собственность — у того и власть» относится, конечно, не только к бюрократии, но в еще большей мере к крупным частным предпринимателям. Да и новой эта элита будет лишь отчасти. Во время разложения бюрократической системы именно корыстные чиновники имели больше возможностей для незаконного обогащения. Теперь эти средства будут пущены в ход. Следует ожидать скорого прекращения борьбы радикальных приватизаторов и худшей части консервативных «аппаратчиков»: «священная частная собственность» их помирит. Большинство же народа останется «при своих интересах».

Во-вторых, такой ход событий создаст в России еще более высокое социальное напряжение, возможно, вызовет малую гражданскую войну. «Простые» люди довольно быстро обнаружат, что лидеры, на которых возлагалось столько надежд, привели в царство не свободы, а новой несвободы. И тогда есть основания ожидать, что всеобщая ненависть к бюрократии перекинется на новых «хозяев жизни», начнется сопротивление курсу на классический капитализм.

Судя по всему, это понимают и сторонники такого курса, ибо «плач» по «твердой руке» слышен теперь не только из консервативного, но и из противоположного лагеря. Выступая в начале января по «Радио России», известный радикальный экономист В. Селюнин несколько раз повторил, что стране нужен Столыпин, знаменитый, среди прочего, «столыпинскими галстуками». Чилийский диктатор А. Пиночет неожиданно для себя стал положительным героем немалого числа российских радикалов. Наконец, в официальном проекте Конституции (вариант А) предполагается система очень сильной президентской власти, которая при отечественных традициях в любой момент может превратиться в авторитарный режим.

Итак, совершенно очевидно: путь классического капитализма, к которому склоняются авторы официального проекта, как и путь возврата к прежней, административно-бюрократической модели социализма, вряд ли возможен без диктатуры или полудиктатуры, только в одном случае это будет диктатура неосталинистского толка, в другом — неостолыпинского или неопиночетовского. Так что все хорошие статьи о правах человека в новом проекте могут разделить судьбу аналогичных статей Конституции-1937.

Но есть ли третий путь? Думаю, да. Чтобы выйти на него, в Конституцию нужно заложить следующие экономические принципы:

1. «Смешанная экономика», многообразие форм собственности, включая частную,

преимущественно в форме мелкого предпринимательства. Такое многообразие необходимо, чтобы гарантировать достаточно высокую эффективность производства.

2. Основа экономики — не свободный предприниматель, а свободный работник, имеющий преимущественное право быть собственником используемых им средств производства, т. е. имущества своего завода, колхоза, ферм и т. п., а значит, и право на коллективное предпринимательство.

Реализация преимущественного права работника быть собственником должна быть законодательно закреплена в двух основных формах:

а) в форме полномочного коллективного владения государственными предприятиями без права их распродажи;

б) в форме коллективно-долевой собственности западного типа, где акционерами являются только работники, акции распределены более или менее равномерно, наемный труд практически отсутствует, а напротив, коллектив нанимает администрацию предприятия.

Обосновывая эти положения на внеочередном Съезде народных депутатов России, я говорил о том, что производство, где работник является собственником, эффективно не только экономически, но и социально. Такие предприятия на Западе успешно конкурируют с частными, гораздо реже разоряются, на них рабочий чувствует себя комфортнее, лучше трудится, не бастует. Даже администрация Президента Дж. Буша предоставляет экономические льготы фирмам, продающим акции собственным работникам, но не потому, разумеется, что она «покраснела», а потому, что хорошо понимает преимущества «экономики участия». Парадокс состоит в том, что в странах капитализма наибольшие заслуги в движении к такой экономике принадлежат социал-демократам, однако социал-демократическая партия Российской Федерации, одним из лидеров которой является О. Г. Румянцев, отдает предпочтение не народным, а частным предприятиям.

И, наконец, о процедуре принятия Конституции. На I Съезде депутатов России Б. Н. Ельцин обещал, что на референдум будут вынесены ее основные принципы. Те из них, что получают одобрение, станут базой для работы Конституционной комиссии. Теперь же секретарь этой комиссии настаивает на референдуме по проекту в целом или по двум альтернативным проектам. Считаю, что в таком случае референдум превратится в форму политического манипулирования: большинство народа не прочтает двух проектов или не разберется в юридических тонкостях и ему придется голосовать наобум, вверяя судьбу случаю или популярному политическому деятелю. Да и как можно голосовать за сотню статей и параграфов разом, если половина из них вполне приемлема, а другая вызывает возражения?

Иное дело — принципы. Манипулирование возможно и здесь, но выбор куда реальнее: Советы или «десоветизация»; Президент: да или нет; частные или народные предприятия как основа экономики; земля: продавать или не продавать и т. п. Хорошо бы Председателю Верховного Совета РСФСР вспомнить его первоначальное обещание. Уверен: дорога в XXI век нам не закрыта. Но чтобы на нее выйти, надо не оглядываться на ступени, пройденные западной цивилизацией, а ориентироваться на те тенденции и рост-ки нового, которые она отчетливо проявляет сейчас. Дело за малым: чтобы большинству народа, когда он придет на референдум, не отказали историческое зрение и здравый смысл.

* * *

Эта статья была написана осенью 1991 г. по предложению корреспондента одной из центральных газет. Однако по причинам, мне неизвестным, в свет так и не вышла. С тех пор минул целый исторический период: Конституция, которая считается принятой 12 декабря 1993 г., в сравнении с тем проектом, который подвергался критике в этой статье, выглядит как великий грех на фоне мелкого прегрешения. Мне не раз уже приходилось говорить, что все ее содержание могло бы быть изложено в двух статьях:

Статья 1. Президент всегда прав.

Статья 2. Если Президент не прав, смотри статью 1.

Что же касается главного разработчика конституционного проекта, которому посвящена данная статья, — Олега Румянцева, то он давно перешел в оппозицию. В период малой гражданской войны в Москве в сентябре—октябре 1993 г. он был не с теми, кто расстреливал, а с теми, кого расстреливали, и вел себя в высшей степени достойно. Ныне Олег Румянцев активно выступает с идеями русского социализма.

ГЛАС НАРОДА — ГЛАС БОЖИЙ?

Ещё раз о том, кто и как должен принимать новую Конституцию России

В условиях «шоковой терапии» мучивший нашу общественность два последних года вопрос: как нам обустроить Россию? — явно уступил место другому: как жить, чтобы выжить? Однако вскоре нам предстоит вернуться к первому вопросу, отчасти потому, что правильный ответ на него является условием успешного решения второго, отчасти же потому, что приближается VI Съезд депутатов России, а на него, как известно, вынесен доработанный проект Конституции Российской Федерации. Оставляя в стороне достоинства и недостатки проекта, разбор которых мог бы стать предметом особого большого разговора, хочу обратить внимание читателей лишь на один вопрос, вынесенный в подзаголовок статьи: кто и как должен этот проект принимать?

Ответ Конституционной комиссии однозначен: весь народ на референдуме (см. ст.140). У общественности этот ответ возражений как будто не вызывает. Более того, кажется, что демократия в России наконец-то восторжествует окончательно: граждане сами выберут свою судьбу, свое будущее. Однако это лишь на первый взгляд.

Для того, чтобы понять, какие подводные политические рифы могут ожидать российский корабль, если курс его будет определяться общим собранием «команды и пассажиров», обратимся к замыслу разработчиков Конституции, который изложен в ст.12. Прочтем ее первый пункт: «Провозглашенные в настоящем разделе Конституции основы конституционного строя РФ: государственный суверенитет, приоритет прав и свобод человека, народовластие, политический плюрализм, рыночное хозяйство, социальное государство, федерализм, разделение властей, верховенство права, открытость РФ и ее вовлеченность в мировое сообщество, гарантии незыблемости конституционного строя — не могут быть отменены». Вот так: никем и никогда. Ни больше и не меньше. Как пели в 60-х: «Будет людям счастье, счастье на века!»

Конечно, тревоги разработчиков легко понять: страшен призрак системы тоталитарного социализма, велико желание сделать безвозвратной происходящую на наших глазах смену общественного строя. Однако незыблемость общественных систем в истории провозглашалась уже десятки раз едва ли не со времен царя Хаммурапи. Вспомним хотя бы китайскую «Поднебесную империю» или Москву — «Третий Рим», или, наконец, полную и окончательную победу социализма в СССР — словосочетание, вызывающее у одних смех радости, у других — смех сквозь слезы. Неужели будем пробовать еще раз? Неужели разработчики не понимают, что если социальные потрясения будут продолжаться, последующее поколение политиков станет обращаться с ельцинской (или румянцевской) Конституцией так же, как мы сейчас обращаемся с брежневской? Стоит ли вообще обманывать сознание верующих (а сознание неверующих — раздражать) термином «незыблемость» в условиях разваливающейся страны, разрушение которой не обошло и Российскую Федерацию (Татарстан, Чечня?)

Именно желание обеспечить незыблемость конституционного строя, создать документ, который, как в США, мог бы пережить века, — ключ к вопросу о том, почему Конституцию предлагают принимать не иначе, как референдумом. Только путем референдума допускаются также и изменения отдельных положений первого раздела проекта, не затрагивающие основ конституционного строя (ст.12.2). Иначе говоря, в поисках стабильности Конституции авторы обращаются к идее плебисцитарной демократии, т. е. такой, где решения принимаются всем народом непосредственно, путем голосования (плебисцита). Последуем же за ними, попросив у читателей прощения за некоторое злоупотребление теорией.

Зарубежная политическая наука, давно изучающая этот вопрос, убедительно показала, что плебисцитарная демократия может более или менее нормально функционировать, по крайней мере, при трёх условиях:

- а) развитая система демократических традиций;
- б) высокий уровень общественной стабильности;
- в) наличие сильной оппозиции.

Совершенно очевидно, что о двух первых условиях мы можем только мечтать, да и третье исчезло после распада и запрета КПСС. Как справедливо заметил Борис Кагарлицкий, — один из лидеров Партии Труда, — для современной России характерен плюрализм власти при вакууме оппо-

зиции. В условиях же господства авторитарно-патриархальной культуры, лишь поменявшей плюсы на минусы, когда кризис нарастает, большинство средств массовой информации представляют, по существу, одно направление, голосующим нередко отказывает здравый смысл. При этом плебисцитарная демократия даёт сбой, как минимум, троякого рода.

Во-первых, демократическая процедура нередко ведёт к установлению не демократического, а авторитарного режима. Пример — прямые выборы Президента Грузии, от которого удалось избавиться только в результате малой гражданской войны, т. е. совершенно недемократическим способом. Во-вторых, когда это невыгодно властям, с результатами референдума просто не считаются. Вспомним хотя бы дружный выход из Союза республик, население которого высказалось за участие в нем. В-третьих, итоги референдумов почти повсеместно совпадают с позицией руководства, особенно если руководитель достаточно популярен. Результаты отечественных президентских выборов и плебисцитов, когда «за» голосует 83, 84, 99% и т. п., вызывают у специалистов-политологов скорее тревогу, чем удовлетворение, ибо такое единодушие справедливо считается признаком недоразвитой демократии и плюрализма. Не удивительно, что на Украине, где 18 марта 1991 г. подавляющее большинство населения высказалось за участие в Союзе, а спустя всего лишь 7 месяцев 1 декабря население также дружно проголосовало за полную независимость.

Отечественный опыт в очередной раз убеждает: народ всегда прав, а «глас народа — глас божий» только в метафизическом, всемирно-историческом смысле, — в том смысле, что рано или поздно народ находит дорогу к истине, а история ставит точки над «і». В конкретной же политической ситуации, особенно кризисной, мы сплошь и рядом слышим не глас народа, а крик отчаяния, которое толкает людей либо на то, чтобы слепо идти за национальными элитами, либо голосовать за крайние политические течения.

Тем более неприемлемо всенародное голосование в той сфере, как это предлагается разработчиками, т. е. за Конституцию в целом. Мне не приходилось встречать данные социологических опросов, однако личный опыт общения с избирателями свидетельствует: добрая половина их не прочла и не прочтёт проекта, а из оставшейся половины значительное большинство не подготовлено к тому, чтобы разбираться в юридических тонкостях. Тем и другим не останется иного выбора, как довериться случаю либо мнению политического деятеля и голосовать наобум. Кроме того, голосовать придётся за полторы сотни статей и несколько сот параграфов сразу, а среди них есть очень хорошие, хорошие, средние, плохие и очень плохие. Сознательный выбор в такой ситуации более чем проблематичен, рано как и надежды с помощью плебисцитарной демократии увековечить конституционный строй: если кризис будет продолжаться и новой власти потребуется отменить Конституцию либо какие-то её положения, эта новая власть сумеет не хуже нынешней овладеть общественным сознанием и провести референдум с заранее заданными итогами.

Говоря о всеобщей «зацикленности» на идеях плебисцитарной демократии, не могу не упомянуть курьёзный, на мой взгляд, факт. В передаче Российского радио 1 декабря 1991 года блока «Свобода и достоинство» депутат М. Салье не без основания иронизировала по поводу намерений принять референдумом новый конституционный проект. Однако взамен она предложила провести выборы в Учредительное собрание по партийным спискам и...приложить к каждому списку проект новой Конституции, разработанный данной партией! Другими словами, за один проект голосовать нельзя, поскольку нельзя одним махом одобрить или отвергнуть множество самых различных статей, а вот за десяток проектов — пожалуйста.

Поистине «умом Россию не понять!» А что проектов будет не менее десятка — в этом нет ни малейшего сомнения. Даже если предположить невероятное, что мы очень быстро от «дикой» многопартийности перейдем к современной партийной системе, представлены будут, как минимум, коммунистический, социал-демократический (возможно в двух вариантах), либеральный и правоконсервативный проект экономического устройства. Помножим их на варианты устройства государственного (от унитарного до конфедеративного), а затем на возможные формы правления (от парламентской республики до, чего доброго, конституционной монархии) — и сразу увидим необозримое множество документов. Уверен: те, кто все это прочтет и сможет сознательно голосовать на референдуме, составят доли процента от общего числа избирателей. Следовательно, здесь мы имеем тот же подход, что и у конституционной комиссии, но многократно ухудшенный. Впрочем, улучшать путем ухудшения — это тоже в нашей национальной традиции.

Вполне понимаю разработчиков, которым хочется сохранить свое творение в целостности и не отдавать его «на растерзание» Российского съезда народных депутатов. Однако это все же меньшее из зол, ибо альтернатива ему — манипулирование народом посредством самого народа, т. е. худший вид манипулирования. В утешение авторам могу лишь напомнить, что на Российском съезде

депутатские поправки к Конституции в абсолютном большинстве своем не проходят, но зато легко принимается все, что предложено или поддержано руководством. Вспомним хотя бы, как II Съезд народных депутатов Российской Федерации (первый из внеочередных) за 40 минут принял 16 поправок к Конституции, предложенных конституционной комиссией. Для сравнения могу сказать, что за 200 лет было принято 26 поправок.

Если же всё-таки нам так мила плебисцитарная демократия, что жить без неё уже невмочь, следует вернуться к решению I Съезда народных депутатов России и вынести на референдум основные принципы Конституции, сформулировав их предельно просто и чётко, и желательно в альтернативной форме. Есть, разумеется, минусы и у этого варианта, но здесь мы, по крайней мере, проявим больше уважения к нашим согражданам.

Итак, решающее слово за Российским съездом.

Статья опубликована с сокращениями: Российская газета.— 1992.— 4 марта. — С. 3.

ПЛЕБИСЦИТ КАК СРЕДСТВО УТВЕРДИТЬ МНЕНИЕ. СОБСТВЕННОЕ

Политические лидеры и средства массовой информации в большинстве случаев представляют будущей референдум как долгожданное торжество демократии в России.

Однако столь благостной картина выглядит лишь с первого взгляда. Даже беглый анализ обнаруживает массу подводных камней.

Начнем хотя бы с вопроса о том, как будут выноситься на референдум основные положения Конституции: «в пакете» (блоком) или каждое в отдельности? Нельзя же всерьез думать, что гражданин, придя на избирательный участок, будет механически подсчитывать приемлемые и неприемлемые положения Конституции и в зависимости от этого голосовать «за» или «против»? Вообще, если вся эта процедура и отличается чем-либо от процедуры союзного референдума 17 марта 1991 г., то только в худшую сторону: тогда нам предлагали односложно отвечать на три (или четыре) различных вопроса, теперь же «в пакете» будет, вероятно, вопросов 15 или 20! Неуважение к собственному народу, стремление использовать его лишь в качестве объекта политического манипулирования очевидны.

Однако и второй вариант референдума, когда гражданам придется одобрять или не одобрять каждое из основных положений Конституции в отдельности, — вариант, безусловно, гораздо более честный, — отнюдь не избавляет организаторов и население от трудностей. Средоточием их станет следующая проб-лема: какие вопросы выносить на референдум и как их формулировать? Сами же трудности условно могут быть подразделены на три группы.

Первая — трудности политико-юридические. Если отношение большинства населения к референдуму будет осмысленным, а не механическим, достаточно вероятно ситуация, когда утвержденными окажутся не все, а лишь часть положений новой Конституции. Если в число последних попадет, например, герб — беда не столь велика. Но за бортом вполне могут оказаться положения концептуального характера, скажем, вопросы собственности или организации власти.

Вторая — трудности политико-морального характера. Именно их преодолеть будет, пожалуй, сложнее всего. Многие специалисты-политологи признают, а богатый опыт различных стран свидетельствует: правящие политические элиты в большинстве случаев проводят референдумы не для того, чтобы выяснить мнение народа, а для того, чтобы с его помощью утвердить свое собственное и возвести его в закон. Причем именно плебисцитарная демократия нередко оказывается наиболее приемлемой для населения формой легитимации (узаконивания) власти политической элиты.

В свое время этого теста не выдержала союзная политическая элита, группировавшаяся вокруг ЦК КПСС и Верховного Совета СССР. На референдуме 17 марта 1991 г. она вынесла формулировку, в которой к двум «локомотивным» вопросам (о сохранении союзной государственности и о соблюдении прав человека) «подвесила» также и вопрос о названии государства (Союз Советских Социалистических Республик), а тем самым косвенным образом и вопрос о характере общественного строя. Все это стало объектом обос-нованной критики со стороны тогдашней оппозиционной «Демократической России».

Аналогичного теста совсем недавно не выдержали лидеры современной «Демократической России», собиравшие подписи граждан и депутатов под требование референдума по вопросу о собственности на землю. Большинство людей, заполнявших подписные листы, наверняка не заметили

казалось бы незначительной подмены тезиса, которую содержала предложенная формулировка.

Они выступили за право частной собственности на землю, имея в виду прежде всего тех, кто ее обрабатывает. Но вопрос был поставлен уже о безусловном праве частной собственности, т. е. праве, ничем не ограниченном. Неограниченное же право вообще, а право частной собственности на землю — в особенности, едва ли можно найти в истории человечества.

Подготовка предстоящего референдума, безусловно, вызовет борьбу за формулировки между президентской и пропарламентской частями правящей элиты, а также между ней и оппозицией. Наложный VII Съездом запрет на проведение 11 апреля любых других референдумов, кроме как по основным положениям Конституции, в этом смысле мало что дает.

Конечно, оппозиция не сможет вынести на него прямой вопрос о досрочном прекращении полномочий Президента, а течения, называющие себя радикальными демократами, — о роспуске Парламента. Однако «основные положения Конституции» — понятие столь широкое, что под него вполне можно подвести практически все основные параметры политического будущего страны.

Прежде всего, я думаю, вызовет бурю политических страстей вопрос о вопросах, т. е. о том, какие именно основы общественного и государственного устройства России должны считаться устоявшимися, самоочевидными и о каких следует опрашивать мнение населения.

Иначе говоря, ставить их под сомнение. В качестве иллюстрации возьмем лишь два примера, хотя число их можно было бы без труда умножить. Речь идет о том, следует ли выносить на референдум вопросы о форме правления в Российской Федерации (республика или монархия) и о праве республик (а может быть, краев и областей) на выход из состава России.

Политическая честность требует вынесения их на референдум хотя бы потому, что за это выступает существенная часть населения.

Что же касается права на выход из России, то на VII Съезде народных депутатов упорно муссировались слухи о том, будто политические руководители восьми российских республик намеревались поставить этот вопрос на всенародное голосование в случае реализации известной инициативы Президента.

Повторю: оба вопроса имеют право на постановку. Однако первый из них выглядит более чем экстравагантным в конце XX в., а второй — более чем несвоевременным в условиях продолжающегося экономического и политического кризиса. Поэтому вопрос: «выносить или не выносить?» — не раз встанет перед организаторами референдума с гамлетовской остротой, равно как и проблема выбора меньшего из нескольких больших зол.

Предположим, однако, что российская политическая элита явила миру редкое исключение — высокий образец уважения к собственному народу. Увы, и в этом случае отнюдь не все трудности позади.

Оказывается, даже при подлинном желании не манипулировать населением, а выявить его действительное мнение, весьма сложно найти формулировки, позволяющие получить результат, который нельзя было бы интерпретировать различным образом.

Ни для кого не секрет, что после решения VII Съезда из окружения Президента не раз звучали призывы решить с помощью референдума вопрос о том, какой быть нашей республике: президентской или парламентской? И тем самым покончить с попытками Парламента в той или иной мере взять Правительство под свой контроль. На самом же деле подобная постановка вопроса даже при самых лучших намерениях вряд ли имеет смысл.

Во-первых, мировая практика знает разные модели как президентской, так и парламентской республики с различным распределением функций между законодательной и исполнительной властью. Чем бы ни закончился референдум, выбор одной из этих моделей все равно останется прерогативой депутатов — нынешних и будущих.

Во-вторых, распространенное (точнее, распространяемое) мнение, будто на последних съездах народных депутатов России происходила борьба между сторонниками президентской и парламентской республик, — мнение заведомо ложное.

Если бы даже поправки к Конституции, предполагающие назначение и увольнение в отставку ведущих членов Правительства Президентом с согласия Парламента, — т. е. те самые поправки, против которых часть «радикальных демократов» готова была сражаться в рукопашную, — были приняты Съездом, это отнюдь не превращало президентскую республику в парламентскую.

В парламентской республике, как известно каждому мало-мальски политически образованному человеку, правительство формирует не президент, а премьер-министр, как правило, лидер победившей партии или блока. В данном же случае речь шла всего лишь об одной модели

президентской республики.

Иначе говоря, если население на референдуме выскажется за президентскую республику, что при наших авторитарных традициях вероятнее всего, Президенту это равным счетом ничего не дает. Республика наша и без того президентская, а по некоторым параметрам даже суперпрезидентская. Если же большинство голосов получит парламентская республика, что маловероятно, референдум обернется крупной победой оппозиции: депутатам придется либо ликвидировать институт президентства вообще, либо свести роль Президента к функциям «свадебного генерала».

Но и это еще не все. Надо иметь в виду, что голосование двух, а тем более одной формулировки едва ли не по любому вопросу об основах конституционного строя резко ограничивает для граждан реальные возможности выбора, заранее как бы подсказывая им желательный для организаторов ответ.

Учитывая к тому же, что формулировки «президентская республика» или «парламентская республика» допускают различную интерпретацию, а рядовому гражданину вообще мало что говорят, вопрос следовало бы сформулировать иначе. Например, таким образом.

«Как, на ваш взгляд, должно формироваться Правительство?»

1. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства назначается с согласия Верховного Совета: да, нет.

2. Правительство формирует Президент. Председатель Правительства, его заместители и министры (следует список) назначаются Президентом с согласия Верховного Совета: да, нет.

3. Президент назначает членов Правительства с согласия Верховного Совета: да, нет.

4. Верховный Совет избирает председателя Правительства, который формирует его состав: да, нет».

В качестве общего вывода остается лишь повторить: проведение референдума даже в лучшем варианте, т. е. по каждому из основных положений конституционного проекта, потребует от организаторов такого уровня политической честности и уважения к своему народу, какой у представителей политических элит встречается редко.

Поэтому уже сейчас с большой вероятностью можно утверждать: скорее всего референдум станет не источником стабильности, а фактором дестабилизации общества, не победой демократии, а, в лучшем случае, ее имитацией, в худшем же — поражением.

Опубликовано: Российская газета.— № 23.— 1993.— 14 февраля. — С.1—2.

ОТ ФАРСА К ТРАГЕДИИ, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ВОЗМОЖНЫХ ПУТИ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Текст произнесенного выступления на IX (внеочередном) Съезде народных депутатов Российской Федерации

Не кажется ли вам, что кризисы власти у нас повторяются все чаще и чаще? Причем, если обычно говорят, что история повторяется дважды: сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса,— то мы, возможно, движемся от фарса к трагедии!

Парадоксально, но факт: на недостаток власти громко жаловались и продолжают жаловаться как раз те исполнительные структуры, которые имеют ее более чем в достатке де-юре, в избытке — де-факто. Ни для кого не секрет, что с осени 1991 года и до недавнего времени Президент Российской Федерации имел такие полномочия, какие и не снились ни одному из его коллег ни в одной цивилизованной стране!

Кончилось это развалом государственности, великой депрессией в экономике, агонией образования и культуры. Однако Президент просит все новых и новых полномочий, вот только неясно для чего: неужели у нас есть еще что разрушать?

Уже с весны 1992 г. Президент Российской Федерации то и дело намекал, а иногда говорил прямо, что собирается распустить Парламент, т. е. совершить государственный переворот. Правда, министр обороны столь же регулярно утверждал, что переворот — это слухи, а Парламент до последнего времени склонен был верить министру обороны, а не Президенту.

В конце концов прав оказался конечно Президент, а слухи подтвердились: страна, по существу, получила ГКЧП номер 2. Хотя теперь переворот пытались сделать без танков (по крайней мере пока), так сказать, в мягких перчатках. Правда, ранг организаторов стал выше: возглавил дело не вице-президент, а Президент. Но суть дела не меняется: даже в тексте Указа, который был скорректирован задним числом и отступает от телеобещаний Президента, его указы ставятся выше законодательных актов Съезда и

Верховного Совета. При этом там есть еще и ссылки на разделение властей! Думаю, от таких ссылок с Ш. Монте-скье и другими идеологами этого принципа, будь они живы, случился бы инфаркт.

Вообще на месте советников Президента я бы осторожнее составлял послания Верховному Совету о конституционности. Если в это послание вводятся такие нелепости и юридические извращения, как «неконституционность Конституции», а единственным гарантом конституционности объявляется Президент, остается только записать от его имени фразу Людовика XIV: «Конституция — это я».

Единственное, что может оправдать господина Шахрая — вероятного автора этого документа, — это выступление господина Волкогонова, который говорил уже от имени даже не Конституции, а самой истории и почти произнес: «История — это я».

С претензией советников Президента быть главными толкователями Конституции связана и кампания травли Председателя Конституционного Суда. Уважаемые коллеги, бывшие коммунисты, а теперь уже и бывшие демократы! Неужели вы так быстро забыли август 1991 г.? Неужели вы не помните, за что тогда упрекали Председателя Комитета конституционного надзора СССР Алексеева? Упрекали именно за то, что он пытался соблюсти юридические формальности, когда попытка переворота была очевидна! Почему же к Зорькину применяется другой стандарт? Или ваш принцип: демократия — это когда «наши» у власти? Ведь совершенно очевидно, что новые гэкачеписты начали отступать и придавать своим действиям более приличный вид именно потому, что в критическую минуту прозвучал голос Зорькина. Честь ему за это и хвала!

Действительная вина Конституционного суда в другом: он до сих пор проявлял слишком большую мягкость по отношению к нарушителям Конституции. Не получили оценки ни Беловежские соглашения, ни призывы Президента к разгону Парламента.

Итак, острейший политический кризис налицо и надо искать пути выхода из него. Таких путей можно представить себе четыре.

Первый и лучший путь — досрочные всеобщие выборы и Парламента, и Президента. Не секрет: мы оказались в ситуации, близкой к двоевластию, но не потому, что у Президента мало полномочий, а потому, что исполнительная власть хочет исполнять лишь те решения законодательной власти, которые ее устраивают, что дико для демократического государства.

Но если двоевластие возникло, из него история знает два выхода: либо полноценный переворот, либо досрочные выборы. Думаю, все согласятся: выборы гораздо лучше.

Поэтому я призываю: уважаемый Президент, уважаемые коллеги, давайте перестанем испытывать терпение сограждан, не будем тратить 25 миллиардов рублей народных денег и без всякого референдума примем поправки к Конституции и согласованные решения о всеобщих досрочных выборах. На них каждому из нас, а тем более Президенту, никто не мешает выставить свою кандидатуру. Выборы и будут тем самым вотумом доверия, который якобы кто-то мешает получить.

Второй путь — компромисс. Вещь эта очень заманчивая, но, во-первых, ее пробовали уже много раз, а во-вторых, компромиссы с теми, кто не уважает Конституцию, ничего хорошего дать не могут. Пройдет несколько месяцев, и мы услышим новое обращение, затем увидим новые указы, круче прежних. Это не разрешение кризиса, а его откладывание в долгий ящик.

Путь третий — импичмент, отрешение от должности. Не сомневаюсь: в стране с развитыми демократическими традициями был бы применен именно этот вариант. Президент США, заявивший по национальному телевидению, что его указы будут выше законов или что конгрессменов и сенаторов надо разогнать, был бы отстранен от должности в течение нескольких дней. Но у нас другие традиции: чем больше должностное лицо нарушает Конституцию, тем увереннее оно объявляет себя ее гарантом.

Правда, подписанный Президентом Указ отличается от обращения по телевидению, как вода от крови: вместо увольнения Ножикова и Мухи Ельцин принес им извинения; вице-президент Руцкой уже не идет на опрос в связке с Президентом; даже самого названия «особый порядок управления» в Указе уже нет!

Возникает вопрос, что это такое: провал в памяти или, быть может, шутка? Но подобные шутки президентов в демократических странах заканчиваются ответными шутками парламентов в виде импичмента!

Несмотря на то, что для отстранения Президента от должности оснований вполне достаточно, этот вариант имеет ряд недостатков: во-первых, скорее всего для него не хватит голосов; во-вторых, не вполне ясно, как поведут себя силовые структуры; в-третьих, для многих наших сограждан это решение будет выглядеть не вполне легитимным. Люди станут рассуждать примерно так: Президента

избирал народ, он и должен решать судьбу Президента. Поэтому и третий путь представляется проблематичным.

Четвертый путь — референдум. Уважаемые коллеги, позволю себе напомнить, что я всегда выступал против референдума по Конституции еще тогда, когда большинство нынешних противников были «за». И сейчас считаю, что референдум в нынешней России скорее всего будет не формой народовластия, а формой манипулирования народом. И вот почему.

Во-первых, мы находимся фактически уже в ситуации чрезвычайного положения. Референдум в такой ситуации проводят только диктаторы и различного рода хунты. Так, в Германии в 1933 г. был проведен референдум о доверии курсу Гитлера, и что вы думаете — доверили.

Во-вторых, совершенно очевидно: нового референдума громче всех требуют те, кто не выполнил решений предыдущего — о судьбе Советского Союза. Сделать народ судьей в споре властей призывают люди, один раз уже презревшие этот суд, обвиняют оппонентов в недоверии к народу силы, бессовестно злоупотребившие этим доверием. Увы, нет никаких гарантий, что с новым референдумом не произойдет того же самого.

В-третьих, средства массовой информации, по крайней мере радио и телевидение, находятся, по существу, в одних руках, а потому все несогласные шельмуются и газетные «утки» плодятся с быстротой инкубаторских цыплят.

В-четвертых, действительно велик риск, что референдум станет еще одним толчком к разрушению Федерации, к разбеганию ее субъектов.

Все это так. Референдум — плохо, но лучше, чем полноценный переворот, поэтому, если ни один из трех предыдущих путей не будет реализован, нам остается только этот. Причем Съезд обязан взять инициативу на себя и попытаться не допустить манипулирования народом России.

Во-первых, не может быть и речи о референдуме в апреле по Конституции и избирательному закону. Подавляющее большинство населения проекта Конституции не читало и не прочтет, избирательного закона вообще еще никто не видел. Заставлять людей голосовать за двух «котов в мешке» разом — значит потерять не только уважение к собственному народу, но и политическую честь.

Во-вторых, на референдум 25 апреля необходимо вынести вопрос об одновременных досрочных выборах Президента и народных депутатов либо два вопроса о выборах каждой из властей в отдельности. По сути, это поглощает вопрос о доверии Президенту, на котором он настаивал, но если Президент хочет, пусть и проводит опрос о доверии самому себе.

В-третьих, в постановлениях Съезда должны быть заранее прописаны варианты решений при том или другом исходе референдума, иначе с его результатами будет то же самое, что и с результатами референдума о судьбе Советского Союза, проведенного 17 марта 1991 г.

В-четвертых, новый закон о выборах до его принятия должен быть обсужден и согласован с основными политическими блоками и профсоюзами через механизм «круглого стола».

Опубликовано: Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов Российской Федерации, 26-29 марта 1993 г.: Стенографический отчет. — М.: Республика, 1994. — С. 707—710.

РЕФЕРЕНДУМ: НЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ?

Бывшая страна наша — Советский Союз — и государства, возникшие на ее обломках, помимо рекордов самовредительства, могли бы, пожалуй, претендовать на мировой рекорд по проведению референдумов и прямых выборов в единицу времени. При этом через короткие промежутки времени и почти с равным воодушевлением граждане голосовали: за Союз и за полную независимость (Украина, Средняя Азия, Казахстан), за ликвидировавшего Советскую власть Гамсахурдиа и за ликвидировавшего власть Гамсахурдиа Шеварнадзе (Грузия), за Президента Эльчибея и за недоверие тому же Президенту (Азербайджан) и т. д. и т. п. и пр. В чем же причина поразительной податливости народов нашего бывшего Отечества, снова и снова идущих на поводу у политических элит?

Известный американский публицист левой ориентации Майкл Дэвидову в ряде своих публикаций и выступлений на радио «Парламент» назвал такой причиной доверчивость народа, отсутствие у него политического опыта, справедливо подчеркивая, что любой другой народ при катастрофических результатах деятельности, подобных российским, немедленно сменил бы правящую политическую элиту или субэлику. Слов нет, доверчивость граждан России находится за пределами рационального объяснения. Народ наш вслед за своим великим поэтом мог бы вновь и вновь повторять: «Ах,

обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад!» Однако достаточно очевидно, что такое объяснение лежит на поверхности и названная причина сама является следствием факторов более глубокого порядка.

И первый среди них — общеисторическая ситуация страны, переживающей так называемую «вторую русскую революцию». Оставляя в стороне вопрос о том, какова эта революция и куда она нас в конце концов выведет: в светлое будущее или в светлое прошлое, — должен заметить, что при всем различии революционных и контрреволюционных переломов, которые знала история, все они характеризовались и некоторыми общими чертами, тенденциями. Одна из наиболее очевидных тенденций — так называемые «качели», т. е. маятниковообразные колебания настроений общественных групп, образующих массовую базу революций. Почти 150 лет назад об этом немало писал Александр Герцен — свидетель французской революции 1848 г.: «Массы полны тайных влечений, полны страстных порывов, у них мысль не разъединилась с фантазией, у них она не остается, по нашему, теорией, она у них тотчас переходит в действие... Оттого они иногда обгоняют самых смелых мыслителей, увлекают их поневоле, покидают середь дороги тех, которым поклонялись вчера, и восстают за других, вопреки очевидности; они дети, они женщины, они капризны, бурны и непостоянны».

Попросту говоря, в условиях, когда политически активное большинство народа, движимое ненавистью к прежней системе и надеждами на лучшую жизнь, с одной стороны, разрушает привычные устои экономического и духовного бытия, а с другой — страдает от возникающего хаоса, гражданам трудно принять сколько-нибудь взвешенное решение и просчитать последствия своих действий. Немаловажно и то, что в такой исторический период новые иллюзии плодятся почти столь же быстро, сколь низвергаются старые. Исключающие друг друга результаты референдумов и прямых выборов, с легкостью достигаемые правящими политическими элитами, как раз отражают нестабильность в обществе, приливы и отливы революции, а чаще — просто ее зигзаги.

Другим, и, может быть, не менее важным фактором, обеспечивающим правящим элитам почти беспроигрышную ситуацию на референдумах и прямых выборах, является смена методов политического управления. Если в советский период широко использовались методы принуждения, включая прямое насилие, то в настоящее время преобладает политическое манипулирование, и прежде всего при помощи средств массовой информации. Не секрет, что подобные методы широко используются во всех странах, в том числе самых демократических. Для нашего же Отечества исключительно важна именно новизна этих методов.

Во-первых, в предыдущую эпоху важнейшие решения принимались за спиной граждан, и это до смерти им надоело. Теперь политически активное население хочет непосредственно решать главные вопросы жизни страны, в том числе и такие, в которых оно не слишком хорошо разбирается. Регулярные опросы общественного мнения показывают, что за принятие новой Конституции референдумом высказались около половины респондентов, тогда как внимательно изучили хотя бы один из конституционных проектов считанные проценты.

Во-вторых, естественное стремление людей определять собственную политическую судьбу, не быть заложником чужих политических игр сочетается в наших условиях с глубоким наследием авторитарно-патриархальной культуры. Это выражается, в частности, в ориентациях на личности, а не идеи (концепции, программы и т. п.), а также в исключительной доверчивости к печатному или прозвучавшему по теле- и радиоканалам слову. Вот примеры того и другого. В газете «Известия» от 6 февраля 1993 г. были приведены результаты опроса общественного мнения, показывающие, что 32% его участников в случае референдума по новой Конституции голосовали бы за президентский проект. И все бы ничего, как говорится, вольному — воля, да маленькая неувязка: в то время президентского проекта никто еще не видел. Официально он был опубликован, напомню, лишь после апрельского референдума! Невероятно, но очевидно: 32% опрошенных были готовы голосовать за какую угодно Конституцию, лишь бы ее предложил Президент!

Примеры другого рода связаны с влиянием средств массовой информации вообще и художественной интеллигенцией — в особенности на ход и исход последнего референдума. Как показали специальные исследования, исход этот в крупных городах и регионах страны в значительной мере коррелирует с распределением времени в центральных и местных средствах массовой информации между сторонниками Президента и Парламента. Если учесть, что, по официальным заявлениям руководителей телерадиокомпаний «Останкино», это распределение было осуществлено в пропорции 80% на 20% и, по некоторым оценкам, примерно 11% голосов из 58% Президент получил благодаря поддержке художественной интеллигенции (прежде всего представителей шоу-бизнеса), то ошибка большинства специалистов, прогнозировавших отрицательный ответ граждан на второй вопрос, не выглядит удивительной. Подчеркну еще раз: речь здесь идет не о правильности или

неправильности той или другой политической позиции, а о мотивах и методах ее определения, выбора. Если, например, знакомый студент-историк, в общем мыслящий и знающий уже, где лево, где право, кто такие консерваторы, либералы, социал-демократы и коммунисты и чего можно от них ожидать, заявляет, что на референдуме будет голосовать, как Кинчев, то совершенно очевидно, что преобладают здесь не рациональные мотивы, а конформизм, воспитанный прежней системой и успешно использованный новой. Разница лишь в том, что прежняя система навязала себя народу грубо и примитивно, новая же, наряду с действительным расширением границ свободы, сплошь и рядом ее имитирует, создает иллюзии свободы. Оказавшись в однонаправленном информационном потоке, люди, сами того не замечая, принимают навязанную им свыше точку зрения как свою собственную. Не случайно ряд объективных зарубежных наблюдателей отметили, что в России в период последнего референдума использовались «шоковые» методы пропаганды, которые в цивилизованных странах в подобных случаях не применяются.

Сказанное, разумеется, не исчерпывает основных факторов плебисцитарного бума, равно как и секрета успехов в манипулировании народом посредством самого народа, однако дает возможность сделать прогноз вероятности дальнейшего использования референдумов в случае развития событий по одному из следующих политических сценариев.

Сценарий первый — позиционная борьба: обе ветви власти продолжают выяснять отношения между собой, но ни одна из них не отваживается на решительную атаку: и Президент, и депутаты стремятся «досидеть» свой срок до конца. При этом сценария нового референдума в ближайшее время ожидать не следует, зато через год—полтора он достаточно вероятен. Предметом его скорее всего станет новая Конституция или блок конституционных вопросов, вызывающих несогласие между Парламентом и Президентом. Даже накануне истечения своих полномочий депутаты могут отказаться принимать Конституцию, разработанную президентской командой. И не потому, что в ней нет Съезда — тогда это уже особенного значения иметь не будет, а потому, что, по мнению достаточного числа парламентариев, к которому принадлежит и автор этих строк, во всех президентских проектах нарушаются:

- а) баланс форм собственности в пользу частной,
- б) баланс полномочий федеральных властей — в пользу, естественно, Президента,
- в) баланс субъектов федерации.

Однако к весне 1995 г., если не будут приняты новая Конституция или требуемые поправки к ней, лидеры исполнительной власти скорее всего попытаются воспрепятствовать новым выборам в прежние структуры. Тогда-то испытанное оружие плебисцита вновь будет расчехлено.

Сценарий второй — схватки. В случае реализации этого сценария инициатива подобного развития событий почти наверняка будет исходить от исполнительной власти либо в форме прямого роспуска Парламента и назначения досрочных выборов, либо в форме постоянных нарушений Конституции и законов, провоцирующих ответные действия.

В большинстве теоретически возможных вариантов борющимся сторонам для придания легитимности своим действиям потребуются новый плебисцит. Предположим, Президент распускает Съезд народных депутатов и назначает (если назначит) выборы в постоянно действующий Парламент с функциями, которые сам же Президент и будет определять. Конституционный суд, естественно, отменит это решение. Референдум останется единственным способом придать действиям Президента вид легитимности в глазах отечественной и международной общественности.

Предположим, за нарушения Конституции, установленные Конституционным судом, Съезд народных депутатов отрешит Президента от должности. Президент наверняка не подчинится этому решению, ссылаясь на результаты референдума 25 апреля. И тогда уже Парламенту придется назначать новый плебисцит.

Вариант третий — компромисс. Законодательная и исполнительная власти договариваются между собой о совместных действиях в сфере социально-экономической политики и о согласованном ведении конституционного процесса. В этом случае вновь обращаться к населению необходимости нет, если, конечно, не воскреснет идея «проштамповать» согласованный проект Конституции еще и всенародным голосованием.

Понимая, что политический прогноз скорее напоминает предсказания синоптика, нежели астронома, и не имея возможности дать подробную аргументацию, рискну высказать предположение: с позиций осени 1993 г. наименее вероятным представляется третий сценарий, наиболее вероятным — увы! — второй. При этом, однако, политическим группам, рассчитывающим в очередной раз прибегнуть к плебисциту как к средству утверждения собственного мнения, полезно иметь в виду два обстоятельства: во-первых, «маятник» общественных настроений близок к тому, чтобы качнуться если

не влево, то, как минимум, в сторону от политики вообще, во-вторых, даже тот небольшой прорыв единого информационного «фронта», который представляет собой радио «Парламент» и «Парламентский час» на телевидении, заметно осложняет внушение населению иллюзий о безальтернативности нынешнего экономического и политического курса.

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, с достаточной вероятностью можно ответить: Россию ждет новый референдум, и, возможно, не один. Однако уже следующая попытка политической элиты получить «отпущение грехов» может закончиться неудачей.

Усилиями революционеров из второго эшелона управления прежней системой Россия во второй раз в XX в. оказалась в ситуации двоевластия. Из этой ситуации история знает два наиболее вероятных выхода: досрочные выборы либо государственный переворот. Как специалист по политическим наукам, занимающийся теперь и практической политикой, уверен: одновременные или близкие по времени досрочные выборы законодательной и исполнительной власти, хотя они не гарантируют стабильности, несравненно лучше новых попыток переворота, новых ответных попыток импичмента и новых референдумов, результаты которых истолковываются теми, кому это выгодно, так, как им это выгодно, и реализуются тогда, когда им это выгодно. Чтобы иметь право утверждать: глас народа — глас Божий,— нынешние политические «пастыри» сами должны хоть немного верить в проповедуемую ими религию демократии, а не употреблять без конца имя Бога всуе, призывая спасать демократию с помощью «просвещенного» авторитаризма. Увы, в этом смысле остается лишь уповать на прекрасное далеко, ибо позиция правящей ныне в России политической элиты, несомненно, может быть выражена формулой: демократия — это когда «наши» у власти!..

Статья была подготовлена для журнала «Народный депутат» в августе 1993 г., однако публикация не состоялась в виду государственного переворота 21 сентября — 4 октября 1993 г.

Опубликована: Смолин О. Н. Три трагедии российской демократии. Систематизированный сборник. — М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999.— С. 128—133.

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РОССИИ: УГРОЗА ТОТАЛИТАРИЗМА ИЛИ ГАРАНТ ДЕМОКРАТИИ?

«Что делать со съездом, который не вписывается в правовую государственность?», «Наша законодательная власть дожила до самого элементарного политического климакса», «Не съездить ли по съезду?» — такими и подобными им фразами пестрит сегодняшняя «независимая» «демократическая» печать. Еще перед VII Съездом народных депутатов Российской Федерации (декабрь 1992 г.) С. Алексеев, бывший председатель Комитета Конституционного надзора (!) СССР и мэр Санкт-Петербурга, видный юрист-правовед (!) А. Собчак открыто предложили Президенту нарушить Конституцию и издать Указ о роспуске Парламента, а сам Президент 20 марта попытался реализовать эту рекомендацию, объявив, что указы и распоряжения Президента выше любых решений Съезда и Верховного Совета. При этом Б. Ельцин не раз заявлял, что позиция большинства депутатов — это «позиция дешевого популизма и откровенной демагогии, дезорганизации сложных преобразований и в конечном счете восстановления тоталитарной советской коммунистической системы».

Оставив на совести авторов вопрос о допустимости подобных призывов и действий в демократическом государстве, посмотрим, насколько обоснованы претензии к Парламенту? Действительно ли Съезд и Верховный Совет консервативны, действительно ли они представляют собой силу, способную вновь качнуть маятник исторического развития России до отказа «влево»?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует, на наш взгляд, обратиться к недолгой, но бурной истории российского Парламента и проанализировать нынешнее соотношение партийных и фракционных сил (что, как будет показано ниже, не всегда совпадает). Но прежде о самих понятиях «левые» и «правые» в современной России, так как у нас на самом деле если не все наоборот, то, по крайней мере, многое не так, как на Западе.

Приблизительно до 1989 г. оценка тех или иных политических ориентаций в России (тогда еще в Советском Союзе) совпадала с общепринятой в цивилизованном мире: социал-демократы, социалисты и коммунисты признавались левыми; противники социалистической идеи в любых ее формах — правыми. Иначе говоря, как и во всем мире, критерием деления на правых и левых служило отношение политических течений к идее социального равенства и, соответственно, ориентация на интересы общественных групп, выступающих в большей или меньшей степени либо его сторонниками, либо противниками.

Однако в 1989 г. эти общепринятые оценки общественных движений резко сменились на противоположные. В качестве ведущего, а зачастую единственного, ориентира на оси «право» — «лево» на словах было провозглашено отношение к демократии, а на деле — отношение к существовавшей тогда власти: левыми стали называть всех противников режима (и чем радикальнее, тем «левее»), правыми же — его сторонников.

Оставляя в стороне теоретические и социальные предпосылки такого сальто мортале, отметим лишь одно обстоятельство, в известной мере помогающее понять и ситуацию в Парламенте. Официальная пропаганда десятилетиями укрепляла в общественном сознании стереотип: лево — всегда хорошо, право — плохо. Теперь этот стереотип был использован против создавшего его режима. Вообще, ирония истории так называемой «второй русской революции» (точнее, реставрации) состоит в том, что «казарменно-коммунистические» идеи и представления сплошь и рядом используются для разрушения «казарменно-коммунистических» отношений. Последний пример — всеобщая ваучеризация, когда уравнительный раздел собственности будет иметь своим следствием скачкообразный рост социального и имущественного неравенства.

Испорченный политический компас облегчил новой элите (точнее, пополненному второму эшелону старой элиты) завоевание власти, но стал подводить при использовании властных полномочий. В результате началась «новая» переориентация, и ныне, весной 1993 г., все смешалось в отечественной политической пропаганде: на страницах одной и той же газеты, из уст представителей одной и той же партии или фракции Парламента те или иные политические движения называются то «левыми», то «правыми». Авторы данной статьи, как, уже надеемся, понял читатель, придерживаются общепринятого в политологии критерия деления политических течений на левые и правые.

Но вернемся к вопросу о Российском парламенте. Напомним, что идея двухступенчатого Парламента (Съезд — Верховный Совет) родилась в период перестройки и отражала объективную реальность переходного периода. В условиях рождавшегося многообразия социальных интересов и отсутствия классической многопартийной системы именно эта двухступенчатость позволяла (и позволяет, по нашему мнению, до сих пор), с одной стороны, учитывать доминирующие общественные настроения (за счет всего состава депутатского корпуса, работающего на местах), с другой стороны — законодательно обеспечить курс реформ (за счет работающего на профессиональной основе Верховного Совета).

Отражая вектор общественных настроений, Парламент России в первые два года своей деятельности шаг за шагом смещался вправо. В экономической сфере это проявилось в обосновании и законодательном закреплении курса на господство частной собственности, в политической — в передаче все новых и новых полномочий по управлению обществом от представительной власти к исполнительной под флагом разделения властей. В связи с этим уместно напомнить, что принцип разделения властей был сформулирован в период борьбы с абсолютной монархией. Считалось, что представительная власть — это власть, отражающая интересы различных слоев народа, в то время как исполнительная — власть, представляющая правящую элиту. Разделение властей родилось, следовательно, из стремления ограничить власть элиты, ввести ее в законные рамки. Сейчас в России об этом забывают, и не случайно.

Свою, и немалую, долю ответственности несет Парламент России и за развал Советского Союза. Напомним, что именно I Съезд народных депутатов принял «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР», провозгласившую верховенство Конституции и Законов РСФСР над законодательными актами Союза; что Российская Федерация раньше западных стран признала в сентябре 1991 г. независимость Прибалтики; что Верховный Совет республики под аплодисменты ратифицировал Беловежские соглашения.

Результаты этих шагов хорошо известны. Проводимая новой правящей элитой политика неизбежно вела и продолжает вести к неуправляемому спаду производства, массовой безработице, обнищанию народа, разрушению всего хозяйственного механизма и, как следствие, к широкомасштабным социальным и межнациональным конфликтам. Под угрозой оказались не только перспективы оздоровления и реформирования экономики, но и демократические институты, целостность Российской Федерации.

В этих условиях в массовом общественном сознании все активнее стала намечаться «переоценка ценностей». Конечно, коренного перелома не наступило, но движение «вправо» если и не прекратилось, то, во всяком случае, резко замедлилось. Это не могло не сказаться как на деятельности Парламента в целом, так и на позиции отдельных его фракций.

В настоящее время в российском Парламенте насчитывается 15 политических фракций. Как уже

отмечалось, фракции Российского парламента — совсем не то же самое, что фракции в парламентах развитых стран Запада (или развитых стран Востока).

Во-первых, они были созданы не перед выборами и не для них, а после выборов, задним числом, в большинстве случаев из бывших членов КПСС. В настоящее время большинство депутатов, входящих во фракции, беспартийны. Более или менее приближаются к однопартийности лишь фракции «Свободная Россия», которая объединяет членов Народной партии Свободной России, и «Коммунисты России». Довольно часто в рамках одной фракции сотрудничают депутаты, принадлежащие к партиям, отнюдь не находящимся в блоке, а иногда отмежевывающимся друг от друга. Например, в группе «Смена — Новая политика», по словам ее координатора О. Плотникова, состоят представители около десяти партий. Несмотря на провозглашение принципа, согласно которому каждый депутат может быть членом только одной политической фракции, некоторые сотрудничают в двух и более, а в начале деятельности Парламента находились даже такие, кто состоял одновременно в двух основных соперничающих фракциях: «Коммунисты России» и «Демократическая Россия».

Во-вторых, фракции весьма неустойчивы, постоянно происходят расколы, слияния и т. п. Ряд фракций, ярко заявив о себе на одном-двух Съездах, сходят с политической арены («Объединенная фракция республиканцев и социал-демократов», «Гражданское общество», «Беспартийные депутаты») и на их месте появляются новые депутатские объединения (в конце 1992 — начале 1993 г. зарегистрированы три новые фракции: «Родина», «Согласие ради прогресса» и «Свобода слова»). Численность фракций систематически меняется. Так, от фракции «Коммунисты России», которая первоначально насчитывала 355 депутатов, осталось на декабрь 1992 г. 68 депутатов. Среди покинувших эту фракцию и ныне, судя по официальным данным, числящихся в списке депутатов, не участвующих во фракциях, бывший Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, бывший секретарь ЦК КПСС Ю. А. Манаенков, другие бывшие партийные функционеры.

В-третьих, вследствие этих и других обстоятельств анализ результатов голосования членов различных фракций выявляет крайне низкие индексы групповой сплоченности. Исключение составляют, пожалуй, лишь «Демократическая Россия», «Радикальные демократы», отчасти «Коммунисты России», наиболее близкие к фракциям парламентских партий. Координаторы фракции «Демократическая Россия», подобно парламентским организаторам на Западе, регулярно анализируют результаты голосования своих членов и проводят с ними «разъяснительную» работу. Напротив, индексы групповой сплоченности в таких фракциях, как «Смена — Новая политика», «Россия», «Родина», сильно колеблются в зависимости от вопросов, по которым идет голосование.

Напомним, что в качестве альтернативных на голосование выносилось еще два проекта — от редакционной комиссии Съезда и от субъектов Федерации. При этом 72 депутата (из 934 принявших участие в голосовании), или 7,7%, проголосовали за все три проекта!

В-четвертых, большинство фракций до сих пор не имеют четких платформ. Программные установки многих фракций, особенно правого фланга политического спектра, были сформулированы еще в период борьбы с КПСС и отражали лишь самую общую ориентацию их деятельности. Многие депутатов объединяют не столько эти платформы, сколько симпатии к определенным политическим лидерам и сформировавшиеся уже личные связи.

Например, «Левый центр — Сотрудничество» — это фракция генерал-полковника Дмитрия Волкогонова. Поэтому многие военные депутаты, а также депутаты, оказавшиеся в комитетах соответствующего профиля, стали членами этой фракции, хотя по своим «кулуарным» позициям они гораздо левее либеральных устремлений своего лидера.

Приведем несколько сокращенных самохарактеристик фракций российского Парламента.

«Коммунисты России»

Группа создана 19 мая 1990 г. на I Съезде народных депутатов РСФСР, еще до организационного оформления Компартии Российской Федерации. В программном заявлении отмечается, что эта фракция социалистической ориентации, выражающая и отстаивающая конкретные жизненные интересы различных слоев населения России: наемных работников умственного и физического труда, коллективных и индивидуальных производителей, источником доходов которых являются личный труд и собственность, а также студентов, пенсионеров, других малоимущих граждан. Группа ставит целью сохранять и развивать достижения советской формы власти, соединяя ее преимущества с выгодами парламентаризма. Главной целью провозглашается

создание социального строя, основанного на преобладании коллективной и индивидуальной собственности, на идеалах свободы личности и демократии, способного обеспечить справедливость и благосостояние для большинства россиян.

«Аграрный союз»

Фракция была создана до открытия заседаний I Съезда народных депутатов РСФСР, зарегистрирована 17 мая 1990 г. как группа «Продовольствие и здоровье». По настоянию группы на I Съезде был решен вопрос о списании задолженности с колхозов и совхозов, созван II (внеочередной) Съезд, утвердивший программу возрождения российской деревни. На V Съезде группа перерегистрировалась во фракцию «Аграрный союз». Основными целями и задачами фракция считает законодательную защиту агропромышленного комплекса России, утверждение подлинного приоритета АПК, законодательное развитие решений II Съезда народных депутатов о возрождении российской деревни. Фракция выступает за многоукладность сельской экономики, равенство всех форм собственности, за право крестьянина самому выбирать форму собственности и хозяйствования.

Фракция «Россия»

Возникла осенью 1990 г. как альтернативная «Демократической России» и «Коммунистам России». Члены фракции выступили не с позиций России в границах РСФСР, а той России, которая складывалась на протяжении тысячи лет. Программные положения фракции:

1. Россия — суверенное государство, созданное многонациональным российским народом, обеспечивающее достойную жизнь каждому советскому гражданину, свободное развитие всех наций, их культур, традиций и обычаев.
2. Добровольный союз суверенных государств как единое экономическое, социальное и политическое сообщество.
3. Духовное и нравственное возрождение народа.
4. Рыночная экономика. Развитие всех типов и форм собственности, прежде всего народных предприятий.
5. Социальная защищенность и социальная справедливость.
6. Правовое государство. Самоуправление народа, верховенство закона, разделение властей, многопартийность.

«Смена — Новая политика»

Организационно оформилась еще до I Съезда народных депутатов как группа политиков нового поколения. Вначале поддерживала движение «Демократическая Россия», позже выделилась организационно, затем идейно. На VI и VII Съездах выступила с резкой критикой Правительства, требовала коррекции программы реформ и осуществления антикризисных мер. Своими целями декларирует:

1. Стабильное демократическое государство, основанное на разделении законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, разграничении полномочий между различными уровнями государственного управления и местного самоуправления.
2. Развитое гражданское общество.
3. Цивилизованный рынок.
4. Национально ориентированное и социально ответственное предпринимательство.
5. Приоритет прав личности над правами наций и государства.
6. Интегрирование республики в мировое сообщество.

«Свободная Россия»

Фракция возникла в апреле 1991 г. по инициативе А. Руцкого, первоначальное название — «Коммунисты за демократию». В своей деятельности руководствуется программными документами Народной партии «Свободная Россия». Фракция заявляет о поддержке радикальных реформ при

обеспечении социальной защиты населения, о политическом союзе с Президентом, оставляя одновременно за собой право конструктивной критики, коррекции решений и методов деятельности Президента и Правительства.

«Демократическая Россия»

Фракция зарегистрирована 23 мая 1990 г. и представляет собой одноименное движение. Своими программными установками определяет:

1. Становление и развитие гражданского общества, приоритет прав личности перед интересами групп (классов).

2. Всемирное развитие и приоритет частной собственности в условиях свободной конкуренции. Последовательная поддержка мер по приватизации, освобождению государства от функций монопольного производителя, распределителя и собственника.

3. Решительное противодействие попыткам реставрации тоталитарного военного коммунистического режима, росту влияния неонацистских, националистических и прокоммунистических сил.

4. Установление верховенства норм международного права над нормами внутреннего законодательства, за исключением Конституции и конституционных законов.

5. Поддержка тех шагов Президента и Правительства, которые направлены на реальные широкомасштабные экономические, социальные и политические реформы.

Представленные программные документы дают возможность утверждать, что спектр провозглашаемых фракциями Российского парламента экономических и политических позиций охватывает ориентации, характерные для более или менее левой социал-демократии, правой социал-демократии, социал-либерализма, леволлиберальные и ярко выраженные праволиберальные взгляды. Уже платформа ЦК КПСС к XXVII Съезду Коммунистической партии Советского Союза, а еще более проект новой Программы КПСС были выдержаны в социал-демократическом духе. Социал-демократическая же партия Российской Федерации тяготеет скорее к социал-либерализму. И далее все политические течения как бы сдвинуты на одну ступень вправо.

В этих условиях традиционное деление на левых и правых не исчезает, но на первый план выдвигаются другие критерии, по которым различаются основные парламентские блоки.

Анализ расстановки политических сил в Парламенте позволяет выделить три основные ориентации.

Во-первых, оппозиционный блок «Российское единство», объединяющий фракции «Отчизна», «Аграрный союз», «Россия», «Коммунисты России». Блок нельзя однозначно относить к «левым», в него входит широкий спектр политических объединений, от коммунистов до кадетов и христианских демократов.

Во-вторых, центристы, входящие в два блока: «Созидательные силы», объединяющий фракции «Смена — Новая политика», «Промышленный союз», «Рабочий союз — Реформы без шока» и «Демократический центр», в который вошли члены фракций «Левый центр — Сотрудничество», «Свободная Россия», «Суверенитет и равенство». Стратегические цели и практические действия этих двух блоков в настоящее время совпадают, хотя между ними и есть разногласия относительно глубины и формы предлагаемых изменений в осуществляемом Президентом и Правительством курсе реформ.

В-третьих, парламентская коалиция реформ, основу которой составляют «Радикальные демократы» и «Демократическая Россия». Хотя эта коалиция, образованная в апреле 1992 г. на основе индивидуального членства, на VII Съезде не прошла перерегистрацию и формально перестала существовать, фактически она продолжает свою деятельность.

Вне стен Парламента эти политические направления поддерживаются, соответственно, объединенной оппозицией, «Гражданским союзом», блоком «Демократический выбор». С известной долей условности эти направления можно различать по следующим основным позициям.

Первое и главное — отношение к государственным интересам России. Блок «Российское единство» объединяет по преимуществу радикальных государственников, патриотов, а также национал-патриотов. Блоки центристских сил — умеренных государственников. Депутаты, входящие ныне в коалицию реформ, при наличии союзного Центра занимали ярко выраженную антигосударственную («антиимперскую») позицию. В настоящее время большая часть из них продолжает отождествлять государственническую позицию с «имперской» и при этом по-прежнему

уповает на лозунг «Запад нам поможет». Меньшая часть пытается переосмыслить этот вопрос, что привело к созданию в Парламенте фракции «Согласие ради прогресса».

Катастрофические последствия разрушения Союза, ослабление хозяйственных связей между республиками в составе Российской Федерации, малый объем и неэффективность использования иностранной помощи, слепое следование Правительства рекомендациям МВФ привели к тому, что в обществе все яснее стала осознаваться необходимость опоры на собственные силы, интеграции республик СНГ. Это не могло не сказаться на депутатском корпусе, и позиции государственников, несомненно, укрепились.

Доказательством тому может служить, например, создание фракции «Родина», объединившей умеренно-правых государственников, которые прежде в большинстве своем входили в «Демократическую Россию». Еще более симптоматичны ностальгия по Союзу и стремление снять с себя ответственность за его разрушение, отчетливо прозвучавшие на VIII и IX Съездах в речах не только Р. Хасбулатова, но даже и Б. Ельцина.

Второй критерий — отношение к методам и темпам преобразований. Именно к методам и темпам, потому что основное направление реформ — к рынку — оспаривается относительно редко.

В условиях России либерализация цен, а именно с этого начали Президент и Правительство, неизбежно вылилась в легализацию спекуляции как нового распределительного механизма, что, в свою очередь, привело к разорению основной части населения. Широко рекламируемая «приватизация через ваучеризацию», будучи по видимости разделом собственности, в действительности представляет собой ее передел и вследствие заниженной цены ваучеров позволяет обладателям торгово-бюрократического капитала купить предприятия даже дешевле, чем это можно было бы сделать напрямую, с аукционов.

Естественно, что в этих условиях коалиция реформ, выступающая за «шоковую терапию», жесткую монетаристскую политику, ускоренную приватизацию с упором на классическую частную собственность, минимальную («адресную») социальную защиту, стала утрачивать влияние в депутатском корпусе, «Российское единство» по этому поводу не имеет однозначной позиции, но в большинстве случаев ратует за восстановление государственного заказа и государственного регулирования экономики в переходный период, за приватизацию с широкими правами трудовых коллективов и более постепенную, более высокий уровень социальной защиты для малообеспеченных, хотя бы и ценой инфляции. Блок центристских сил занимает промежуточную позицию, как правило, акцентируя интересы производителей.

Таким образом, суть разногласий в Парламенте состоит не в том, двигаться или нет дальше по пути реформ (как пытаются представить дело Президент и его команда), а в выборе между неолиберальной и социально ориентированной (социал-демократической) моделями рыночной экономики. Число сторонников последней действительно увеличилось, о чем свидетельствуют цифры опроса народных депутатов в период VII Съезда.

На вопросы анкеты ответило 317 депутатов, представляющих все парламентские фракции, что позволяет говорить о достаточной степени представительности полученных данных.

Третий критерий, по которому могут быть выявлены различия между основными парламентскими блоками, состоит в их отношении к демократии вообще, к конституционности и законности — в частности. И особенность нынешней ситуации состоит в том, что те, кого в России обычно называют демократами, действительно имели некоторые основания на это почетное наименование пока находились в оппозиции, когда страна переживала полосу демократического романтизма.

Символом романтических иллюзий этого периода, пожалуй, может служить требование народного депутата СССР Б. Ельцина образца 1989 г. ежегодно проводить референдумы о доверии политическому лидеру страны (тогда им был М. Горбачев).

В настоящее время, однако, ситуация поменялась коренным образом: именно из рядов «Демократического выбора» то и дело раздаются требования об установлении «просвещенного» авторитаризма, а депутаты, принадлежащие к коалиции реформ, регулярно голосуют за дополнительные полномочия Президенту, а при случае — за роспуск или приостановку деятельности Советов. Аргументация такой позиции имеет, конечно, чисто идеологический характер — Советы клеймятся, как «гнезда партократии». Символом нового этапа политической истории России, связанного с поворотом к авторитаризму, может служить заявление все того же Б. Ельцина, но теперь уже Президента Российской Федерации, о том, что снять его с должности может только Господь Бог, — заявление, свидетельствующее, что от прежнего имиджа демократического романтика не осталось более ничего.

Впрочем, дело в данном случае отнюдь не сводится к смене оппозиционной политической роли

на властную. Корень проблемы глубже. Как известно, именно правым либералам досталась в России роль революционеров, разрушающих прежнюю систему, так сказать, «до основания, а затем...». И как бы ни ругала нынешняя печать марксистов, жизнь в данном случае показывает их правоту: наиболее вероятным типом политического режима при смене общественных отношений является, конечно, авторитарный.

Надо иметь в виду — и в этом особенность российского политического спектра по сравнению с западным,— что сторонники жесткой власти, «железной руки» и т. п. как в стране, так и в Парламенте имеются у нас не только на краях политической палитры, но также и среди течений, более или менее близких к центру. Однако, во-первых, среди центристов их значительно меньше; во-вторых, оказавшись в оппозиции, бывшие приверженцы псевдокоммунистического авторитаризма активно используют те же антиавторитарные лозунги, которые некогда привели к власти «Демократическую Россию»; в-третьих, благодаря «своему» Президенту, формирующему «силовые» структуры исполнительной власти, именно бывшие демократы, как никто другой, располагают возможностями реализации своих новых авторитаристских тенденций и поэтому превратились в главную угрозу для демократии в России. Впрочем, подобными метаморфозами мировую политическую практику не удивишь. Достаточно напомнить, что прогрессивный либерал Клинтон, став Президентом, активно вмешивается в политическую ситуацию в России на стороне своего коллеги, тогда как ярко выраженный консерватор Киссинджер предупреждает Правительство США об опасности такого вмешательства.

Излишне говорить о том, что эта новая ситуация не только не фиксируется российскими средствами массовой информации, но в их кривом зеркале выворачивается наизнанку. Так, стоило Председателю Верховного Совета Р. Хасбулатову предложить альтернативную правительственную программу экономической реформы, предполагающую большую роль государства, как он тотчас был обвинен в том, что пытается вернуть Россию к временам тоталитаризма, и, естественно, в измене демократии. Вообще в России сначала «отлучили» от демократии коммунистов (среди которых есть, безусловно, разные группы), затем социалистов, социал-демократов, а в последнее время «отлучают» и умеренных либералов. Если бы движение «маятника» вправо продолжалось, от демократии, не исключено, были бы «отлучены» Б. Ельцин и Е. Гайдар, а «истинными демократами» предстали бы только сторонники восстановления династии Романовых.

Четвертая позиция, разъединяющая политические блоки, характеризует их отношение к социальным группам, составляющим новую экономическую и политическую элиту. Если блок созидательных сил вообще, а «Промышленный союз» в особенности, ориентируются на так называемый «директорский капитализм», на то, чтобы преимущественное положение среди новых собственников заняли бывшие руководители, прежде всего хозяйственные, то коалиция реформ, провозглашающая себя приверженцем либерального капитализма, на самом деле обеспечивает большую свободу нуворишам — новым предпринимательским структурам в значительной степени криминального характера. Впрочем, финал в обоих случаях будет одинаков — криминально-бюрократический капитализм. В одном варианте более бюрократический и менее криминальный, в другом — наоборот. Думаю, в этом аспекте борьба блоков будет ослабевать, а единство — нарастать. И закончится дело сращиванием теневого и бюрократического капиталов, как это происходило во многих странах третьего мира. Правда, правая часть «Российского единства» и блок созидательных сил отдают предпочтение национальному предпринимательству, а коалиция реформ сознательно или неосознанно работает в интересах компрадорского капитала. Поэтому с точки зрения экономического будущего страны победа линии «Промышленного союза» представляется меньшим злом.

Подведем некоторые итоги. Совершенно очевидно, что кочующие по страницам печати, волнам эфира и телеэкрана обвинения Съезда народных депутатов России в антиреформизме и коммунистическом тоталитаризме представляют собой политические агитки не слишком высокой пробы. Во-первых, среди народных депутатов в настоящее время почти не осталось ортодоксальных коммунистов. Преобладают же в Парламенте правые социал-демократы, либералы и псевдолибералы разных мастей. Во-вторых, до недавнего времени Съезд и Верховный Совет не только не мешали попыткам проведения экономических реформ по рецептам неоконсервативной чикагской школы, но, напротив, дали под эти реформы чрезвычайные полномочия Президенту. В-третьих, из истории хорошо известно, что угроза установления тоталитарного или авторитарного режима исходила, за крайне редким исключением, не от представительной, а от исполнительной власти. Представительная власть чаще всего и выступала как основа демократии. Несмотря на все реальные и мнимые недостатки нынешнего Съезда народных депутатов России, это утверждение относится и к нему. Действительные же пороки Парламента, позволившие политическим лидерам в

большинстве случаев успешно им манипулировать и сделавшие его соавтором политической трагедии страны, во многом связаны с его квазифракционной структурой, о которой подробно говорилось выше.

Совершенно очевидно, что в ближайшем будущем создание в российском Парламенте фракций по типу развитых стран Запада практически невозможно. Идея о том, чтобы разбиться, наконец, на коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов и неоконсерваторов, не раз высказывалась в парламентских кулуарах, в том числе и автором, однако не находила поддержки. Приверженность лидерам и личным связям оказывалась сильнее. Видимо, псевдофракционная структура российского Парламента будет сохраняться до самого конца, облегчая манипулирование им и ослабляя левый фланг политического спектра.

Но и после новых выборов, которые представляются необходимыми, вряд ли можно ожидать возникновения Парламента с небольшим числом партийных фракций. Наиболее вероятный вариант — Парламент польского типа с множеством микрофракций, не способный принять сколько-нибудь кардинальных решений. Множество мелких враждующих парламентских группировок позволяет исполнительной власти бесконтрольно проводить собственную линию и при этом, во-первых, сохранять легитимность, а во-вторых, списывать провалы экономической и социальной политики на мешающий ей Парламент, превращая его в «козла отпущения» и объект ненависти широких слоев народа. В случае необходимости это даст возможность ввести «по просьбам трудящихся» авторитарный режим.

Подготовлено совместно с доцентом А. Е. Комаровым. Опубликовано на английском языке в сборнике «Левое и рабочее движение в бывшем СССР». Материалы информационного агентства «Экономика и демократия». — М., 1993. — С. 11—29.

ПРИВЕТ, ДЕМОКРАТИЯ!

Теперь пришло время рассказать о том, как и почему на V Съезде депутатов России победила линия чрезвычайщины и демократия в республике была основательно урезана.

Вообще говоря, ничего неожиданного в этом нет. Специалистам хорошо известно, что революции, меняющие тип общественной системы, в абсолютном большинстве случаев, если не всегда, сопровождаются авторитарными режимами: от сравнительно мягких до чисто диктаторских. К тому же многие отечественные политики, борющиеся за власть под лозунгом демократии, получив ее, стали требовать «административного насилия», «железной руки», «демократической диктатуры» (все выражения принадлежат Гавриилу Попову). Теперь эти требования стали реальностью. Тем самым была подтверждена справедливость утверждения, что Россия живет вопреки Гегелю: здесь все неразумное — действительно, а все действительно — неразумно. Каждое новое правительство жалуется на недостаток власти, но как только получает ее в избытке, выясняется, что не хватало ему совсем другого. Думаю, читатель догадывается, чего именно.

Съезду были предложены от имени Президента два проекта постановлений, в которых за обычными с виду юридическими формулами скрывался по существу переворот во всей системе власти и в методах политического управления. Один из проектов предусматривал запрет на проведение выборов до 1 декабря 1992 г., за небольшим исключением, и вместо этого назначение Президентом всех руководителей исполнительной власти, вплоть до районного уровня. Учитывая уже упоминавшийся «синдром девичьей памяти», которым поражено наше общество, хочу напомнить: когда полтора года назад Борис Гидаспов, имеющий репутацию архиконсерватора, предложил Президенту Горбачеву назначить в края и области своих представителей, у тогда еще демократов это вызвало бурю возмущения, а Гидаспова объявили сторонником диктатуры. Теперь представители Президента — уже реальность. Идет назначение глав местной администрации, но об угрозе диктатуры почти никто не вспоминает. Видимо, опять «Юпитеру» позволено то, что не позволено «Быку».

Второй проект давал право Президенту издавать Указы, противоречащие российскому законодательству, и если Верховный Совет в 7-дневный срок не успеет приостановить или отменить эти Указы, они автоматически становятся Законами. В перерывах между сессиями Верховного Совета его функции в этом отношении возлагались на Президиум. Кроме того, любые законопроекты по вопросам экономики и управления российский Парламент имел право рассматривать только по представлению Президента или по согласованию с ним. Иначе говоря, вся система власти переворачивается с ног на голову: Президент становится главным законодателем, а

Верховный Совет превращается в своеобразный Конституционный суд, которому остается лишь решать, мириться или не мириться с незаконными Указами Президента. Что в этой ситуации остается на долю Конституционного Суда — ведомо одному Богу.

В нормальном парламенте такие законопроекты вызвали бы бурю. У нас же как бывшие коммунисты, так и бывшие демократы в большинстве своем спокойно «проглотили» попытку превратить Парламент в «фиговый листок» исполнительной власти. Говорю — большинство, но, по счастью, не все. Против проектов решительно выступила группа «Смена», объединяющая депутатов до 40 лет. Московская радикальная печать тут же объявила «Смену» наследниками «Коммунистов России», чем оказала последним незаслуженную честь: оказывается, чтобы защищать демократию, нужно быть коммунистом! На самом деле все, конечно, не так. Во-первых, группа «Смена» объединяет вовсе не коммунистов и даже не социалистов, а, выражаясь традиционным марксистским языком, буржуазных демократов, но демократов! Во-вторых, бывшая группа «Коммунисты России» состояла в большинстве из руководителей различных регионов и, даже оказавшись в оппозиции, далеко не всегда отстаивала демократию. Теперь же окончательно сформировался антидемократический блок из бывших коммунистов и бывших демократов. Это и определило исход Съезда.

Но вернемся к группе «Смена». Молодые романтики демократии и, может быть, последние ее защитники действовали квалифицированно и решительно. Они провели через редакционную комиссию проекты альтернативных постановлений, которые удерживали развитие страны в рамках нормальной демократической практики, не давая скатываться к чрезвычайщине. Выступление группы «Смена», которое произнес ее координатор Андрей Головин, отличалось яркостью и убедительностью. Представляю читателю судить об этом самостоятельно, приводя отрывки из этого выступления.

«Сегодня противостояние идет не по старым линиям «правые — левые», «радикалы — консерваторы», а по принципу «разрушитель — созидатель».

«По существу же можно сказать только следующее: отказаться от права законодательной инициативы на любой срок ни один демократически избранный в истории человечества парламент не имеет права, не покончив в тот же самый день политическим и моральным самоубийством. Лучше уж разойтись или быть разогнанным».

«Почему исполнительная власть считает, что в лице Верховного Совета она имеет врага или, по крайней мере, тормоз? Почему вместо нормального взаимодействия она предпочитает провоцировать депутатский корпус, пытаясь принимать решение за спиной представительной власти? Складывается впечатление, что кому-то опять необходимо создать в массовом сознании образ врага взамен скончавшегося Цент-ра и покойной КПСС, чтобы было на кого взвалить ответственность за собственное бездействие и непрофессионализм».

«Предложена ли нам сколько-нибудь конкретная программа, реализация которой требует чрезвычайных полномочий? Нет, нам предлагают санкционировать очередной эксперимент над Россией, авторы которого сами не очень хорошо представляют себе, что же они затеяли. Единственный смысл всего происходящего — в очередной раз возбудить общественное мнение и на его волне восстановить свою падающую популярность».

«Если действительно Президент хочет либерализовать цены, для этого дополнительные полномочия не нужны: существует статья 23 Закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», где сказано, что любое предприятие свободно устанавливает цены на свою продукцию, кроме тех, которые установлены перечнем Совета Министров. Так зачем же называть ликвидацию этого перечня ученым словом «либерализация?»

«Рынка в нашей стране нет не потому, что у Правительства не хватает полномочий, а потому, что их слишком много. Вся экономика сейчас под контролем Правительства. Чтобы создать рынок, следовало бы скорее отказаться от части своих полномочий по управлению экономикой: перестать диктовать предприятиям, банкам, местным организациям власти».

«Либерализация цен таит в себе угрозу резкого спада производства и разрушения производственного и научно-технического потенциала страны, разорение нерентабельных предприятий может привести в разряд «лишних людей» миллионы квалифицированных рабочих, инженеров специалистов. Необходимо ясно представлять себе угрозу утраты накопленного «человеческого капитала», восстановление которого потребует десятилетий».

«Мы призываем и всех депутатов обеспечить Правительству нормальные условия для решения стоящих перед ним задач. Правительство должно заниматься не политическими интригами, а экономическими реформами. Обеспечить ему поддержку — вот первейшая задача Президента и

Верховного Совета».

«Мы предлагаем создать систему цивилизованных отношений между исполнительной и законодательной властью. Если Президент хочет стать «новым Рузвельтом», надо помнить, что тот 100 первых дней не вылезал из конгресса, работал с ним над принятием неотложного пакета антикризисных мер. Надо перенять этот американский опыт выхода из их «великой депрессии», и сделать это поздно, чем никогда».

Обсуждение проектов шло по законам одновременно двух жанров: драмы и комедии. Достаточно сказать, что за один из президентских проектов проголосовали 618 депутатов, а за проект редакционной комиссии, отражающий совершенно иную, если не противоположную линию,— 576! Таким образом, как минимум полторы сотни депутатов голосовали за оба проекта сразу, демонстрируя тем самым либо полную некомпетентность, либо абсолютную бесхребетность. Честь Парламента и российской демократии пытались спасти одни лишь депутаты группы «Смена», раз за разом выходявшие к микрофону и предлагавшие поправки, направленные против чрезвычайщины. Однако Сергей Шахрай, который, перейдя в резидентскую структуру, окончательно забыл о своем демократическом прошлом, используя свой авторитет и квалификацию для того, чтобы эти поправки «похоронить». Когда неожиданно для всех Съезд принял поправку Председателя Совета республики депутата Рябова, резко ограничивающую диктаторские замашки исполнительной власти, именно Сергей Шахрай пригрозил Съезду снять президентский проект вообще. Испуганный своей победой депутат Рябов стал срочно перекраивать собственный текст. Надо сказать, основания для испуга были: на Съезде циркулировали упорные слухи о том, что команда Президента настроена на разгон Парламента, а все тот же Сергей Шахрай уже не раз призывал Верховный Совет не делать дальнейших самоубийственных шагов.

В итоге деятельности Согласительной комиссии Парламенту позволили сохранить хорошую мину при плохой игре — вернули право принимать законы не только по указке Президента, но и по собственной инициативе. Несколько ограничен и «беспредел» исполнительной власти в кадровых вопросах: теперь для назначения глав администраций требуется хотя бы формальное согласие органов местной власти и народных депутатов России от соответствующих округов. Иначе говоря, в результате «торжества демократии» мы вернулись к принципу: царь приказал, и бояре приговорили. Я голосовал за все поправки группы «Смена», хотя и понимал, что поделаться уже ничего невозможно: исход борьбы predetermined блоком старой и новой номенклатуры.

В итоге мы получили то, что лидер социал-демократов Олег Румянцев справедливо назвал своеобразным чрезвычайным положением. Более того, Закон о чрезвычайном положении не дает Президенту ни права подменять Президента России, ни права назначать всех начальников сверху донизу. Постановлением же Съезда такие права предоставлены. Все это тем более опасно, что президентская команда, как показала история с Чечней, склонна к силовым методам — сказывается наследие партийного и военного прошлого. Правда, нам говорят, что все это временно, что демократию мы «усыпляем» ненадолго, всего лишь на год. Потом реанимируем — и будет краше прежней! Но, во-первых, нет ничего более постоянного, чем временные чрезвычайные меры, а во-вторых, не зря Сергей Шахрай выступал против поправок «Смены» о прекращении деятельности постановлений 1.12.92 г. Значит, ЧП намерены продлевать.

Вспоминаю, как, вернувшись с союзного Съезда, где Президенту Горбачеву были предоставлены значительно меньшие полномочия, депутат А. В. Минжуренко, тогда еще мой коллега, говорил о том, что структуры для диктатуры уже созданы, дело только за диктатором. Сейчас уже нечего прибавить к этим словам. Так что в прошлом высокопоставленные руководители, а ныне подследственные по делу ГКЧП могут спать спокойно в своих камерах: в части зажима демократии их дело живет и побеждает. Оно в надежных руках.

Опубликовано: Омское время. Приложение к газете «Коммерческие вести».—1992.— № 0.

НЕ ТОСКУЙТЕ ПО ПИНОЧЕТУ!

Снова и снова на встречах с избирателями, в очереди, в автобусе и в застольной беседе слышу я одно и то же: «Когда же наконец кончится этот бедлам? Хватит липовой демократии, наелись! Остановить этот беспредел может только диктатура!» И так далее в том же духе. Налицо явный поворот массового сознания от демократических иллюзий периода очарования революцией к авторитарным иллюзиям этапа чуть ли не всеобщего разочарования в ней.

А разочароваться есть от чего. Почти все благородные, демократические и слегка

прекраснодушные лозунги, с которых начиналась наша революция, сменились на совсем иные, порой прямо противоположные: вместо повышения жизненного уровня — «шоковая терапия»; вместо социальной справедливости — демонстративная роскошь нуворишей и верхушки бюрократии на фоне бедности или нищеты большинства; вместо свободного труда — свободное предпринимательство, причем сплошь и рядом свободное от труда; вместо права работника быть хозяином своего предприятия — право денежного магната купить это предприятие вместе с работниками; вместо шумной заботы о пенсионерах, инвалидах и многодетных — объявление социальной защиты чуть ли не главным тормозом реформ; вместо возрождения культуры — ее невиданное «обмассовление»; вместо демократии — проповедь «просвещенного» авторитаризма.

К счастью власть имущих, народ в эпоху кризиса страдает «синдромом девичьей памяти». Ныне мало кто вспоминает, что популярность в народе лидерам межрегионалов и «Демократической России» принесла именно борьба за демократию, заслуживающая всяческого уважения. Увы, ныне бывшие демократы с той же страстью требуют новых и новых дополнительных полномочий Президенту (ДДР, «Демократическая Россия», Республиканская партия), «авторитарной» президентской республике (Сергей Шахрай), «административного насилия», «железной руки» (Гавриил Попов) и т. п.

В свое время межрегиональная депутатская группа требовала избрания руководителей государственных средств массовой информации на Съезде народных депутатов с тем, чтобы сделать их независимыми от любой номенклатуры, однако обязанными проводить в жизнь линию высшего органа государственной власти. Когда такое же предложение я внес на III Съезде народных депутатов России, против него дружно проголосовали Борис Ельцин, Сергей Шахрай, Руслан Хасбулатов и ... Иван Полозков!

Когда Михаил Горбачев получил от союзного Съезда право проводить в жизнь экономическую реформу посредством президентских Указов, пресса, претендуя быть демократической, трубила о наступлении реакции. Когда же гораздо большие полномочия были даны Борису Ельцину, реакционерами были объявлены все те, кто этому противился.

Если говорить прямо, то решения V Съезда народных депутатов России, предоставившего Президенту чрезвычайные полномочия, по существу означали введение в стране своеобразного чрезвычайного положения, некоего ЧП без ГКЧП. Тогда было заявлено, что это только на год, исключительно во имя стабилизации положения и сохранения демократии. С тех пор положение непрерывно дестабилизируется, а демократия свертывается. Однако теперь нам вновь говорят, что нужны дополнительные полномочия, а отмена ныне действующих представляет угрозу демократии.

Еще весной 1992 г., накануне VI Съезда российских депутатов, Сергей Шахрай сформулировал в «Аргументах и фактах» дилемму, с его точки зрения стоящую перед Россией: либо «авторитарная» президентская республика, либо фашизм. Дилемма эта примечательна в двух отношениях.

Во-первых, как видим, о демократии речь уже не идет. Она стала для нас «непозволительной роскошью». Но тогда спрашивается: за что боролись? Не лучше ли было в таком случае последовать рецептам А. Миграняна и законным путем сформировать авторитарный режим на уровне Советского Союза? По крайней мере, крови пролилось бы гораздо меньше.

Во-вторых, трудно поверить, чтобы такой квалифицированный человек, как С. Шахрай, не понимал: авторитарная президентская власть в наших условиях — это не спасение от диктатуры, а скорее всего путь к ней. Причем путь кратчайший при любом из двух возможных сценариев развития событий.

Сценарий первый — выборы. Можно допустить, хотя мне не кажется это особенно вероятным, что отчаявшийся в результате экономических экспериментов и разрушения государственности народ России проголосует на выборах за кандидата в Президенты, склонного к милому сердцу Гавриила Попова «административному насилию» (например, за В. Жириновского). В этом случае модель авторитарной президентской власти, вложенная в конституционный проект того же С. Шахрая, это как раз то, о чем только и может мечтать подобный лидер и что обеспечит ему установление крайне жесткого политического режима легитимным или полулегитимным путем.

Сценарий второй — переворот, опирающийся на военную или иную силу. Проправительственным средствам массовой информации угроза такого переворота видится то в так называемой «красно-коричневой» (на самом деле красно-белой) оппозиции, то в Руслане Хасбулатове. Слов нет, в рядах противников нынешнего Правительства наверняка есть люди, готовые в случае чего свергнуть его с помощью насильственных действий. Однако мало хотеть, надо мочь. Пожалуй, офицерское собрание как ни что другое показало полную неспособность нынешней армии к подобным действиям. Что же касается Р. Хасбулатова, то позволю себе напомнить, что он не является главнокомандующим, не

назначает министров внутренних дел, безопасности и т. п. Президент России был абсолютно прав, когда на пресс-конференции, посвященной годовщине путча, жестко заявил, что в России нет сил, способных осуществить государственный переворот. Абсолютно прав, за одним исключением. И это исключение... «команда» самого Президента.

К установлению открыто авторитарного режима Президента России подталкивают: очевидный крах политики «шоковой терапии»; угроза частичного разрушения российской государственности; рост социальной и национальной напряженности; неравномерное движение вправо различных ветвей власти (Парламент в этом смысле отстает от Правительства); наконец, авторитарные традиции, закрепленные в политической культуре общества и личной культуре его лидеров. В подтверждение последнего приведу лишь несколько примеров.

На Западе уход Правительства в отставку — обычное явление. В России же в преддверии Съезда средства массовой информации с ужасом вещают о намерении депутатов «свергнуть Правительство». Иначе говоря, голосование за отставку Правительства приравнивается к вооруженному восстанию, а депутаты — к матросам «Авроры». Невозможно представить себе, чтобы президент Соединенных Штатов, Франции или какой-нибудь другой цивилизованной страны грозил депутатам высшего органа государственной власти, заявляя, что он им чего-либо никогда не забудет или что «их надо разогнать». Точно так же невозможно представить себе, чтобы приближенный Президента, занимающий государственный пост, которого нет в Конституции, угрожал «стереть в порошок», предположим, Конгресс или Национальное собрание. В России же все это не только в порядке вещей, но и к тому же люди, делающие подобные заявления, посрамляя Тартюфа, больше всего беспокоятся за судьбы демократии.

Наконец, невозможно представить себе, чтобы в мало-мальски правовом государстве министр обороны вмешивался в политические отношения между Президентом и Парламентом, заявляя, что армия на стороне Президента, и прозрачно намекая на желание «укоротить» век законодательной власти и превратить очередную оттепель в «культпросвет» (т. е. просвет между двумя культурами).

Таким образом, и при политическом сценарии государственного переворота наиболее вероятно установление авторитарного режима именно «командой» Президента. И тем вероятнее, чем большими полномочиями его наделяет Конституция. Именно Президенту подчинены силовые структуры власти; моральные преграды для нелегитимных действий, судя по всему, давно пройдены; что же касается правовых запретов на разгон законодательной власти, то все тот же Сергей Шахрай предложил обойти их путем вынесения незаконного решения о роспуске Съезда и Верховного Совета на референдум. Есть, конечно, еще проблема: реакция официальных кругов и общественного мнения стран Запада. Однако общественное мнение уже пытаются формировать четыре самых «демократических» министра, а официальные круги, как показывает их отношение к государственному перевороту в Грузии, сквозь пальцы смотрят на «нарушение демократии во имя демократии». В конце концов всем известна характеристика Рузвельтом Сомосы-отца: конечно, сукин сын, но наш сукин сын.

Интересно отметить, что противоречия Парламента и Президента отнюдь не так велики, как их изображают. Это некий аналог различий в программах «Демократической России» и «Гражданского союза», стратегические цели которых почти целиком совпадают (рыночная капиталистическая экономика), различаются же средства и сроки их реализации, а также те социальные группы, которым отводится роль лидера реформ. В случае «Демократической России» это новые предпринимательские структуры («нувориши»), обладатели по преимуществу торгового компрадорского капитала; в случае же «Гражданского союза» это директорский корпус («технобюрократия»), обладатели капитала по преимуществу промышленного, национального.

Совпадение стратегических целей «команды» Президента и лидеров Парламента, равно как и покладистость Съезда народных депутатов, раз за разом дававшего Борису Ельцину все новые и новые полномочия, лишней раз доказывает, что российская законодательная власть в действительности не является помехой в проведении реформ по бурбулисовско-гайдаровскому сценарию и, следовательно, так называемое спасение реформ отнюдь не требует разгона Парламента. В большинстве своем не такие уж мы, депутаты, и хорошие, чтобы заслужить эту честь — пострадать за демократию. На самом деле стремление к такому разгону — это результат, с одной стороны, поисков очередного «козла отпущения», а с другой — обкомовского менталитета многих нынешних лидеров, привыкших стучать кулаком по столу и затыкать рты несогласным.

В таких условиях возможности выбора Парламента сводятся к старой альтернативе: «умереть стоя», снискав некоторую не вполне заслуженную репутацию защитника интересов народа, или «жить на коленях», все более превращаясь в простой придаток исполнительной власти, в механизм

узаконивания ее незаконных решений наподобие доперестроечного Верховного Совета. Вероятно, оптимальным вариантом были бы перевыборы и Президента, и Парламента, причем сначала Президента, ибо, оставив без присмотра отечественную исполнительную власть, страна получает хороший шанс очень долго ожидать следующих парламентских выборов либо получить скорые парламентские выборы в условиях чрезвычайного положения. Что выберет Парламент — предсказать не берусь, но скорее всего интересы самосохранения возобладают, следствием чего будет окончательное падение рейтинга законодательной власти, а вместе с нею и демократии вообще.

Пора, однако, вернуться к началу. Поворот массового сознания от демократических иллюзий к авторитарным несказанно облегчает исполнительной власти процедуру освобождения от власти законодательной. В условиях, когда «говорильня» и почти неизбежные в Парламенте политические склоки на фоне всеобщего развала надоели большинству населения хуже горькой редьки, авторитарный режим можно ввести, так сказать, по просьбам трудящихся, манипулируя общественным мнением на референдуме. Можно, например, поставить вопрос так: кому вы больше доверяете — Президенту или Парламенту? И хотя опросы общественного мнения показывают, что большинство людей не верят уже никому, не думаю, чтобы на референдуме это большинство догадалось выразить недоверие обеим ветвям власти, требуя тем самым перевыборов и Президента, и депутатов. Скорее всего торжество плебисцитарной демократии, как это уже не раз случалось в истории, будет означать конец демократии представительной, по крайней мере, на определенное время.

Введение в России режима личной власти облегчается еще и тем, что широкие слои населения почти не различают диктатуру левого и правого толка. Между тем, несмотря на сходство методов, различия между ними кардинальны. Если левый диктатор опирается на государственную собственность, подавляет предпринимательство вообще, «теневую» экономику и спекуляцию — в частности, вводит более или менее уравнильное распределение, то правый — наоборот: опирается на частных собственников, поощряет любое предпринимательство (в том числе «теневую» экономику и спекуляцию), а неограниченное социальное неравенство объявляет нормой, естественным и главным условием прогресса. Примером наиболее жесткой левой диктатуры может служить режим Сталина, сравнительно мягкой — режим Андропова. Классический для XX в. пример правой диктатуры — режим Гитлера, более мягкий, хотя тоже кровавый ее вариант — режим Франко или Пиночета.

Когда «маятник» так называемой второй русской революции начинал двигаться вправо, ее лидеры прежде всего, естественно, развенчали сталинскую и вообще «коммунистическую» диктатуру. Однако когда этот «маятник» прошел центр и продолжал свое стремительное движение, те же лидеры стали прямо или косвенно восхвалять южнокорейских, чилийских и тому подобных диктаторов правого толка. На II Съезде народных депутатов России, впервые услышав мимоходом брошенное Борисом Ельциным (тогда еще Председателем Верховного Совета) благожелательное замечание о Пиночете, я не придавал этому большого значения. На фоне восхваления тогдашним премьером российского Правительства и членом КПСС Иваном Силаевым политики Столыпина и провозглашения им (Силаевым) «святости» частной собственности удивить нас было невозможно уже ничем. Однако когда прокливаемый чилийскими демократами Аугусто Пиночет, неожиданно для себя, стал чуть ли не героем для демократов российских, стало ясно, что мы имеем дело не с казусом, а с явлением.

Итак, налицо две встречные тенденции: стремление «верхов» узаконить в более или менее приличных нормах диктатуру торгово-бюрократического капитала и тоска «низов» по «твердой руке», которая бы их от этого капитала защитила. Однако если первые знают, чего хотят, то вторые частью дезориентированы: они постоянно слышат, да к тому же и видят, что сталинская модель привела страну в конце концов к кризису, а вот Пиночет Чили из кризиса вывел. Правда им «забывают» напомнить, что, во-первых, при этом погибли тысячи людей; что, во-вторых, в первые годы правления Пиночета страна была доведена почти до полной нищеты; что, в-третьих, в настоящее время Чили преуспевает по меркам Латинской Америки, но отнюдь не по европейским или североамериканским, и, наконец, что, в-четвертых, модель «шоковой терапии», более или менее пригодная в маленькой Чили, совершенно неуместна в России, подобно тому как лекарство для кошки совсем не обязательно помогает слону.

*Некоторые социальные и экономические показатели Чили
Информация к размышлению*

Валовой внутренний продукт (ВВП): 1970 г.— 100%; 1985 г.— 126%; 1990 г.— 170%. В расчете на душу населения ВВП в 1985 г. был ниже, чем в 1970 г.

Доля населения за чертой бедности: 1970 г.— 17%; 1987 г.— 38%; 1990 г.— 35%.

Уровень безработицы: 1973 г.— 4,8%; 1982 г.— 20%; 1989 г.— 7,2%.

Уверен: поразительно устойчивая в сравнении с катастрофическими результатами деятельности популярность Президента Ельцина (если только можно верить опросам) в большей мере связана с тем, что многие «простые» люди все еще видят в нем борца за справедливость, некое улучшенное подобие Андропова, тогда как по своей исторической роли он скорее Пиночет. Скажу больше: знаю людей, которые и самого Пиночета истолковывают наподобие Андропова, всерьез надеясь, что он (Пиночет), в отличие от Сталина, будет подлинным «отцом народа», а нуворишей прижмет к ногтю.

Нет, дорогие соотечественники, оставшиеся товарищи и новоиспеченные господа (дай Бог, если не господа нищие)! Поверьте противнику любой диктатуры и специалисту, невеселые прогнозы которого до сих пор, к несчастью, сбывались: все будет как раз наоборот. Демократия, даже в ее нынешнем оскопленном варианте, несравненно лучше крепкой и «здоровой» диктатуры торгово-бюрократического капитала. Отечественный же Пиночет может быть лишь новым изданием Сталина наизнанку. А тем праволиберальным демократам, которые помогут ему прийти к власти, придется, как в Чили, стать в оппозицию, если у них осталось хоть что-нибудь от демократических ценностей.

Не тоскуйте по Пиночету: он прольет кровь, окончательно разрушит экономику и превратит страну в задворки цивилизации. Выбираться же на ее столбовую дорогу придется потом несколько десятилетий, а сколько-нибудь приличную жизнь увидят — нет, не дети ваши, а в лучшем случае — внуки. Не тоскуйте по Пиночету: его тень и без того маячит над Россией. Если же ваши желания помогут ей обрести плоть и кровь и в конце концов вы увидите подлинное лицо того, на кого возлагалось столько надежд, то содрогнетесь от ужаса. Но будет уже слишком поздно...

* * *

Статья была уже написана, когда пришло известие о том, что новым Президентом Соединенных Штатов стал Билл Клинтон. По этому поводу в кругах российской политической элиты, ориентированных на Парламент, 4 и 5 ноября царил душевный подъем. В кулуарах Верховного Совета циркулировала, в частности, следующая информация: незадолго до выборов представители «Демократической России» встречались с людьми Буша и те будто бы обещали, что, став Президентом, он в случае разгона Парламента «закроет глаза» либо лишь для порядка пожурит своего российского коллегу; люди же Клинтона, напротив, будто бы заявляли о твердой поддержке демократии в России и давали понять, что новый Президент решительно осудит любые неправомерные действия исполнительной власти. Выслушав все это в очередной раз от высокопоставленного российского депутата, который прямо сказал, что теперь разгон Парламента невозможен, я предложил ему такой способ проверки кулуарной информации: если в ближайшее время антипарламентская кампания пойдет на убыль, значит, все это правда.

С тех пор призывы к разгону Съезда и Верховного Совета заметно ослабли, так что, вполне возможно, судьба российской демократии решилась за океаном!

Опубликовано с сокращениями: Правда.—1992.— 28 ноября.— № 177.— С. 2.

ТРИ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Прежде всего, читатель, позвольте поздравить вас с «полной и окончательной победой демократии» в России: Парламент расстрелян; большинство Советов распущено; Конституционный суд по существу ликвидирован; ряд общественно-политических движений и газет запрещены; радио и телевидение играют «в одни ворота»; создан новый бюрократический монстр под названием «Выбор России», объединяющий министров, глав администраций и прочее высокое и не очень высокое начальство. Давно обещанное светлое пиночетовское будущее наступило. Но чтобы извлечь уроки и оценить перспективы, необходимо еще раз вернуться к трагедии 21 сентября — 4 октября, к трагедии российской демократии...

В августе—сентябре экономическая и политическая ситуация в России заметно обострилась. На смену примитивным агиткам времен референдума о том, что экономическая стабилизация уже наступила, что страна начинает выбираться из ямы и т. п., пришли холодные статистические данные.

Международный валютный фонд оценил уровень падения производства в России в 1993 г. в 13%, российское Министерство экономики — в 16, Министерство финансов — в 17,5%. Таким образом, за три года (1991—1993) экономика России будет обрушена не менее чем наполовину. Подчеркну: я ссылаюсь не на данные оппозиции, а на оценки Правительства либо независимых экспертов, которым нет необходимости сгущать краски. По мнению таких специалистов, собранных в одной из передач радио «Свобода», средний жизненный уровень в России с начала «шоковой терапии» до настоящего времени упал приблизительно в 3 раза, и даже знаменитому российскому терпению, кажется, приходил конец. Целый ряд профсоюзных организаций назначил на октябрь массовые коллективные действия в защиту социальных прав трудящихся.

Со своей стороны Борис Ельцин объявил август временем «артиллерийской подготовки» и назначил на сентябрь «решающую схватку». Полтора месяца часть страны иронически напевала: «Артиллеристы, Ельцин дал приказ», а другая часть этот приказ выполняла. Каюсь: я не поверил угрозам совершить переворот в сентябре, еще раз — и уже в последний — оценив Бориса Ельцина не так плохо, как он того заслуживает.

Однако 21 сентября последовал Указ № 1400. Той же ночью Конституционный суд вынес решение о нарушении этим Указом полутора десятков статей Конституции и оценил эти нарушения как заслуживающие отрешения Президента от должности. На следующую ночь Съезд народных депутатов России, десятый, чрезвычайный и последний, отрешил Президента Ельцина от должности и назначил исполняющим обязанности Президента Александра Руцкого. Спустя два дня Съезд принял постановление о проведении одновременных досрочных выборов народных депутатов и Президента Российской Федерации не позднее марта 1994 г.

Забегая вперед, хочу сказать, что не только Съезд, но и Конституционный суд жестоко поплатился за свою верность закону и демократии. После расстрела Парламента Председателю Конституционного суда Валерию Зорькину стали звонить от Сергея Филатова, руководителя администрации Президента. Раз за разом требовали отставки. Зорькин отказывался. Тогда запугали двух конституционных судей: Руткина и Олейника, — которые присоединились к Витруку, Аметистову, Кононову, и прежде защищавшим не Конституцию от Президента, а Президента от Конституции. Руткин и Олейник также стали требовать от Зорькина подать в отставку, чтобы спасти Конституционный суд. Зорькин отказывался и объяснял, что с Конституционным Судом поступят так же, как с Генеральным прокурором Степанковым: сначала используют, а затем все равно уберут, и, кстати, оказался прав. В конце концов Валерия Зорькина довели до тяжелейшего гипертонического криза, но и тогда давления не прекратили. В то время, когда врач пытался оказать Зорькину помощь, снова позвонили от Филатова. Вопрос был тот же: «Будет ли Зорькин подавать в отставку?» Врач просил подождать хотя бы 3 часа, ссылаясь на тяжелое состояние пациента, ему ответили, что подавать в отставку можно в любом состоянии. В конце концов Зорькин написал заявление об отставке. Конституционный суд собрали для того, чтобы отменить решение по Указу № 1400, но сделать этого не смогли. И тогда деятельность Конституционного суда «приостановили», выразив пожелание его полностью ликвидировать, заменив Конституционной палатой в составе Верховного Суда. Думаю, читатель помнит, что Конституционный суд был избран пожизненно.

И после всего этого блок «Выбор России» выдвигает своими лозунгами свободу, собственность и законность!.. Имей эти господа хоть какие-то жалкие остатки морали, они должны были написать: «Расстрелянная свобода! Краденая собственность! Беззаконие!»

Но вернемся к событиям в Москве, где трагедия неминуемо двигалась к кровавой развязке. На мой взгляд, события эти четко подразделяются на три этапа.

Первый этап — 21—27 сентября — можно было бы назвать этапом малого насилия, или иначе «мягкого кнута и большого пряника». В этот период организаторы переворота действовали в основном как политические сантехники. В здании Парламента отключались вода, свет, канализация и конечно телефоны. Уже на этом этапе Дом Советов был оцеплен милицией, так что сказки о том, будто оцепление связано с появлением в Парламенте вооруженных боевиков, власти могут рассказывать только абсолютным несведущим людям, которые воспринимают мир исключительно с экрана брагинско-носовецкого телевидения. А телевидение это давно уже превратилось, по словам Высоцкого, в «ящик для идиота».

Правда, и в этот период были отдельные столкновения, а тактика властей по отношению к защитникам Парламента выглядела более чем двуличной: официальные заявления — «никакого штурма» плюс угрозы по неофициальным каналам. Первого штурма в Парламенте ожидали с воскресенья 26 на понедельник 27 сентября.

Что касается «пряника», то его обещали как народным депутатам, так и работникам аппарата.

Еще накануне первого же голосования на Съезде был распространен текст президентского Указа, по которому нам предлагали годовую зарплату с большими «накрутками» (по разным оценкам, от двух до трех миллионов рублей), московские квартиры в частную собственность, высокооплачиваемые и непыльные должности в структуре исполнительной власти. Могу сказать прямо: никогда, ни до, ни после, я не испытывал и, конечно, уже не испытаю такой нежной заботы родного правительства, как в тот период. В московскую служебную квартиру, в которой я за эту первую неделю провел несколько часов, звонили из Министерства образования, из Министерства труда, оставляли телефоны моему помощнику. Не знаю, что собирались обещать, но внимание было трогательным.

За прошедшие три года мне не раз приходилось критиковать депутатский корпус России за недалекость, за послушание и другие грехи. Но справедливости ради надо сказать: своим поведением в критический момент большинство депутатов эти грехи искупили. На 2 октября «купленными» оказались 96 человек, в подавляющем большинстве своем — бывшие демократы. Поэтому, когда институтский коллега и бывший секретарь райкома партии заявил мне, что в «Белом доме» депутаты защищали не демократию, а привилегии, я всерьез подумал о том, что в обществе произошел какой-то сдвиг по фазе морали: ведь больших привилегий, чем те, что обещал господин Ельцин, придумать было просто невозможно.

Особо хочу сказать о работниках аппарата Верховного Совета, большинство которых составляют женщины. Им под двери тоже подкладывали текст президентского Указа с обещаниями больших выплат, с правом уйти в отпуск с полным сохранением заработной платы, однако каждое утро они проходили сквозь цепи ОМОНа, иногда перелезали через заборы, сидели в холодном и темном «Белом доме», мыли посуду холодной водой и одному Богу известно, как умудрялись поддерживать жизнь в осажденном Парламенте. Честь вам и хвала, русские женщины! Когда-нибудь при другом парламенте и другом президенте, но не ранее как через несколько лет, история рассудит, кто на самом деле совершал преступление, а кто пытался им помешать.

Что касается моей личной судьбы, то весь первый этап я провел в стенах Парламента. Однако во вторник, 28 сентября (кстати, в день 70-летия моего отца, фронтовика-коммуниста, а затем директора школы, известного в прошлом своей непокорностью высокому наробразовскому начальству), я покинул «Белый дом» для того, чтобы участвовать во Всероссийском совещании представителей стачечных комитетов, которое проводилось Федерацией независимых профсоюзов России. Думаю, читатель понимает, к чему я как председатель Совета Партии Труда призывал профсоюзных лидеров на совещании: бороться за экономические интересы наемных работников, а там, где люди «созрели», — и за демократию. Выступление было встречено с сочувствием, некоторые предложения вошли в итоговый документ, однако вернуться обратно в Парламент было невозможно.

Начался второй акт драмы — этап массового, по преимуществу невооруженного насилия. Он охватывает период с 28 сентября по 2 октября. 28 сентября Парламент был окружен колючей проволокой, бронетранспортерами, грузовиками с солдатами внутренних войск. Цепи ОМОНа стали плотными, а тактика его — сверхжесткой. С этого времени часть народных депутатов, которые не могли вернуться в «Белый дом», в том числе и я, работали в Краснопресненском райсовете, примерно в 20 минутах ходьбы от здания Парламента.

Сверхжесткая блокада Парламента имела своим следствием резкую эскалацию напряженности и насилия, причем, как минимум, по двум причинам. Во-первых, если прежде оцепление Дома Советов было настроено более или менее благодушно, смотрело сквозь пальцы на проходящих людей, иногда пропускало массовые колонны демонстрантов к зданию Парламента, то теперь оцеплению была предписана, повторю, так называемая сверхжесткая тактика. Суть ее проста: не подпускать к себе никого, разгонять всех, кто приближается к цепям.

Об этой тактике я знаю отнюдь не с чужих слов. 29 сентября группа депутатов Московского Совета, которые, в отличие от нас, признавались депутатами и по ельцинскому Указу № 1400, решила пройти в «Белый дом» для того, чтобы лучше понять сложившуюся там ситуацию и, возможно, выступить посредниками между Парламентом и московской мэрией, на которую Виктор Черномырдин валил все грехи за блокаду. Излишне говорить, что депутаты шли не с камнями, не с железными прутьями, а с удостоверениями, значками и мегафоном. В мегафон они сообщали омоновцам, что по президентскому Указу сохраняют свои полномочия, а значит — депутатскую неприкосновенность и право входить на любой объект на территории Москвы. Несколько депутатов России, в том числе и я, естественно, к колонне пристроились. Однако оказалось, что уничтожить демократию наполовину нельзя. Как только Ельцин частично отменил Конституцию и законы, принятые Верховным Советом, ОМОН точно так же отменил те законы, которые оставил в силе Ельцин. Вооруженные парни из оцепления «Белого дома» не только не реагировали на депутатские права моссоветовской колонны,

но, напротив, предъявили собственные права в виде резиновых дубинок. То и дело разъяренные опричники нового царя выскакивали из шеренги и били людей дубинкой по чему попало и как попало. Говорят, по инструкции бить по голове дубинками запрещено, но если президенту закон не писан, о выполнении каких инструкций может идти речь! В числе прочих преимущества новой демократии на собственном затылке ощутил и я, впрочем, отделался легче многих других. Например, депутат из Татарстана Владимир Морокин, который бросился защищать Раузу Низметдинову — председателя Комитета по делам семьи, материнства и детства — от разъяренного омоновца, получил гораздо больше и с переломанными ребрами лежал в больнице.

Вторым драматическим последствием жестокого оцепления «Белого дома» стала невозможность управлять из него митинговыми страстями. Прежде защитники Парламента неизменно придерживались тактики ненасильственного сопротивления перевороту. Именно эту тактику все время внушал Руслану Хасбулатову известный политолог, режиссер «Театра на досках» Сергей Кургинян. Он призывал митинговать, петь песни, зажигать костры, ходить с флагами и иконами, но ни в коем случае не отвечать насилием на насилие. И в первый период, повторю, это, безусловно, удавалось. Сам я много раз слышал призывы с балкона «Белого дома» не поддаваться на провокации, гнать с митинга пьяных, если такие появляются и т. п.

Ситуация резко изменилась, когда митинговые страсти выплеснулись на улицы Москвы. Сначала люди пытались митинговать поблизости от оцепления «Белого дома», у станций метро «Баррикадная» или «Улица 1905 года». Однако ОМОН быстро разгонял эти летучие митинги, применяя все ту же сверхжесткую тактику. Тогда Моссоветом была разрешена серия митингов на площадях Москвы.

2 октября один из таких митингов проходил на Смоленской площади. Когда ОМОН начал теснить собравшихся демонстрантов, те сначала кричали, что они здесь на законном основании, а затем взялись за булыжники и железные прутья. ОМОН открыл огонь, был убит человек — инвалид без ноги. После этого митингующие построили баррикады и отбили несколько атак ОМОНа. Судя по радиоперехватам, атакующие были в полной растерянности. Применить оружие они больше не решились, а разогнать толпу другими средствами не смогли. В 9 часов вечера на площадь пришел депутат Илья Константинов и увел митингующих от баррикад.

В этот же день к нам в Краснопресненский райсовет звонили участники митинга и говорили о том, что движение идет на спад. Людей избивают, применяется тактика индивидуального террора, когда омоновцам показывают, кого именно надо бить (именно так был избит Виктор Алкснис). Говорили нам и о том, что в следующий выходной день ожидать массового движения не приходится, что нужны иные политические решения. Я рассказываю все это для того, чтобы было понятно: по крайней мере, в Краснопресненском райсовете того, что произошло третьего, а потом четвертого октября, никто не ожидал. Официальная версия, будто защитники «Белого дома» затягивали переговоры, ожидая насилия на улицах, представляет собой грубую ложь.

День 3 октября я провел в Краснопресненском райсовете, на периферии главных событий — так решили руководители координационного совета депутатов в изгнании. Поэтому, не пересказывая фактов, большинство из которых уже известно, изложу версию, которая пришла мне в голову через 2 часа после начала кровопролития. Эта версия получает все больше доказательств и уже высказывалась в таких изданиях, как «Независимая газета» и «Московские новости», которые даже ныне правящая номенклатура не решается объявить «красно-коричневыми». Суть версии проста: законное по большому счету руководство страны в лице Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова, приняв решение о штурме мэрии и «Останкино», совершило трагическую ошибку и попало в расставленную ему ловушку, по существу ускорив разгром Парламента. В пользу этой версии говорят следующие факты.

1. Участники митингов на Смоленской и Октябрьской площадях, в том числе мой товарищ по исполкому Партии Труда профессор Московского университета Александр Бузгалин, человек с международным именем, организатор многих конференций ученых левой ориентации, сообщают о том, что омоновцы в этот день как бы раздраживали толпу. Против демонстрантов применялись немного газа, немного дубинок, резиновые пули, стрельба, по преимуществу поверх голов. Когда же толпа в ответ начинала двигаться на омоновские оцепления, они, как правило, не оказывали большого сопротивления, передислоцируясь на заранее известные места и обеспечивая возможность движения митингующих лишь в определенном направлении — к Дому Советов. Кстати, ОМОНа в этот день и на Октябрьской, и на Смоленской площадях, и у Дома Советов было меньше, чем обычно, а главный организатор убийств Виктор Ерин в интервью радио России подтвердил, что ОМОН был не столько прорван, сколько передислоцирован.

2. Когда защитников «Белого дома» обвиняют в том, что они первыми применили насилие, это опять-таки ложь. Огонь по толпе демонстрантов открыл ОМОН около «Белого дома». Два человека были убиты немедленно, многие ранены, и когда толпа приблизилась к зданию Парламента, из мэрии продолжали по ней стрелять. И даже у здания «Останкино», по сообщению радио «Свобода», огонь первыми открыли охранявшие его части. Одна из первых пуль попала в ногу гранатометчику, в ответ на первый этаж здания полетела граната. И тогда открылась беспорядочная стрельба со всех сторон, от которой погибли, главным образом, не вооруженные люди, а демонстранты, пришедшие к «Останкино» требовать прямого эфира для Александра Руцкого.

3. Указ Бориса Ельцина о чрезвычайном положении в Москве вводился в действие с 16 часов 3 октября. Если учесть, что митингующие подошли к зданию Парламента не ранее чем без пятнадцати или без десяти четыре, легко понять, что Указ этот был подготовлен заранее и лишь ждал своей очереди.

4. Утром и днем 4 октября московские радиостанции передавали противоречивые сообщения. С одной стороны, они призывали москвичей сдавать кровь, медикаменты и бинты для помощи раненым, с другой — официальные чиновники от здравоохранения объявляли, что ничего этого делать не надо, что всего припасено в достатке. Спрашивается: когда и для чего?

5. По сообщению все того же радио «Свобода», Сергей Филатов, уезжая с переговоров из Свято-Данилова монастыря в 12 часов дня 3 октября, продолжать переговоры явно не собирался. Следовательно, команда Ельцина делала именно то, в чем сейчас обвиняет своих противников. Затягивала переговоры, ожидая повода, чтобы применить насилие, и провоцируя этот повод. Напомню, что многие советники президента, включая Анатолия Ракитова, руководителя одного из исследовательских центров при нем, давным-давно уже заявили о том, что другого выхода, кроме штурма Дома Советов, нет. Приняв решение о штурме мэрии и «Останкино», А. Руцкой и Р. Хасбулатов против своей воли помогли Ельцину оправдать кровь в глазах российского и мирового общественного мнения.

Финал трагедии известен и неизвестен. Мы до сих пор не знаем, сколько вооруженных и невооруженных людей погибли в здании Парламента, сколько их вывезли через подземные тоннели и станции метро и тайно захоронили. Попытки узнать что-то о судьбе этих людей не имели никакого результата. Хоронят и награждают лишь тех, кто расстреливал. Малая гражданская война в столице тенью прошла по регионам, коллективам и семьям. Главная проблема сейчас, чтобы она не превратилась в большую гражданскую войну. Кстати, в последнем обращении расстрелянного Съезда народных депутатов России, написанном Сергеем Бабуриным, нет призыва к мести, в нем есть призыв сохранить в стране гражданский мир, несмотря на преступление власти. Всю правду о событиях в Москве мы узнаем очень не скоро, если вообще узнаем. Сейчас можно подвести лишь некоторые предварительные итоги, которые я и хочу обозначить как три трагедии российской демократии.

Первая — трагедия самоуничтожения. Российский Парламент, как любили говорить прежде, породил своего собственного могильщика. Именно Съезд народных депутатов России избрал Б. Ельцина Председателем Верховного Совета, он много раз давал ему чрезвычайные полномочия, принял поправки к Конституции, выводящие Президента и Правительство из-под контроля Верховного Совета, без конца прощал такие заявления и указы, за которые в любой цивилизованной стране президент не только лишился бы должности, но и пошел под суд. С другой стороны, Б. Ельцин расстрелял Верховный Совет, в котором изначально большинство составляли его сторонники.

Вторая трагедия — трагедия защитников. Я говорю сейчас не о гибели сотен людей, в большинстве безоружных, которые пришли защищать Закон. Перед их памятью слова кажутся лишними, можно лишь склонить голову. Я говорю о том, что в решающий момент сил, готовых защищать демократию, оказалось в России удивительно мало. Ни для кого не секрет, что демократию в России удушили именно бывшие демократы, а среди защитников «Белого дома» отнюдь не все действительно хотели демократической перспективы.

Рамки статьи не позволяют мне подробно проанализировать ошибки Парламента, да и время сейчас не то, но об одном надо сказать особо. А именно о том, что на экранах телевизоров среди защитников «Белого дома» мелькали люди со стилизованной свастикой на рукаве — члены «Русского национального единства», попросту баркашовцы. Когда эти ребята появились в Краснопресненском райсовете, мы с друзь-ями настояли, чтобы они оттуда были удалены: лучше не иметь защитников вовсе или иметь их меньше, чем оказаться под охраной людей, у которых на рукаве свастика. К сожалению, то же самое не было сделано руководством Верховного Совета. Считаю это принципиальной и грубой ошибкой. Кстати, именно баркашовцы увели из здания Парламента Сергея

Кургиняна, постоянно внушавшего Руслану Хасбулатову тактику ненасильственного сопротивления перевороту. В решающий момент у руководства Верховного Совета толковых советников не оказалось.

Теперь всех без разбора сторонников парламентской демократии именуют «красно-коричневыми», как будто не замечая, что самая националистическая организация — васильевская «Память» — уже скоро год как поддерживает Бориса Ельцина.

Третья трагедия — трагедия перспективы, причем как экономической, так и политической. Победа сторонников «шоковой терапии», «команды» Гайдара приведет к тому, что страна получит еще один шок. Уже отпущены цены на хлеб, принято решение о резком повышении квартирной платы, а также об отказе от индексации пенсий пропорционально росту цен и замене ее равными для всех минимальными компенсациями. На очереди урезание индексации заработной платы в бюджетных сферах, возможно, отказ от выплаты пенсий работающим, вероятно, массовое банкротство предприятий. По некоторым данным, в Омске уже имеется список на кандидатов в банкроты.

В политической области ближайшие перспективы также не сулят ничего хорошего. Ни о каких свободных выборах речи быть не может. «Положение о выборах» меняется чуть ли не каждую неделю, в будущем Парламенте, как некогда в брежневском Верховном Совете, большинство будут составлять назначенные президентом начальники, которым разрешено совмещать свою должность с парламентскими обязанностями. На всякий случай функции этого Парламента еще предельно ограничены. Смысл же нового проекта Конституции может быть коротко выражен фразой: «И это все о нем (президенте) и немного обо всех остальных!»

И тем не менее у оппозиции нет выбора: на выборы без выбора надо идти. Даже усеченный, полупридушенный Парламент лучше, чем полное отсутствие Парламента. Весьма вероятно, что этот Парламент хотя бы отчасти повторит историю прежнего Верховного Совета: начнет петь Борису Ельцину за здоровье, а закончит — за упокой. Никому, в том числе и парламентариям, не нравится, когда их держат, как говорил один популярный герой, «за болвана в старом польском преферансе».

Бойкотировать выборы бессмысленно. Об этом позаботились авторы «Положения». Выборы будут признаны действительными, если на них явятся всего 25 процентов избирателей, чего, разумеется, в цивилизованных странах не делают. Впрочем, мы уже привыкли догонять цивилизацию задом наперед.

Впереди, судя по всему, годы реакции. И тем не менее надо приниматься за работу. Пусть глаза боются, а руки делают.

Опубликовано: Омское время.— 1993.— № 41.— С. 1.

СЕНАТ РЕСПУБЛИКИ ИЛИ ИМПЕРАТОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ?

О расстановке сил и перспективах российского Совета Федерации

Предлагаемый анализ основывается на опыте первого заседания верхней палаты Федерального Собрания России и потому неизбежно имеет предварительный характер. Дальнейшая работа Совета Федерации, несомненно, потребует корректировки сделанных здесь выводов.

Верхнюю палату российского Парламента нередко рассматривают как некий аналог американского Сената, а депутатов соответственно именуют сенаторами. И действительно, главная функция той и другой палаты состоит в том, чтобы представлять в высшем органе законодательной власти интересы регионов независимо от численности населения, а в России еще и интересы национально-государственных образований. Однако на этом аналогия заканчивается, и начинаются оригинальные российские изобретения, которые вряд ли можно отнести к завоеваниям демократии.

Во-первых, согласно статьям 95 и 96 новой Конституции, Совет Федерации не избирается, а формируется. В него должны войти по одному представителю от законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации. Хотя Конституция напрямую этого не утверждает, предполагается, что членами Совета Федерации станут председатели областных и республиканских законодательных собраний, а также главы администраций и президенты республик в составе России. Совмещение в одном лице должностей губернаторов и сенаторов — это первая новация современной российской политической системы, насколько можно судить, не имеющая аналогов в мире. Последнее вполне естественно, ибо российский вариант грубо нарушает систему разделения властей, о которой так много шумела российская политическая публицистика.

Для характеристики последствий подобного совмещения может быть использован следующий

образ: в любом государстве представители исполнительной власти — это, так сказать, «волки» по должности; законодателям же отводится функция «егерей», расставляющих «флажки», за которые «волкам» выходить не положено (как известно, принцип публичного права, в отличие от частного — разрешено только то, что разрешено). В таком случае, превращать губернаторов в сенаторов — все равно что назначать волков егерями.

Во-вторых, в соответствии с пунктом 9 заключительных и переходных положений Конституции депутаты Совета Федерации первого созыва осуществляют свои полномочия на непостоянной основе. Сенатор по совместительству — нечто вроде хирурга-любителя — еще одна российская новация, вряд ли способствующая продуктивной работе Парламента. Особенно нетерпимым подобный статус становится в отношении Председателя палаты, его заместителей, руководителей комитетов и т. п. Не случайно уже на первом заседании Совета Федерации мучительно решался вопрос о том, как обойти данные нормы только что принятой Конституции.

В-третьих, отсюда следует, что Совет Федерации задумывался разработчиками Конституции отнюдь не как аналог американского Сената, а как нечто среднее между Императорским Государственным Советом дореволюционной России и Верховным Советом советской эпохи. От первого он унаследовал принцип назначения части членов (главы администраций), от второго — процедуру «законотворчества», сводящуюся к одобрению кадровых назначений и юридических актов собравшимися на короткое время «представителями народа».

Однако по сравнению с Верховным Советом эпохи Сталина или Брежнева Совет Федерации выполняет и новые функции. Например, функцию одного из трех фильтров на пути утверждения законопроекта. Напомню, что, согласно статье 104 новой российской Конституции, законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства. При этом обязанность Правительства давать такое заключение не оговаривается. Во-вторых, Совет Федерации может отклонить законопроект, принятый Думой, и тогда это вето преодолевается двумя третями голосов. Наконец, право вето на принятый обеими палатами законопроект принадлежит Президенту и преодолеть его можно лишь двумя третями голосов каждой из палат.

Несмотря на всю ущемленность и двусмысленность положения верхней палаты российского Парламента, опыт ее первого заседания позволяет утверждать, что расчеты разработчиков Конституции оправдались не вполне. Совет Федерации, по-видимому, будет заметно лояльнее режиму, нежели Государственная Дума, но скорее всего не станет слепым проводником политики исполнительной власти.

Лояльность Совета Федерации предопределена его социально-профессиональным составом. По данным мандатной комиссии, 11 депутатов представляют структуры президентской власти, 7 — федеральное Правительство, 71 — территориальные и местные органы исполнительной власти. Итого 89 из 171 избранного к настоящему времени депутата Совета Федерации.

Правда, далеко не все представители исполнительной власти связаны формальной политической принадлежностью. К «Выбору России» среди членов Совета Федерации принадлежит 6, к другим политическим течениям правой половины спектра — 4. Однако вполне естественно, что должностные лица, либо непосредственно назначенные Президентом как главы областных администраций, либо подчиненные ему через вертикаль исполнительной власти, при открытом голосовании по абсолютному большинству вопросов будут поддерживать того, кто их назначил. Проведение президентской линии через Совет Федерации облегчается и тем, что главы администраций изначально связаны должностным статусом и личными знакомствами. Им предлагается жить в специальной гостинице, отдельно от других депутатов встречаться с премьер-министром, другими руководителями Правительства, в том числе в неофициальной обстановке.

Тем не менее «президентская машина голосования», в качестве которой задуман Совет Федерации, уже в первые дни работы несколько раз дала сбой. Так, явный фаворит, «человек Президента» Владимир Шумейко не прошел на должность Председателя Совета при первом выдвижении и, более того, во втором туре получил 81 голос против 79 у представителя оппозиции Петра Романова. Победу Шумейко при втором выдвижении обеспечили голоса все тех же глав администраций, с которыми была проведена соответствующая работа, а также, по-видимому, голоса представителей национальных республик, после того как выяснилось, что Петр Романов был одним из основателей Русского национального собора. Хотя сам Романов какого-либо национализма на заседаниях не проявил, репутация этой организации явно пошла ему во вред.

Второй сбой едва не произошел при утверждении председателя Комитета по обороне и безопасности. Всего трех голосов не хватило для занятия этой должности генералу Петру Ширшову, который не просто поддержал решение Конституционного Суда по Указу Президента Бориса Ельцина № 1400 о роспуске российского Съезда народных депутатов, но 4 октября 1993 г., когда танковые пушки стреляли по зданию Парламента, снял с себя генеральскую форму. Если кворум в зале в этот момент не был близок к предельно допустимому, Ширшов, несомненно, возглавил бы важнейший комитет Совета Федерации.

Не располагая достаточным для анализа статистическим материалом, по общему тону можно утверждать, что в Совете Федерации радикальные настроения как правого, так и левого толка представлены крайне слабо. Официально о своей принадлежности к левым политическим течениям заявили 14 депутатов, в том числе к Коммунистической партии Российской Федерации — 11, к Союзу коммунистов Карелии — 1, к Аграрной партии — 1, к Партии Труда — 1. Большинство депутатов стремятся продемонстрировать окологцентристские позиции и, в частности, дистанцироваться от радикальных рыночников гайдаровского толка. Преобладающая позиция может быть определена как правогцентристская.

Очень отчетливо обнаружилась в верхней палате российского Парламента и другая нарастающая в России тенденция — тенденция если не национализма, то государственнических настроений. Большинство выступающих, включая недавних сторонников разрушения Советского Союза, апеллируют к национальным российским чувствам, ратуют за великую Россию, призывают «собирать камни», которые они же совсем недавно разбрасывали, выступают за тесную интеграцию с республиками бывшего Союза. Если к тому же учесть, что значительная часть представителей новой номенклатуры принадлежала к номенклатуре и в прежние времена и часто недовольна вторжением нуворишей в экономику и политическую жизнь, можно предположить, что общей латентной целью деятельности Совета Федерации будет некая модель государственного капитализма национального толка.

Последующая работа верхней палаты российского Парламента должна подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Написано в соавторстве с А. Е. Комаровым. Опубликовано: Позиция.— 1994.— № 5 (под заголовком «Совет Федерации: будет ли он карманным»).

ИМПИЧМЕНТ БЕЗ ОТРЕШЕНИЯ: ПОПЫТКА ЧЕТВЁРТАЯ — И ПОСЛЕДНЯЯ

К итогам работы Государственной Думы второго созыва

1. «Полуправный» Парламент: стереотипы и действительность

Драматические события 12—19 мая 1999 г. и в особенности их кульминация — голосование по вопросу об отрешении от должности Президента Б. Н. Ельцина 15 мая — знаменовали не просто окончание предыдущего и начало очередного этапа постновейшей политической истории России (если сохранить за советским периодом наименование новейшей истории), но и фактическое подведение политических итогов работы Государственной Думы второго созыва. И даже если Думе суждено «дожить» до установленного Конституцией окончания срока депутатских полномочий, ее историческое время прошло. При этом то, что должно было стать звездным часом Парламента, обернулось днем его поражения, а для части депутатов — годами позора!

Восторженный шум (чуть не сказал: радостный лай), которым встретили итоги думского голосования контролируемые Правительством и «олигархами» средства массовой информации, исключал, разумеется, возможность сколько-нибудь серьезного анализа, а нередко вступал в противоречие со всеми системами логики, известными человечеству. Так, Станислав Кучер — известный ведущий программы «Обозреватель» — посылал в адрес депутатов, так сказать, «из двух стволов» проклятия, суть которых можно свести к риторическим вопросам: 1) Как посмели поднять руку на Президента? и 2) Почему продались? Очевидная любому старшему школьнику мысль о том, что если ты развенчиваешь тех, кто «продались», надо, по крайней мере, с уважением относиться к тем, кто «поднял руку» и, наоборот, если ты критикуешь «поднявших руку», следует восхвалять «продавшихся» — эта мысль «обозревателю» в голову так и не пришла. И это не удивительно: Уголовный кодекс не предусматривает статьи за насилие над логикой!

Подобные замечания вовсе не означают попытки оправдания Государственной Думы, а тем более — самооправдания. Задача этой статьи совершенно иная, а именно: попытаться понять характер исторической драмы, пережитой нижней палатой российского Парламента и, более того, в какой-то степени исторической драмы российского парламентаризма в период после принятия Конституции 1993 г. Это, в свою очередь, предполагает отказ от ряда стереотипов, постоянно внедряемых в массовое сознание на протяжении всего срока работы Государственной Думы второго созыва.

Стереотип первый — о «коммунистической Думе» или в более культурном варианте — о «левом думском большинстве». Интересно, что известный вклад в создание этого стереотипа внесли сами левые депутаты, переоценившие успех коммунистов и их союзников на выборах 1995 г., а равным образом, и историческое значение избрания члена КПРФ Геннадия Селезнева председателем нижней палаты Парламента. Вербальным знаком легкой эйфории, царившей в левых кругах в начале 1996 г., может служить популярный тогда анекдот.

Вопрос: Какой товар стал в России самым дефицитным?

Ответ: Лопаты. Бывшие коммунисты выстраиваются за ними в очередь, чтобы откапывать партбилеты, зарытые на огородах!

Разумеется, анекдот «канул в Лету» вместе с эйфорией, зато стереотип был подхвачен и использован проправительственной пропагандой, организаторы которой быстро сообразили, что провалы «политики реформ» можно будет теперь списывать не только на «проклятое коммунистическое прошлое», но и на думское «коммунистическое большинство».

Между тем после регистрации фракций и групп расклад политических сил в Государственной Думе второго созыва в начале 1996 г. выглядел следующим образом:

Достаточно математических знаний среднего ученика 2-го класса, чтобы убедиться: фракция КПРФ вместе с союзными ей Аграрной группой и группой «Народо-властие» имели в начале срока полномочий второй Государственной Думы 210 голосов. С учетом того, что, во-первых, для принятия федерального закона и даже любого Постановления Государственной Думы требуется 226 голосов, что, во-вторых, важнейшие думские решения, включая поправки к Конституции, федеральные конституционные законы, выдвижение обвинений против Президента Российской Федерации, принимаются большинством в 300 голосов, что, в-третьих, союзники коммунистов не связаны партийной дисциплиной, а потому не все и не всегда голосовали солидарно, искусственный характер стереотипа о «коммунистической Думе» должен был быть с самого начала очевиден любому добросовестному аналитику.

В действительности же, поскольку вторая по численности фракция в Государственной Думе (НДР) изначально была проправительственной, а значительная часть «независимых» (внефракционных) депутатов принадлежала к партиям и движениям праволиберальной ориентации, левые в Государственной Думе не могли принять ни одного решения без поддержки либо ЛДПР, либо «Яблока», либо группы «Российские регионы». Что же касается решений, требующих конституционного большинства в 2/3, то они могли приниматься лишь при поддержке левых со стороны, по крайней мере, двух отнюдь не союзных им фракций или групп. Не имея в Думе большинства, необходимого для принятия решений, левые вместе с тем обладали меньшинством, достаточным для того, чтобы ни одно серьезное решение не могло быть принято без их прямого или косвенного согласия, так сказать, блокирующим пакетом голосов. Впрочем, об этом речь впереди.

Возможно, формирование стереотипа о «левом думском большинстве» в пропрезидентских средствах массовой информации в какой-то степени стало результатом верности традиции, а также самоотравления пропагандой: к левому большинству по инерции и из идеологических соображений продолжали относить Жириновского («детище КПСС и КГБ»), тогда как на самом деле ЛДПР от позиции беспринципного качающегося Центра в начале срока полномочий Государственной Думы к концу этого срока нередко занимала нишу правее НДР. Эта позиция, с одной стороны, сделала ее рупором пропрезидентского окружения (что у «Семьи» на уме, то у Жириновского на языке), а с другой — предопределила формирование по целому ряду вопросов жирино-эндээровских или жирино-яблочных коалиций, которые еще 3 года назад казались невозможными и противоестественными. Основой формирования таких коалиций периодически выступают то прочерномырдинские, то антикоммунистические настроения.

Стоит заметить, что и к концу срока полномочий Государственной Думы второго созыва ее фракционно-групповой состав принципиально не изменился, о чем свидетельствуют следующие данные:

Стереотип второй — об ответственности Государственной Думы за срыв процесса «реформ», а тем самым — за дальнейшее ухудшение положения большинства народа. Широкий резонанс вызвало, в частности, «озвучивание» этого стереотипа Президентом во время выступления перед депутатами Федерального Собрания с ежегодным президентским посланием «Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» 30 марта 1999 г. В отличие от первого, второй стереотип имеет сложную структуру и включает в себя, по крайней мере, три составляющих, которые можно сформулировать следующим образом:

в России происходят реформы;

эти реформы призваны и способны улучшить жизнь большинства населения России;

Государственная Дума в состоянии изменить ход и исход реформ.

Каждый из этих постулатов, безусловно, заслуживает того, чтобы стать предметом специальной работы, хотя все они представляются мне либо сомнительными, либо откровенно ложными.

Для начала замечу, что тезис о российских реформах, равно как и реформаторах, представляется мне весьма удивительным на фоне заявлений этих самых реформаторов о том, что коммунистическая система по самой своей природе была нерепформируема. Как можно реформировать то, что реформированию не поддается, знают, очевидно, только «ночь глубокая» да теоретики, умудрившиеся соединить в одну концепцию два столь несовместимых положения.

На самом деле совершенно очевидно, что в первой половине 90-х гг. в России произошла очередная революция со всеми неизбежными ее признаками, включая, по крайней мере, пять революционных катастроф: экономическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. После победы Бориса Ельцина на выборах 1996 г. (действительной или мнимой — это вопрос другой) наступило время реформ. Но это реформы не вместо, а вместе с революцией, не взамен ее, а в ее завершение, не избавляющие систему от разрушения, но довершающие разрушение системы, не реконструктивные, но деструктивные и т. п.

Когда в уже упоминавшемся Послании Федеральному Собранию Президент России говорил, что Россия застряла где-то посередине между капитализмом и социализмом, он был одновременно прав и неправ. Прав — поскольку в стране от советских времен действительно сохранились остатки системы социальных гарантий: низкий пенсионный возраст, сравнительно низкие цены за аренду жилья и коммунальные услуги, преобладание бесплатного и «малоплатного» образования, «пережитки» бесплатной медицины и т. п. Неправ — поскольку ликвидация этих «родимых пятен» социализма под лозунгом завершения «радикальных реформ» приведет страну не к современному «социализированному» капитализму, какой мы наблюдаем в большинстве развитых стран, но к полной и окончательной победе «бандитского капитализма», по выражению Бориса Немцова и Анатолия Чубайса, которые, будучи одними из главных вдохновителей такого капитализма, в последнее время ведут против него шумную словесную борьбу.

Отсюда совершенно очевидно, что «реформы» социальной сферы по-российски не только не способны улучшить жизнь большинства населения, но никогда для этого и не предназначались. В этом смысле Е. М. Примаков совершенно справедливо именовал их «реформами без населения». Напротив, правая печать потому и именуется подобные меры «непопулярными», а их противников клеймит как «популистов», что суть новейших «социальных реформ» заключена в непрерывном «обрезании» социальных гарантий под непрерывно тающие, словно «шагреновая кожа», бюджеты. Правда, в отличие от бальзаковской, бюджетная «шагреновая кожа» сокращается под действием не одного, а сразу двух факторов: экономического кризиса и «предпринимательской» деятельности «новых русских» из числа бывших государственных чиновников совместно с государственными чиновниками из числа «новых русских».

Интересно, что факт подобного «предпринимательства» не оспаривается не только левыми, но и правыми, однако странным образом никак не увязывается с характером «социальных реформ». То Григорий Явлинский вдруг заявляет (цитирую по памяти): во всем мире банки собирают деньги у населения и вкладывают их в производство, а в России они забирают деньги из бюджета и отправляют их за рубеж; то профессор Стенфордского университета Михаил Берштам вещает по «Свободе» о необходимости приватизации остатков российской промышленности при одновременной национализации государственных финансов, в настоящее время приватизированных «олигархами»; то, наконец, уже упоминавшиеся основоположники «бандитского капитализма» требуют заменить его капитализмом «народным», понимая под этим равный доступ всех компаний к дележу «бюджетного пирога» (по-видимому, «народ» в России в их понимании состоит исключительно из владельцев компаний!). Разумеется, при столь своеобразном понимании можно утверждать, что «российские социальные реформы» направлены на улучшение жизни «народа», поскольку они никак не

ограничивают свободу бизнесменов от бюджета. При любой же другой, менее экзотической, трактовке понятия «народ» направленность социальных реформ против этого самого народа вряд ли может быть опровергнута самой изощренной логической эквилибристикой. В самом деле, как можно оценить следующие предложения «молодых (и не очень молодых) реформаторов»:

о повышении пенсионного возраста — при невиданном в мирное время снижении средней продолжительности жизни, особенно у мужчин;

о том, чтобы работающие пенсионеры не имели права одновременно получать заработную плату и пенсию — в ситуации, когда сумма их обеих сплошь и рядом оказывается ниже прожиточного минимума;

о всеобщем введении платного или, по крайней мере, частично платного образования, а равно и медицины — при условии, что 3/4 населения принадлежат, по меркам индустриально-развитых стран, к различным группам «низшего класса»;

о перенесении основной тяжести налогового бремени с предприятий на граждан — когда эти самые граждане в значительном своем большинстве месяцами не получают заработную плату, а долги по ней исчисляются рекордными астрономическими цифрами и т. д. и т. п.

С любой точки зрения, кроме чисто идеологической или «радикально-экономической», срыв планов подобного «реформирования» должен быть поставлен в заслугу, но никак не в вину Государственной Думе. Впрочем, нельзя забывать, что, с одной стороны, названные выше «реформы» были сорваны лишь отчасти, а с другой — в российской исторической ситуации 90-х годов с помощью массированной обработки общественного сознания немалое число граждан сумели убедить в том, что им выворачивают карманы для их же собственного блага!

Наконец, по поводу способности Государственной Думы определяющим образом повлиять на ход и исход российских реформ необходимо заметить следующее.

Нижняя палата российского Парламента по своему конституционному статусу действительно способна помочь либо помешать законодательному — подчеркиваю: законодательному — «запуску» тех или иных нововведений и, более того, почти непрерывно этим занималась. Вспомнив еще раз многочисленные президентские либо правительственные проекты, отметим, что именно благодаря позиции Парламента пенсионный возраст в России все еще один из самых низких в мире, работающие пенсионеры получают полную пенсию, образование и даже медицина по закону в основном бесплатны, а из всех законопроектов Правительства Кириенко, призванных переложить тяжесть налогов с юридических лиц на граждан, принят только один — налог с продаж, да и тот вводится по усмотрению субъектов Российской Федерации.

Однако драма российского парламентаризма во многом тем и определяется, что основная палата Парламента представляет собой орган скорее законосоветательный, чем законодательный, не полно-правный, а бесправный или, как иногда говорят, «полуправный». Она подобна человеку, который пытается бороться со своим противником, имея связанные руки. Сами наименования «дума» и «думцы» ассоциируются с образом людей, которым позволено сколько угодно думать, но не действовать, вызывают в памяти строки из Некрасовского «Рыцаря на час»:

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

В справедливости этих утверждений легко убедится каждый, кто внимательно прочтет российскую Конституцию и задумается над проблемой исполнения федеральных законов. При этом становится очевидным, что новый российский Парламент хотя, в отличие от Верховного Совета, и не является репрессированным, зато, как минимум, пятикратно «поражен в правах».

Во-первых, депутаты Государственной Думы, да и сама нижняя палата Парламента, по крайней мере, дважды ограничены в праве законодательной инициативы. С одной стороны, согласно статье 104 Конституции РФ, «законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации». До принятия федерального конституционного Закона о Правительстве сроки представления Правительством заключений на проекты федеральных законов нигде не оговаривались, и таких заключений нередко приходилось ждать многими месяцами. К тому же нередко документы, направленные из Правительства в Парламент, именовались не заключениями Правительства РФ, а замечаниями Правительства РФ на такой-то законопроект, что давало представителю Президента право утверждать на пленарных заседаниях, что Закон принимается в нарушение 104-й статьи Конституции!

С другой стороны, проект федерального бюджета на очередной год, в котором выражена квинтэссенция экономической политики, не может быть внесен в Государственную Думу никем, кроме Правительства, и, следовательно, парламентским комитетам волей-неволей приходится искать варианты частичного исправления, а то и просто ретуширования праволиберального экономического курса вместо того, чтобы принципиально поменять этот курс.

Во-вторых, за редким исключением Государственная Дума не в состоянии добиться того, чтобы законопроект стал законом без согласия Президента. Президент же в большинстве случаев отклоняет законы, направленные на расширение социальных прав граждан. Так, новая редакция статьи 7 Закона «О ветеранах», предусматривающая право стать ветераном труда для мужчин, имеющих трудовой стаж 40 лет и женщин — 35 лет, четырежды принималась Государственной Думой второго созыва, но ни разу не была подписана Президентом. За три срока депутатских полномочий автора из 9 законов в области образования, доходивших до Президента, с первого раза подписан лишь один! В свое время получали президентское вето обе редакции Закона РФ «Об образовании», Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», Федеральный закон «О выплате пенсии за выслугу лет работникам образования, занятым педагогической деятельностью в школах и других учреждениях образования для детей», Федеральный закон «О социальной защите инвалидов», Федеральный закон «О государственной поддержке начального профессионального образования» и т. д. и т. п. Сколько раз за тот же период отклонялись законы, предусматривающие повышение минимальной заработной платы или минимального размера пенсий, просто не счесть.

Нередко высокий процент отклоненных Президентом законов выдается за показатель низкого качества их юридической проработки. Слов нет, в каких-то случаях и это, наверное, имеет место. Однако гораздо чаще за юридической казуистикой президентских писем об отклонении законов скрывается простое, как три рубля, желание не допустить увеличения или даже поддержания на прежнем уровне бюджетных расходов на социальную сферу. Примером тому может служить полуанекдотический случай о том, как дважды отклонялся Президентом Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». После первого вето мы сочли, что на конфликт идти не стоит и текст с президентской стороны можно согласовать. Приняв практически все замечания представителя Президента в Государственной Думе, мы приняли закон повторно и спокойно ожидали его подписания, когда неожиданно на согласованный текст последовало... повторное вето! Думаю, в американской или французской прессе при такой ситуации был бы крупный скандал. У нас же на такие «мелочи» никто не обращает внимания. Как выяснилось, представитель Президента просто был в командировке и не успел оповестить своих коллег из главного ГПУ при Президенте о том, что все согласовано. Они же в соответствии с общей установкой на отклонение написали повторные замечания о несоответствии закона Конституции, Гражданскому Кодексу и т. д. и т. п. и пр., причем длиннее прежних. От законодателя требовали, например, объяснить в Законе, что такое факультативные курсы! Число таких примеров можно множить без труда.

Вернемся, однако, к главному. Для того, чтобы преодолеть вето Президента, требуется 2/3 голосов в обеих палатах Парламента. Как уже говорилось, в Государственной Думе это возможно лишь при условии поддержки левого блока со стороны, как минимум, двух не союзных ему фракций и групп (ЛДПР, НДР, «Яблока», «Российских регионов» — в любом сочетании). Такая поддержка сама по себе — сравнительная редкость. Именно из-за ее отсутствия Государственная Дума не смогла, например, принять ни одной из подготовленных поправок к Конституции, направленных на устранение дисбаланса полномочий между Президентом и Парламентом, в том числе на превращение нижней палаты из «думы» в настоящий законодательный орган.

Еще реже набирается 2/3 голосов за преодоление президентского вето в верхней палате Парламента — Совете Федерации, нынешний состав которого, в отличие от Совета Федерации первого созыва, формируется уже не путем прямого избрания, но по должности — из руководителей законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. Понятно, что региональные лидеры, и в особенности губернаторы, без особой нужды не хотят «ссориться» с Президентом, в то же время испытывая гораздо более слабое давление избирателей по сравнению с депутатами Государственной Думы. Помимо всего прочего, у Президента и Правительства всегда есть «рычаг» давления на регионы в виде трансфертов и субвенций. Работая в Совете Федерации первого созыва, лично слышал от руководителя законодательного собрания одной из областей, а ныне ее губернатора, следующие рассуждения (цитирую близко к тексту): «Мужики! Я-то понимаю, что бюджет никуда не годится! Но если я за него не проголосую, моей области не дадут ни рубля!» В условиях, когда подавляющее большинство российских регионов и республик является дотационным, подобный «рычаг» влияния оказался исключительно действенным.

Справедливости ради к этому следует добавить, что в большинстве законов социальной направленности, принимаемых Государственной Думой, по крайней мере, часть расходов отнесена не к федеральному, но к региональным и местным бюджетам. Соответственно главам законодательной и исполнительной власти субъектов федерации, составляющим верхнюю палату Парламента, приходится семь раз подумать перед голосованием, способен ли региональный бюджет принять на себя соответствующие расходы. По важности этот фактор вполне сопоставим с президентско-правительственными механизмами воздействия на членов Совета Федерации и еще более затрудняет принятие федеральных законов, направленных на социальную поддержку граждан, а в особенности на преодоление вето Президента по таким законам.

В-третьих, даже в случаях, когда в обеих палатах Парламента набирались необходимые для преодоления вето 2/3 голосов, долгое время «гаранта Конституции» было невозможно заставить выполнить ее элементарное требование — подписать соответствующий закон. В ход шли регламентные ухищрения: депутатов обвиняли то в неоднократном возвращении к одному и тому же вопросу, то в неточности формулировок при постановке его на голосование, то в голосовании бюллетенями «не такими, как надо», то вообще считали «по головам». В последнем, как известно, особенно преуспел представитель Президента в Государственной Думе А. А. Котенков. При этом не помню ни одного случая, когда бы подобный «поголовный учет» производился при рассмотрении в зале законопроектов, внесенных Президентом либо Правительством. Зато эта сомнительная процедура каждый раз пускалась в ход, когда Парламент пытался преодолеть вето Президента либо рассматривал «неудобный» для него федеральный конституционный закон.

Быть может, наиболее драматический для страны «регламентный» сюжет был связан с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и относился к рубежу 1995—1996 гг. Тогда и Государственная Дума, и Совет Федерации первого созыва сумели преодолеть вето Президента по названному выше Закону в редакции, предусматривавшей установление размера минимальной заработной платы, пенсий и пособий не ниже прожиточного минимума в Российской Федерации. Даже в тогдашнем, выборном, Совете Федерации обсуждение Закона шло трудно: депутаты трижды возвращались к голосованию и лишь с последней попытки набрали необходимые 2/3 голосов. Не скрою: наряду с другими, мне также пришлось убеждать и удалось убедить часть депутатов голосовать за это решение. Действующая Конституция — и позднее это было подтверждено Конституционным судом — не оставляла Президенту никакого другого выбора, кроме как подписать Закон, а в случае сомнений в чистоте соблюдения процедурных норм — обжаловать действия Парламента в том же Конституционном Суде. Президент же, не сделав ни первого, ни второго, без рассмотрения вернул Закон в Совет Федерации, указав верхней палате Парламента на нарушение ею ее же собственного регламента.

Вместо того чтобы немедленно обратиться в Конституционный суд, Совет Федерации по инициативе тогдашнего председателя палаты В. Ф. Шумейко вступил с Президентом в переписку. Суть письма, направленного В. Ф. Шумейко в адрес главы государства, можно свести к формуле: не царское это дело — заниматься мелочами вроде парламентского регламента! В ответ была получена грозная отповедь, суть которой заключалась в том, что Президент — сам себе голова, лучше всех знает свои полномочия и не потерпит, чтобы кто-то указывал ему на нарушение Конституции.

Пока автор этих строк, избранный к тому времени депутатом Государственной Думы второго созыва, совместно с коллегами готовил проект обращения в Конституционный суд, новый, формируемый по должности, Совет Федерации отменил решение своих предшественников, но когда попытался повторно принять Закон в прежней редакции, за него было подано всего 44 голоса против 120 голосов в выборном Совете Федерации первого созыва!

В результате согласительных процедур Закон был подвергнут «секвестру», что и требовалось президентской стороне. Теперь в нем записано: «Минимальный размер оплаты труда и минимальный размер пенсии по старости в Российской Федерации поэтапно повышаются до величины прожиточного минимума. Соотношение между минимальным размером оплаты труда, минимальным размером пенсии по старости и величиной прожиточного минимума на очередной финансовый год устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год». Кстати сказать, даже эти нормы Закона, мало что дающие рядовому гражданину (ибо приближать минимальные зарплаты и пенсии к прожиточному минимуму можно десятилетиями!), не выполнены Правительством при подготовке федерального бюджета на 1999 г. и скорее всего, несмотря на запрос автора этих строк на имя премьера С. В. Степашина, не будут выполнены и при представлении бюджета 2000 г.

Один из многочисленных парадоксов революционной России 90-х гг. заключается в том, что

юридический фетишизм и юридический нигилизм поразительным образом не только сочетаются, но и взаимно обуславливают друг друга. По поводу любой из бесчисленных проблем в средствах массовой информации, а то и от Президента можно услышать: это потому, что Дума не приняла необходимых законов! Но лишь только закон подписан Президентом и вступает в силу, как те же лица начинают «петь» по-другому: закон плохой — мы его исполнять не будем!

Стараясь избегать как юридического фетишизма, так и юридического нигилизма, не будем преувеличивать значение того факта, что Президент не исполнил свою собственную Конституцию и не подписал Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Скорее всего, даже если бы Закон был подписан, он вошел бы в число хронически неисполняемых. Однако вступление Закона в силу стало бы бесспорным основанием для выдвижения требований о повышении минимальных размеров оплаты труда, пенсий, пособий со стороны профсоюзных, ветеранских и иных общественных организаций социальной направленности, а также со стороны политической оппозиции. Не исключено, что это хотя бы отчасти заставило бы президентскую команду пересмотреть курс экономической политики в направлении большего баланса интересов между «новыми русскими» как социально-политической опорой власти и подавляющим большинством народа.

В-четвертых, согласно действующей Конституции, Государственная Дума не наделена правом толкования не только основного закона страны, но также принимаемых Парламентом федеральных конституционных законов и федеральных законов. Подобная ситуация в парламентской практике более или менее развитых стран — крайняя редкость: по общему правилу толкование законов дают те, кто их принимает. В России же правом официального толкования законов наделен лишь Конституционный суд, а по факту законы трактуются Президентом и его окружением, причем сплошь и рядом совершенно произвольно. Конституционный же суд в лучшем случае подтверждает либо опровергает президентскую трактовку по запросам Парламента, иногда спустя годы. Так было с запросом о правомерности действий Президента в период чеченской войны, когда Конституционный суд, за исключением четырех своих членов, к удивлению всей страны признал, что Президент действовал в пределах своих полномочий. Так было и с Законом «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», который был возвращен Президентом в Парламент без рассмотрения на основании нарушения Госдумой и Советом Федерации, по мнению Президента, регламентных норм — в этом случае Конституционный суд признал действия Президента неправомерными.

Излишне говорить о том, что попытки Государственной Думы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы неизменно отклонялись Президентом России.

В-пятых, ни российский Парламент в целом, ни Государственная Дума — в частности, не наделены правом контроля над исполнением законов — и это тоже уникальная ситуация в мировой парламентской практике. Обычно контрольная функция входит, так сказать, в «джентльменский набор» полномочий любого законодательного органа в условиях сколько-нибудь демократической системы. Автор этих строк входил в число разработчиков поправки к 102-й статье Конституции, предполагавшей наделение контрольной функцией для начала хотя бы верхней палаты российского Парламента — Совета Федерации. Впрочем, эта попытка расширить полномочия Парламента, как и все другие, закончилась ничем.

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике Российская Государственная Дума никак не может претендовать на статус ведущей палаты полноценного Парламента. Соответственно и российский политический режим 90-х гг., согласно азбуке политической науки, никак не может характеризоваться как режим демократический, но в лучшем случае — как авторитарно-демократический, т. е. авторитарный — по существу, демократический — по форме легитимации власти. Политическая наука, включая ее классика Макса Вебера, давным-давно выработала для подобных режимов специальный термин — мнимый конституционализм.

2. Государственная Дума второго созыва: вина и беды

Итак, стереотипы российской официальной пропаганды в отношении работы Государственной Думы второго созыва либо содержат истину в незначительных дозах, либо просто являются ложными. Однако это отнюдь не означает, что нижняя палата Российского парламента и, в частности, фракция и

депутатские группы левой ориентации оказались в положении «без вины виноватых» и не могли сделать ничего другого, кроме того, что делали. Напротив, могли и должны были — если не для спасения страны, то, по крайней мере, для спасения собственной политической чести, для будущего левого движения, а тем самым — и для подготовки будущих перемен к лучшему, будущего возрождения отечества. Вот только вина Государственной Думы и представленных в ней левых депутатов совсем не такова, как ее изображают средства массовой информации, а подчас прямо противоположна. В целом слабости в работе Госдумы и ее левого крыла, которые могут быть поставлены в вину нижней палате Парламента, сводятся к трем основным.

«Перфектофобия» — испуг перед призраком прошлого

Читателю, воспитанному на агитках и «страшилках» на тему о намерении левых вернуть страну к Сталину и Брежневу, подобное утверждение наверняка покажется нелепым, если не абсурдным. И тем более нелепым, что в выступлениях последнего времени лидеры КПРФ и других левопатриотических организаций чаще упоминают Сталина, чем Ленина, а лидеры рангом пониже в средствах массовой информации и на митингах постоянно ностальгируют по прошлому, доказывая, что в Советском Союзе все было «лучшее в мире». Тем не менее берусь утверждать: синдром революционного отрицания вкупе с антикоммунистической пропагандой настолько сильно подействовал на лидеров левого движения, вызвал столь сильный испуг, что они, как правило, не отваживаются не только делать решительных шагов, но даже и предлагать те меры по усилению государственного регулирования экономики, которыми пользовались в свое время Франклин Рузвельт, послевоенные правительства европейских стран и без которых выход из глубочайшего российского экономического кризиса представляется невозможным. Вот лишь несколько «упрямых» фактов.

Во-первых, вспомните, уважаемый читатель, кто в России, кроме Виктора Анпилова и аналогичных ему левых радикалов, публично требует пересмотра результатов ваучерной приватизации, называя ее крупнейшей экономической аферой XX в.? Это отнюдь не Геннадий Зюганов, но руководитель «образцового капиталистического города» Юрий Лужков! И причина здесь не только в том, что за Лужковым стоят конкуренты нынешних «олигархов», а равным образом и часть самих «олигархов», чувствующих себя обделенными в период великого передела созданной другими собственности, но и в том, что Лужков не боится обвинений в попытке вернуть страну к Брежневу и Сталину, хотя сам он, кстати сказать, гораздо авторитарнее Геннадия Зюганова. Что же касается Сталина, имя которого столь часто упоминается лидерами НПСР и других патриотических организаций, то во второй половине 90-х гг. его дух тревожит не только левых, но и правых (В. Жириновский и даже В. Черномырдин), причем не только антикоммунисты, но и коммунисты отдают ему дань уважения не в качестве одного из «классиков марксизма», но как раз напротив — в качестве государственника, который ценою колоссальных жертв воссоздал и укрепил, по одной терминологии, Российскую империю, а по другой — Великую Россию.

Во-вторых, предвыборная платформа Геннадия Зюганова в 1996 г., — та самая, по поводу которой средства массовой информации, захлебываясь от подлинного или притворного ужаса, дружно кричали, что как только он придет к власти, так у всех все отберет, — эта предвыборная платформа была никак не партийной, но общенациональной и, более того, не только не содержала ничего специфически коммунистического или вообще радикального, но, напротив, была весьма, а может быть, даже слишком умеренной. Ни национализации, ни рабочего контроля, даже никаких мер в духе «нового курса» Рузвельта — ничего подобного в этой программе записано не было.

Вспоминаю свой разговор в канун выборов с лидером левого крыла британских лейбористов Кеном Ливингстоном, приехавшим в Москву, чтобы на месте ознакомиться с президентской кампанией по-русски. Мало того, что видный политик был просто поражен абсолютным неравенством возможностей, созданных для кандидатов в Президенты в российском эфире и печати, и утверждал, что ничего общего с европейской демократией эта практика не имеет. Изучив все ту же предвыборную платформу Геннадия Зюганова, Кен Ливингстон прямо заявил, что его хоть сейчас можно принимать в лейбористскую партию и, более того, что эта платформа недостаточно радикальна для условий рекордного российского кризиса.

В-третьих, несмотря на то, что в Государственной Думе второго созыва левые имели крупнейшую фракцию, две депутатских группы, а Юрий Маслюков возглавлял один из ведущих экономических комитетов — Комитет по экономической политике; несмотря на то, что в канун президентских выборов 1996 г. печать была полна сообщениями о подготовленном левыми законопроекте,

предусматривавшем выкуп государством наиболее доходных предприятий по цене их продажи либо переоценку их стоимости и уменьшение доли акций, принадлежащих негосударственным акционерам, в соответствии с реально затраченными ими средствами; несмотря на убийственные оценки результатов приватизации, данные специальной думской комиссией,— несмотря на все это ни один закон, требующий принципиального пересмотра результатов приватизации, на пленарном заседании Государственной Думы второго созыва не рассматривался!

Впрочем, как минимум, однажды эта проблема была поставлена, но поставили ее не левые экономисты, а автор этих строк в специальном Федеральном Законе «О государственной поддержке начального профессионального образования». Этот Закон, принятый Государственной Думой и Советом Федерации в 1996 г., но отклоненный, как почти все законы в области образования, Президентом Российской Федерации, предусматривал среди прочего возвращение в федеральную собственность решением суда учреждений начального профессионального образования, созданных на государственные деньги до 1992 г., приватизированных вместе с предприятиями и не используемых по назначению. Государственная Дума пыталась преодолеть вето Президента, но не смогла. Приведенный ниже отрывок из стенограммы пленарного заседания Государственной Думы, на котором обсуждался вопрос, дает представление о том, какую ярость и негодование со стороны представителя Президента вызвала эта, кажется, единственная попытка Государственной Думы посягнуть на «святая святых» — итоги приватизации.

А. А. Котенков: «Закон нарушает положение Конституции о правах собственника. Я прошу обратить ваше внимание на пункт 3 статьи 1, в котором предписывается: «Находящиеся в собственности...» — я пропускаю там другие показатели — «... негосударственных организаций и не используемые для образовательных целей в системе начального профессионального образования объекты учебной, производственной и социальной инфраструктуры... созданные до 1992 года, подлежат передаче в федеральную собственность решением суда». Простите меня, мы прекрасно знаем о том, что многие учебные заведения профессионального образования были расформированы и их инфраструктура сменила собственника. Извините меня, иначе, как экспроприацией это назвать нельзя».

О. Н. Смолин: «Нарушения статьи 35 Конституции и так называемой экспроприации в законе нет и в помине. Цитирую часть 3 статьи 35: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Уважаемые коллеги! Откройте наш закон, статья 1, пункт 2, часть вторая: там так и написано — «судебным решением». В 1992—1993 годах законодательной и исполнительной властью было издано несколько актов, запрещавших приватизацию образовательных учреждений вместе с соответствующими предприятиями. У меня на руках один из таких документов — это постановление Правительства № 312 от 13 мая 1992 года, подписанное Борисом Николаевичем Ельциным. Могу прочесть пункт 8, если хотите: «Установить, что не допускается изъятие или изменение служебного назначения зданий и сооружений, используемых учреждениями, предприятиями и организациями системы образования, предоставленных им земельных участков без согласования с Министерством образования...» и так далее по тексту. Никаких экспроприаций мы вообще не проводим. Речь идет только о том, чтобы суды спокойно разобрались, что было сделано законно, а что нет» (Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 16 октября 1996 г.; Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.— 23 октября 1996 г.).

В дальнейшем единственный, кто на памяти автора на пленарном заседании Государственной Думы ставил вопрос о необходимости Закона о национализации, был, как ни странно, печально известный Альфред Кох! Вероятно, с его стороны подобная постановка вопроса имела тройкий смысл:

а) косвенное признание того, что приватизация в России по объему, а особенно по темпам и механизмам, вышла за сколько-нибудь рациональные рамки;

б) своеобразный упреждающий удар (пусть лучше Госкомимущество само подготовит удобный для него Закон о реприватизации, чем это сделают левые);

в) отражение настроений некоторых новых собственников, которые, сняв «финансовые» сливки с не-ожиданно обретенных предприятий, не имея способности к управлению и не желая делать серьезные инвестиции, хотели бы повторно обогатиться за счет государства, вернув ему на выгодных для них условиях то, что совсем недавно получили практически даром.

Повторю: левые в Государственной Думе ни разу не довели проект закона о национализации (либо шире — о пересмотре результатов приватизации) до пленарного заседания Государственной Думы, и это лучшее доказательство того, как сильно подействовало на их лидеров шельмование в средствах массовой информации и обвинения в намерении вернуть прошлое.

На самом деле, отказавшись по ключевому направлению от попытки сдвинуть влево курс экономической политики и сосредоточившись преимущественно на символах (гимн, герб, флаг, попытка восстановления памятника Дзержинскому и т. п.), левые в Государственной Думе совершили ошибку, по крайней мере, троякого рода: с одной стороны, они отдали Лужкову лозунг, который должен был стать одним из основных в их собственной программе; с другой — вызвали недовольство лево-радикальной части избирателей, у которых усилилось ощущение, что Государственная Дума занимается исключительно разговорами и парламентскими играми; наконец, в-третьих, сохранили для официальной пропаганды возможность пугать народ все тем же лозунгом: «Все отберут», тогда как из законопроекта сразу стало бы ясно, что речь может идти лишь о частичной национализации, о возвращении в государственную собственность наиболее доходных предприятий, приватизированных с нарушением закона и по бросовым ценам. Разумеется, подготовленный левыми проект закона о национализации не имел никаких шансов на подписание Президентом и достаточно мало шансов — на прохождение через Совет Федерации. Однако даже обсуждение закона в Государственной Думе и обнародование связанных с ним ожидаемых доходов в бюджет стали бы доказательством серьезных намерений левой оппозиции, наличия у нее внятной экономической программы и в конце концов укрепили бы влияние левых среди избирателей.

Дефицит кадров и идей в области экономики

Наряду с испугом перед призраком прошлого, этот дефицит во многом объясняет сравнительно низкую эффективность, — не скажу: результатов, поскольку они зависят в основном от Президента, — но самой законотворческой деятельности Государственной Думы. Причем совершенно очевидно, что дефицит этот имеет две составляющие: кадровую и концептуальную. Начнем с первой.

Дефицит кадров, в свою очередь, выражается двояким образом: с одной стороны, большинство квалифицированных экономистов в современной России принадлежат не к левым, но к правым или центристским движениям; с другой — большинство квалифицированных экономистов в составе левых политических движений принадлежат не к левому, но к правому их крылу, оказываются, так сказать, самыми правыми среди левых.

Вспоминаю свой разговор с одним из лидеров фракции КПРФ в Государственной Думе второго созыва в самом начале ее работы. Спрашиваю: почему левые добровольно отдают правым ключевые экономические комитеты (в том числе бюджетный и комитет по собственности)? Слышу в ответ: при нынешнем Президенте сделать в экономике все равно ничего нельзя, а если возьмем под себя комитеты, придется за политику этого Президента еще и отвечать; пусть уж это делают «Яблоко» и НДР. Подобная аргументация не лишена оснований, однако есть в ней и невысказанные опасения, что, оказавшись у руля экономических комитетов, думские экономисты из числа левых фракций окажутся не слишком способными продуцировать идеи и законопроекты, направленные на качественное изменение курса экономической политики. И это опасение в целом подтвердилось: во второй Государственной Думе крупномасштабные инициативы левых в области экономической политики сравнительно немногочисленны и относятся, главным образом, к 1998 и 1999 гг. (идеи бюджета развития, повышения налога на верхнюю часть супердоходов физических лиц, слабые попытки регулирования вывоза капитала, включая усиление уголовной ответственности за нарушение законодательства в этой сфере и т. п.).

Разумеется, дефицит экономических кадров и концепций должен быть поставлен в вину левым, и в особенности тем, кто формировал предвыборные списки КПРФ — единственной левой партии, которой удалось преодолеть 5-процентный барьер. Однако справедливость требует признать, что это не только вина левых, но в еще большей степени их беда. Говорю: беда, поскольку проблема имеет свои корни не только в кадровой политике, но и в объективных процессах. Таких корней, как минимум, два.

Во-первых, среди трех наиболее эффективных методов управления народом: насилие, подкуп и обман (манипулирование с помощью средств массовой информации), — новейшая российская революция, в отличие от своей предшественницы — революции Октябрьской, явно отдавала предпочтение двум последним, впрочем, не избегая и первого. Буржуазный характер революции и ее бюрократическая форма заведомо предполагали привлечение с помощью подкупа на ее сторону не только всякого рода начальства, которому почти даром передавалась собственность, созданная усилиями всего народа, но также и верхних слоев интеллигенции, которые в новых условиях получили возможность «капитализировать» свои способности. Среди первых ушли в бизнес очень многие способные экономисты, вместе с бытием срочно поменяв и свое сознание, некогда сформированное

догматизированным марксизмом. Это во многом объясняет дефицит экономических кадров среди левых законодателей.

Во-вторых, характерный для любой революции феномен «маятника», общие тенденции эпохи сказываются не только на массовом сознании, но и на сознании теоретиков. Когда-то Фридрих Август Хайек удивлялся тому, что большинство современных ему политиков и экономистов видели перспективу развития цивилизации в усилении государственного регулирования, плановых начал, ограничении рыночной стихии, что для него во всех случаях было равнозначно социализму. Теперь ситуация прямо обратная: подавляющее большинство экономистов, за исключением немногочисленных левых радикалов и сторонников самоуправленческих моделей, которые оказались в положении политических маргиналов, не видят иных перспектив, кроме рыночной экономики (что в данном случае равнозначно капитализму). В рамках же этой модели наиболее логичными представляются разного рода либеральные проекты, отличающиеся лишь по степени радикальности (Е. Гайдар, В. Черномырдин, Г. Явлинский и др.). Отсюда — общее поправление левых экономистов, с одной стороны, и дефицит у них концептуальных идей — с другой.

Если прибавить к этому, что, погружившись в работу экономических комитетов, левые экономисты быстро убеждаются в том, как сложно изменить ситуацию при действующей Конституции и Гражданском кодексе и расстановке политических сил, и вместе со всеми депутатами попадают в сферу действия лоббистов всевозможных фирм, зачастую представляющих криминально-бюрократический капитал, исчезают последние сомнения в том, что идейный и кадровый дефицит среди левых экономистов закономерен и объясним, хотя в глазах широких слоев населения это вряд ли может служить оправданием для Государственной Думы.

Дефицит стратегической инициативы и политического мужества

Политические противники левых в Государственной Думе второго созыва давно подметили одно уникальное обстоятельство, отличающее российскую политическую систему второй половины 90-х гг., а именно: правительственный политический курс, который левая оппозиция резко критиковала как антинародный и антигосударственный (добавим: критиковала совершенно справедливо), в Парламенте частично одобрялся голосами... все той же оппозиции! Вот лишь несколько фактов.

Государственная Дума конституционным большинством утвердила назначение премьера В. Черномырдина в 1996 г. и премьера С. Степашина в 1999 г. Последнее особенно выразительно, ибо С. Степашин, известный как один из активных организаторов Чеченской войны, был утвержден спустя всего 4 дня после того, как Госдуме не хватило 17 голосов, чтобы выдвинуть против Президента России обвинения в совершении особо тяжкого преступления как раз за развязывание Чеченской войны! Хотя и не сразу, с третьей попытки, но «изнасилованная», как тогда говорили, Государственная Дума в апреле 1998 г. дала согласие на назначение премьер-министром С. Кириенко, подтвердив еще раз, что в России Президенту сходит с рук любая политическая нелепость или прихоть. В памяти остались несколько однотипных коротких диалогов в тот напряженный апрельский день третьего голосования по кандидатуре С. Кириенко, причем все — с депутатами левых фракций.

— Олег Николаевич, как голосуете?

— Разумеется против, а Вы?

— Это неправильно: нельзя давать им возможность роспуска Государственной Думы — потом выборов не дождемся!

И хотя лидеры фракции «Яблоко» напрасно «надували щеки», утверждая, что никто из членов фракции за Кириенко не голосовал (на самом деле, вопреки фракционному решению, несколько депутатов бюллетени взяли), нельзя сказать, чтобы в критике левых «яблочники» были совсем не правы: во всяком случае, С. Кириенко в тот день не мог быть утвержден без некоторого количества депутатских голосов от левой оппозиции.

Наконец, невозможно отрицать и того, что часть левых депутатов ежегодно отдавали свои голоса за Закон о федеральном бюджете, в котором выражена квинтэссенция экономической политики Правительства, тем самым принимая на себя и часть ответственности за нее. Более того, для обоснования этой позиции был изобретен специальный аргумент, который использовался на пленарных заседаниях Государственной Думы, в том числе даже ее Председателем, главным образом против депутатов фракции «Яблоко», но не только против них. Суть этого аргумента в том, что депутаты, голосующие против бюджета, якобы не имеют права подавать к нему поправки в интересах своих регионов, отраслей или организаций. Такую норму предлагалось даже внести в

регламент, хотя антиконституционность подобного ограничения права законодательной инициативы совершенно очевидна.

Оставим, однако, в стороне вопрос об отношении к морали позиции депутатов фракции «Яблоко», которые благодаря многолетнему доминированию в бюджетном Комитете, как правило, успешно закладывали в федеральный бюджет интересующие их строки и объекты, но затем голосовали против бюджета в целом. Отметим более важные. Демонстративный отказ большинства «яблочников» от поддержки федеральных бюджетов, их готовность, как в случае с Сергеем Кириенко, идти на досрочные выборы депутатов Госдумы в совокупности с жесткой критикой правительственного курса (даже когда Михаил Задорнов и Оксана Дмитриева уже находились в составе Правительства) — все это, наряду с податливостью части левых, имело два важных политических последствия.

С одной стороны, левые потеряли часть своего потенциального электората, а с другой — «Яблоко» свой электорат расширило, причем отчасти именно за счет электората левых. Последнее объясняется довольно просто: в условиях, когда преобладают «протестные голосования», когда люди плохо различают левых и правых вообще, левую и правую оппозицию — в особенности, — в таких условиях за «своего» принимается каждый, кто резко выступает против существующего режима и экономической политики, вне зависимости от того, за какой режим и за какую экономическую политику он ратует.

На самом деле есть серьезные основания предполагать, что курс «яблочного» правительства, например, по отношению к бюджетным сферам, был бы не менее, а возможно, и более жестким, чем курс критикуемых ими правительств. Напомню, что именно министр финансов Михаил Задорнов предлагал в 1999 г. сделать то, чего не предлагал сделать даже министр финансов Анатолий Чубайс — сократить расходы на образование на 4,5 миллиарда рублей (с 17,2 до 12,7 миллиарда). От полного финансового краха систему образования спас только приход к власти премьер-министра Евгения Примакова. Напомню, что среди 7 фракций и групп Государственной Думы фракция «Яблоко» имеет только пятый результат голосований по 20 ключевым законам и законопроектам в области образования и стоит ниже не только коммунистов (84,3%), аграрников (73,2%) и «Народовластия» (66,4%), но и фракции Жириновского (64,6%), в среднем отдавая за законы в области образования лишь 56,1% голосов, что примерно на 6,5% ниже среднего по Думе. Хуже фракции «Яблоко» по вопросам образования в Государственной Думе голосовали лишь группа «Российские регионы» (49,6%) и фракция «НДР» (42,3%).

Разумеется, во фракции «Яблоко» есть социальное (социал-демократическое) крыло, однако в тех случаях, когда речь идет не о политических заявлениях, а о реальных действиях, партийную позицию определяют не социал-демократы, но руководящее либеральное ядро. Поэтому вполне вероятно, что часть избирателей, которые проголосуют за «Яблоко», принимая его за реальную альтернативу курсу Б. Ельцина (например, за защитника интересов интеллигенции), в случае прихода этой партии к власти вынуждена будет повторять вслед за В. Черномырдиным: хотели — как лучше...

Вернемся, однако, к Государственной Думе и ее левому крылу. Помимо фракционного состава палаты (где левые, напомню еще раз, получили около 210 голосов), ее нерешительность в критические моменты борьбы объясняется прежде всего двумя обстоятельствами. Первое из них — опыт Октября 1993 г.; второе — неурегулированность вопроса о политических и социальных гарантиях для депутатского корпуса в случае досрочного роспуска Госдумы.

Хотя сравнительно немногие депутаты Госдумы второго созыва, включая автора этих строк, лично пережили московскую трагедию 21 сентября — 4 октября 1993 г., призрак горящего российского «Белого дома» вставал в депутатской памяти каждый раз, когда возникала угроза роспуска нижней палаты Парламента. Согласно известному афоризму, каждый вопрос имеет три решения: правильное, неправильное и «как в армии». При всей склонности российского Президента решать ключевые проблемы последним способом страх многих парламентариев перед повторением танкового расстрела представляется сильно преувеличенным.

Во-первых, в отличие от предшественницы, нынешняя Конституция России дает Президенту чрезвычайно широкие возможности для роспуска Государственной Думы на законном или полузаконном основании. Законными основаниями могут быть, например:

постановка вопроса о доверии Правительству, проводящему «непопулярные» меры;

отставка популярного премьера и предложение Думе другой, заведомо худшей кандидатуры (причем эту процедуру Президент может повторять хоть каждую неделю, не нарушая Конституции, пока унижение Парламента не превысит все возможные пределы) и др.

Справедливости ради стоит отметить, что разработчики Конституции впопыхах не прописали в

ней возможность увязывания вопроса о доверии Правительству с принятием какого-либо ключевого законопроекта (например, бюджета), как это делается, скажем, во Франции. Это дает возможность Думе, хотя опять же унижительную, одновременно выразить Правительству доверие и провалить важный для него законопроект.

Полузаконные возможности возникают при действительных или мнимых коллизиях между конституционными нормами. Такая ситуация как раз и могла возникнуть в мае 1999 г., если бы Госдума, с одной стороны, набрала 300 голосов за выдвигание обвинения против Президента, а с другой — трижды не утвердила кандидатуру нового премьера. Тогда, согласно статье 93 Конституции, Президент не имел права роспуска Госдумы в течение всего срока процедуры отрешения от должности, но не более 3 месяцев. Согласно же статье 111 Конституции, после трехкратного отклонения предложенных кандидатур он должен был распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. И хотя совершенно очевидно, что статья 93 не предполагает никаких исключений и коллизия норм является вымышленной, в России конца 90-х гг. прав, наверняка, оказался бы тот, у кого больше прав, т. е. Президент, который скорее всего, не дожидаясь решения Конституционного суда, издал бы Указ о роспуске Госдумы, а если бы она не подчинилась Указу, мог в очередной раз попытаться применить силу оружия. Кстати сказать, даже в этом случае у Президента был вполне конституционный и выгодный для него выход. Он состоял в том, чтобы немедленно после третьего отклонения кандидатуры издать Указ о роспуске Государственной Думы, но не со дня подписания Указа, а, например, со дня окончания трехмесячного срока после начала процедуры отрешения Президента от должности.

Во-вторых, как показывает собственный опыт, в обоих случаях, когда депутаты Госдумы второго созыва действительно проявили характер, Президент не пошел на прямое насилие и вынужден был отступить. Первый из таких случаев — принятие в марте 1996 г. в канун пятилетней годовщины референдума о сохранении Советского Союза постановления Госдумы, осуждающего Беловежские соглашения. И хотя всем с самого начала было очевидно, что юридических последствий это решение иметь не будет, что одним постановлением одной палаты российского Парламента невозможно отменить решение полутора десятков законодательных органов и такого же количества президентов, а тем более спустя семь с лишним лет вновь «войти в ту же реку», — несмотря на все это президентская команда решила перед выборами использовать ситуацию в своих интересах и по сути начала репетицию очередного государственного переворота.

Воскресным вечером 18 марта 1996 г. здание Государственной Думы было занято спецподразделениями, которые «искали мину», будто бы заложенную неизвестным злоумышленником. Депутаты и сотрудники аппарата из здания были удалены. «Поиски» продолжались всю ночь и утро следующего дня, пока не был получен приказ оставить здание Парламента. Согласно информации газеты «Завтра», Президент отказался от попытки насильственного разгона Государственной Думы лишь после того, как министр внутренних дел Анатолий Куликов заявил, что не выполнит антиконституционный приказ. Поскольку Анатолий Куликов, в отличие от Александра Коржакова, еще не выпустил в свет своих воспоминаний, с абсолютной достоверностью подтвердить или опровергнуть эту информацию не представляется возможным. Ясно одно: отступить от первоначальных намерений Президента заставила какая-то важная причина, и скорее всего этой важной причиной была позиция силовых структур, после октября 1993 г. не желавших нести ответственность за кровь защитников Конституции, на сей раз уже не «хасбулатовской», но «ельцинской».

Второй, и, кажется, последний пример политического мужества Государственной Думы — ее поведение в августе — сентябре 1998 г., когда провал эксперимента с Сергеем Кириенко завершился попыткой Президента произвести знаменитую «рокировку» и вернуть на прежнее место только что отставленного Виктора Черномырдина. После двух провальных голосований, согласно кулуарной информации, Президент подготовил третье письмо с представлением В. Черномырдина на должность премьера. Выступление же последнего на телевидении должно было начать массовую антипарламентскую по существу и антикоммунистическую по лозунгам кампанию. На сей раз Президента заставила отступить уже не мягкость силовых структур, но жесткость позиции Государственной Думы, большинство депутатов которой впервые явно предпочитали унижению досрочный роспуск. С другой стороны, в случае объявления досрочных выборов президентская команда могла получить в новой Государственной Думе уже не мифическое, а реальное оппозиционное большинство.

Что касается политических и социальных гарантий, то, согласно Федеральному закону «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации», в случае досрочного роспуска Государственной Думы депутатские полномочия последних прекращались немедленно, а связанные с досрочным увольнением с работы выходное пособие и другие социальные блага предусматривались только для депутатов Государственной Думы первого созыва. Разумеется, это также не повышало уровня политического мужества парламентариев. Однако каждый идущий в политику в российских условиях 90-х гг. обязан был знать, что это «производство» не только вредное, но и рискованное, где постоянно приходится делать выбор, в том числе между честью и благополучием.

Повторю еще раз: если бы большинство депутатов Государственной Думы обладали политической решительностью и не отдавали политическую инициативу команде Президента, страна могла бы получить последствия двоякого рода: либо при сохранении прежнего политического статуса роль, а значит и ответственность Государственной Думы *de facto* оказалась бы гораздо выше, что в свою очередь могло положительно сказаться на уровне социальной защищенности широких слоев населения; либо страна избрала бы Государственную Думу третьего созыва скорее всего более жестко настроенную по отношению к разрушительному экономическому курсу и способную в большей степени повлиять на ход событий. Совершенно очевидно, что оба варианта развития политического процесса предпочтительнее того, который реализовался в действительности. Однако оба они предполагают то самое сослагательное наклонение, которое истории неизвестно. И часть вины за это несет Государственная Дума второго созыва, в том числе ее левое крыло. Не случайно в кулуарах Государственной Думы от представителей президентской команды не-однократно приходилось слышать: нам повезло с лидерами оппозиции.

Разумеется, рассуждать о возможных политических сценариях гораздо легче, чем принимать ответственные решения, способные обернуться жизненной драмой для сотен людей. Однако если справедлива формула «На войне — как на войне», то не менее справедлива и иная ее интерпретация: «В революции — как в революции!» И хотя Россия переживает уже постреволюционный период, главные революционеры по-прежнему у власти. Строить же отношения с ними исключительно с помощью компромиссов и «круглых столов — значит заранее примириться с поражением.

3. «Импичменты» по-российски

Все, что было сказано выше о «поражении в правах» российской Государственной Думы, о бедах и вине депутатов, включая левое крыло, проявилось в концентрированном виде, когда в нижней палате Парламента началась процедура выдвижения обвинения против Президента Российской Федерации. В день первого пленарного заседания, посвященного этому вопросу, один из депутатов фракции ЛДПР потребовал, чтобы выступающие не употребляли слова «импичмент», и даже сам не знал, насколько был прав. Засорение русского языка «американизмами», против которого боролся депутат,— лишь внешняя сторона дела. Гораздо важнее другое: ни одна из четырех попыток отрешения Президента Ельцина от должности, в которых автору довелось принимать участие, ничем не напоминала аналогичную американскую процедуру. Впрочем, обо всем по порядку.

Первая попытка отрешить от должности Президента Ельцина была предпринята Съездом народных депутатов России 28 марта 1993 г. Неделями раньше Президент совершил первую в том году попытку государственного переворота, издав 20 марта Указ «Об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти», который Руслан Хасбулатов остроумно высмеял, как «ОПУС». Указ предусматривал, в частности, что решения высших органов законодательной власти — Съезда народных депутатов России и Верховного Совета — действуют в части, не противоречащей указам Президента, т. е. поставил не один десяток конституционных норм с ног на голову. Конституционный суд решением от 23 марта 1993 г. констатировал: «Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России 20 марта 1993 года, в котором он обнародовал свои действия и решения по введению в стране особого порядка управления до преодоления кризиса власти, в ряде своих положений... не соответствует частям первой и второй статьи 1, части первой статьи 3, части второй статьи 4, статье 5, части третьей статьи 81.5, части пятой статьи 104, статьям 132.2, 136.4 Конституции Российской Федерации, а также Федеративному договору (статье VII Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации)».

Для того чтобы «раскачать» Съезд, группа народных депутатов России одновременно с вопросом об отрешении Президента Б. Ельцина от должности поставила и другой вопрос — о снятии с

должности Председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатова. Отнюдь не бесспорная логика сторонников этой идеи сводилась к тому, что среди депутатского корпуса может обнаружиться некоторое количество людей, желающих избавиться не от одного из участников конфликта (хотя бы и главного его организатора), но от обоих сразу. Дополнительную пикантность ситуации придавало то, что для отрешения от должности Президента требовалось 2/3 голосов Съезда, тогда как для снятия Председателя Верховного Совета — всего лишь половина.

Обсуждение обоих вопросов было сравнительно недолгим, а голосование по ним дало следующие результаты: за отрешение от должности Президента России — 617, за снятие с должности Председателя Верховного Совета — 339. Необходимого количества голосов оба решения не набрали. Впрочем, как выяснилось позднее, риску в этот день подвергался один лишь Р. Хасбулатов. Президент России — это вам не какой-нибудь Никсон или Клинтон — с должности уходит не собиравшись вне зависимости от результатов голосований. Вот как описывает планы президентской команды на случай отрешения от должности Бориса Ельцина его многолетний верный друг Александр Коржаков в нашумевшей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката»: «Президент получил план спустя сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. По плану Указ о роспуске съезда в случае импичмента должен был находиться в запечатанном конверте. После окончания работы счетной комиссии (если бы импичмент все-таки состоялся) по громкой связи из кабины переводчиков офицеру с поставленным и решительным голосом предстояло зачитать текст Указа. С кабиной постоянную связь должен был поддерживать Барсуков, которому раньше всех стало бы известно о подсчете голосов.

Если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогазов в камере окуривания. Окажись в противогазе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял.

Президенту «процедура окуривания» после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогазов у парламентариев не было» (Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката.— М.: Издательство «Интербург», 1997.— С. 159).

Можете ли Вы, читатель, представить себе, как отрешенный от должности Президент Соединенных Штатов «выкуривает» конгрессменов и сенаторов из здания Парламента с помощью спецсредств? Можете ли Вы представить себе, что тот же Президент, расстреляв Парламент, в конце концов не оказывается пожизненно в хвалёных пенитенциарных учреждениях, а то и просто на электрическом стуле? Нет, импичмент — это у них. Это у них, когда в Сенате не хватает голосов для импичмента, Президент приносит свои извинения нации за мелкие грехи. У нас же во искупление своих великих грехов он готов потравить депутатов газом, а то и просто расстрелять Парламент. Какой уж тут «импичмент»!

Вторая попытка отрешить от должности Президента Ельцина приходится на 22 сентября — 4 октября 1993 г. Как известно, накануне, 21 сентября, Президент России издал Указ № 1400, которым фактически отменил Конституцию, распустил Парламент и назначил досрочные выборы нового двухпалатного Парламента на 11—12 декабря.

Заключение Конституционного Суда на президентский Указ № 1400 констатировало: «Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 года не соответствует части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121.5, статье 121.6, части второй статьи 121.8, статьям 165.1, 177 Конституции Российской Федерации и служат основанием для отрешения Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина от должности или приведения в действие иных специальных механизмов его ответственности в порядке статьи 121.10 и 121.6 Конституции Российской Федерации».

До сих пор отчетливо помню ночь с 22 на 23 сентября 1993 г. Полутемный зал заседаний Верховного Совета, до отказа набитый российскими депутатами. Полутемный — поскольку подача электроэнергии была уже ограничена; переполненный — поскольку он был рассчитан лишь на 256

депутатов, избранных в постоянно действующий Верховный Совет, но никак не на всех тех из 1068 народных депутатов России, кто в соответствии с Конституцией и вопреки президентскому Указу на Съезд явились. Хорошо помню и собственные безуспешные попытки добиться принятия Постановления съезда не только об отрешении от должности Б. Н. Ельцина, но и о назначении одновременных досрочных выборов Президента и народных депутатов России. Тогда многие депутаты еще думали, что, сняв Президента, можно сохранить Съезд до конца срока полномочий. Прозрение наступило лишь через несколько дней.

Взгляд автора на дальнейшие события и причины кровавого исхода национальной драмы в свое время был изложен в статье «Три трагедии российской демократии». Здесь же стоит лишь в очередной раз заметить, что вторая попытка отрешения Президента Б. Н. Ельцина от должности, еще менее, чем первая, напоминала «импичмент». Вообще, импичмент как особая процедура, проводимая законодательным органом, возможен лишь там и тогда, где и когда уважение к закону и к законодательному органу стало стержнем политической культуры, элементом повседневного быта политической элиты и широких слоев народа. В условиях же страны с авторитарной культурой, где самодержавие веками было ограничено только царубийством, а власть Генерального Секретаря по многим позициям превосходила самодержавную, да еще страны, переживающей очередную революцию,— в таких условиях сила неизменно оказывается выше права, торжество «плебисцитарной демократии», включая прямые выборы Президента народом, оборачивается новым авторитаризмом, а «рациональная бюрократия» — бесстыдной камарильей. Впрочем, для обозначения последней чаще используется термин сицилийско-российской политической науки — «семья».

Третья попытка отрешить от должности Президента Б. Н. Ельцина относится к началу 1995 г. и вызвана военной авантюрой в Чечне. И в этом случае автору довелось быть непосредственным участником событий, на сей раз в качестве депутата Совета Федерации первого созыва. На пленарном заседании 18 января 1995 года решением палаты была создана специальная рабочая группа для подготовки проекта решения по чеченскому вопросу. Среди семи человек, составивших эту группу, преобладали депутаты, в тот период более или менее оппозиционные Президенту: Рамазан Абдулатипов, Елена Мизулина, Николай Кондратенко, Александр Титкин и автор этих строк. Соответственно и подготовленный проект решения оказался достаточно радикальным. Он не только требовал прекращения военных действий в Чечне, но и предлагал Государственной Думе поставить вопрос о доверии Правительству и начать процедуру отрешения Президента Б. Ельцина от должности. Разумеется, авторы проекта понимали, что он не имеет шансов быть принятым даже выборным Советом Федерации первого созыва. Однако при тайном голосовании, на котором настояла комиссия, от 60 до 70 «сенаторов» проголосовали за недоверие Правительству и отрешение Президента от должности — результат в высшей степени примечательный (см.: Совет Федерации. Заседание пятнадцатое: Стенографический отчет.— М.: Издание Совета Федерации.— 1996.— С. 354—372). Однако тем все и кончилось, ибо в Государственной Думе первого созыва дальше неудачной попытки сбора подписей процедура отрешения Президента от должности не пошла.

И вот, наконец, 13—15 мая 1999 года. Если до сих пор в российском политическом лексиконе 90-х гг. прилагательное «черный» закреплялось обычно за каким-нибудь одним днем недели (например, «черный вторник» — день одной из крупнейших финансовых махинаций или «черное воскресенье» — день расстрела российского Парламента), то теперь можно говорить о трех «черных» днях сразу. По аналогии с «импичментом» их можно было на английский манер назвать «черным уик-эндом». Не пытаясь повторить ни материалов Комиссии по выдвижению обвинения против Президента Б. Ельцина, ни многочисленных публикаций в печати, стоит заметить, что последняя попытка отрешения Президента России от должности была более всего похожа на импичмент, хотя по-прежнему оставалась далека от него, как земля от неба. На основных отличиях российской процедуры, тем более очевидных, что совсем незадолго до нее импичменту едва не был подвергнут Президент Соединенных Штатов Б. Клинтон, мы вкратце и остановимся. Главных отличий, по крайней мере, четыре: обилие и характер обвинений; уровень уважения к Парламенту и специальной Комиссии; методы воздействия на парламентариев; ожидаемые последствия и результаты.

Обвинения: de facto u de ure

В канун и в ходе процедуры выдвижения обвинения против Президента как его представитель в Парламенте, так и многие депутаты (например, депутат А. В. Митрофанов от ЛДПР) постоянно пытались доказать, что материалы российской Комиссии по выдвижению обвинения плохо

проработаны и не идут ни в какое сравнение с материалами аналогичной Комиссии американского Конгресса. При этом в пример соотечественникам ставились обилие томов по «делу Клинтона» и детальнейшая фактология о его высказываниях и поведении в соответствующие дни жизни, распisanная чуть не по минутам. Представляется, однако, что подобная аргументация — это в лучшем случае хорошая мина при плохой игре, а в случае ЛДПР — попытка оправдания очередного политического кульбита лидера. Ведь надо же как-то объяснить, почему «защитник Советского Союза» и «критик прозападного режима» выступил в роли едва ли не самого яростного апологета Б. Ельцина, превзойдя по преданности и темпераменту не только лидера НДР, но и самого представителя Президента в Государственной Думе.

В действительности сравнение обвинений двух Президентом дает результаты прямо противоположные мнению защитников российского политического режима. Суть вопроса — не в количестве томов (по «делу Ельцина» их тоже вполне достаточно), но в масштабах и тяжести содеянного. Потому-то американский спецпрокурор, а затем и спецкомиссия скрупулезно собирали свои материалы по крохам, иногда действуя по принципу известной песни Александра Галича «а из зала кричат: давай подробности!», что свои обвинения, если не с юридической, то, по крайней мере, с политической и человеческой точки зрения, им приходилось «возводить на песке», едва ли не «высасывать из пальца». Потому-то российской Комиссии не было никакой необходимости подглядывать в замочную скважину президентского кабинета или спальни, что руины возглавляемой Б. Ельциным России у всех перед глазами. Потому-то российское общественное мнение и воспринимало американскую политическую трагедию как фарс, по формуле «с жиру бесятса», что стабильность и достижения США при Клинтоне, а равно и его мелкие прегрешения, не идут ни в какое сравнение с аналогичными параметрами деятельности российского Президента. «Нам бы их проблемы, а им бы — нашего Президента», — постоянно приходилось слышать автору на встречах с людьми. Весьма остроумно, хотя и «на грани фола», та же мысль была выражена в известной частушке, обошедшей страницы многих газет и начинавшейся строками:

Говорят, что Клинтон Билл
Только Монику любил...

Переходя от фактической стороны дела к юридической, стоит указать на следующий парадокс: действия Президента Б. Ельцина, наиболее жестко осуждаемые массовым сознанием, не всегда столь же очевидно содержат признаки преступления и, наоборот, действия, в которых юридический криминал усматривается легко, не всегда столь же жестко осуждаются массовым сознанием. Это во многом объясняет тот факт, признанный потом ошибкой, что обвинения против Президента России были выдвинуты сразу по 5 пунктам: группа депутатов, выдвигавшая обвинения (в нее входил и автор), не могла игнорировать, с одной стороны, юридическую сторону вопроса, а с другой — общественные настроения. Сказанное относится и к позиции тех депутатов, которые публично демонстрировали свою юридическую беспристрастность. Такой известный юрист из фракции «Яблоко», как С. Попов, голосовал «за» по трем пунктам обвинений против Президента, а именно: в развале СССР в 1991 г.; в расстреле российского Парламента в 1993 г.; в развязывании чеченской войны в 1994—1996 гг., заявляя, что по двум другим пунктам при наличии фактической вины Президента трудно установить юридический криминал. На взгляд же автора, при наличии заключения Конституционного суда, согласно которому, развязывая чеченскую войну, Президент действовал в пределах своих полномочий, юридическая обоснованность обвинения Президента по этому пункту столь же дискуссионна, как и по пунктам о развале армии и геноциде собственного народа.

Пожалуй, с формально-юридической точки зрения наиболее обоснованными выглядят два первых пункта обвинения Президента: в развале Советского Союза и в расстреле российского Парламента. В первом случае невозможно доказать законность «ропуска» СССР путем денонсации Союзного договора 1922 г. Дело в том, что уже Конституция 1936 г. превратила СССР из договорной федерации в конституционную и, соответственно, автоматически действие этого договора прекратила. Денонсация несуществующего договора в качестве «законного основания» для «ропуска» Советского Союза была блестящей политической манипуляцией, благополучно выполненной в условиях воспаленного революционного сознания. Соблюдая хоть какую-то законность, распустить СССР было невозможно в принципе, хотя каждая республика имела право выйти из его состава на условиях, определенных специальным законом.

С другой стороны, и Декларация о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.), которая фактически способствовала разрушению Советского Союза, формально требовала лишь

суверенитета России в его составе и, следовательно, ни в малейшей мере не могла служить основанием для Беловежских соглашений. Ссылки на одобрение Беловежских соглашений Верховным Советом имеют лишь моральное, но никак не юридическое значение, ибо, во-первых, Верховный Совет не был высшим органом государственной власти в Российской Федерации — таковым, как известно, был Съезд народных депутатов, а во-вторых, согласно Конституции СССР, даже высшие органы власти даже самых крупных республик не могли принять решения о разделе страны, но лишь о начале процедуры выхода республики из ее состава. Под какую статью «подвести» действия Президента одной из республик по развалу Союзного государства — это уже проблема юристов. Но совершенно очевидно, что подобные преступления относятся к числу особо тяжких.

Если антиконституционному роспуску СССР пытались хотя бы придать некий псевдозаконный флер, то государственный переворот 21 сентября — 4 октября 1993 г. абсолютно лишен даже такого прикрытия. Решение Конституционного Суда по поводу Указа Президента № 1400 уже цитировалось выше. При его наличии Верховный Суд, несмотря на давление президентской администрации, вряд ли смог бы опровергнуть обвинения в адрес Президента, в крайнем случае он согласился бы с наличием в действиях Президента признаков преступления, предусмотренного частью 3 статьи 285 УК РФ — злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее тяжкие последствия.

Вспоминаю свой разговор в сентябре 1998 г. в кулуарах сотой межпарламентской конференции с виднейшим, пожалуй, юристом фракции «Яблоко», к тому же происходивший в присутствии нескольких известных политиков. Тогда профессор права говорила почти дословно следующее: «Я посмотрела документы: 1993 год — это чистая «уголовка». Верховному Суду будет невозможно уклониться от обвинения».

Как уже говорилось, чеченская война была самым кровавым конфликтом на территории Российской Федерации и унесла, по разным оценкам, от 80 до 100 тысяч человеческих жизней, включая примерно 15 тысяч жизней российских парней, направленных Президентом и недалекими политиками из его окружения на усмирение мятежной республики. И хотя война велась без объявления чрезвычайного либо военного положения, и хотя в ее начале и Государственная Дума, и Совет Федерации принимали решения с требованием войну остановить, и хотя Парламент не ратифицировал Хосавьюртского договора, *de facto* делавшего Чечню независимой, Конституционный суд признал, что в этом конфликте Президент действовал в пределах своих полномочий. Таким образом, в России 90-х гг. был создан чрезвычайно опасный прецедент оправдания насилия: выяснилось, что можно уничтожить сотню тысяч граждан своей страны и при этом ни за что не отвечать.

Отметим между прочим, мягко говоря, не часто упоминаемую в российских средствах массовой информации связь между Беловежской Пущей и Чеченской войной. Дело в том, что Президент Джохар Дудаев был прямым политическим детищем Президента Бориса Ельцина. Он не просто рассуждал по той же логике: если Россия считает возможным выйти из Советского Союза вопреки Конституции СССР, то точно так же Чечня вправе выйти из состава России вопреки ее Конституции. Он не просто воплотил знаменитый лозунг Бориса Ельцина: берите суверенитета, сколько проглотите! Он к тому же еще и представлял себя патриотом СССР (большой России), регулярно выступая с заявлениями следующего типа: Россия незаконно вышла из состава Советского Союза; Чечня же закону верна и из состава СССР не выходила; поэтому она вынуждена была выйти из состава России; как только Беловежские соглашения будут отменены и Советский Союз восстановлен, Чечня признает себя республикой в составе этого Союза. Разумеется, за этой логичной конструкцией скрывался сепаратизм. Однако трудно оспорить, что конструкция была логичной, а по отношению к российскому Президенту — логичной убийственно.

С юридической стороны наиболее спорными выглядели два последних обвинения Президента: в развале армии и в геноциде российского народа. При этом сложность заключалась не в том, чтобы привести доказательства депопуляции или подрыва обороноспособности, но в том, чтобы доказать, что злоупотребления должностными полномочиями, повлекшие эти последствия, совершены Президентом из корыстной или иной личной заинтересованности. И все же на примере обвинения в геноциде риску утверждать, что признаки преступления в обоих случаях были налицо. В пользу такого утверждения свидетельствуют, по крайней мере, три группы фактов.

Во-первых, если в России 90-х гг. можно говорить о какой-либо стабилизации, то прежде всего — о стабилизации кризиса. Одной из стабильных кризисных тенденций этого времени стало сокращение населения, причем столь сильное, что специалисты дружно говорят о крупнейшей демографической катастрофе мирного времени в XX в. Согласно округленным данным официальной статистики, смертность в России превысила рождаемость: в 1992 г. — на 220 тыс. человек, в 1993 г. — на 750 тыс.,

в 1994 г.— на 920 тыс., в 1995 — на 785 тыс. человек и т. д. При этом даже самые «объективные» (т. е. приверженные президентскому курсу) демографы полагают, что, по крайней мере, на 1/3 это сокращение — результат «политики реформ»! Другие уверены, что «заслуги» этой политики гораздо выше. Если же говорить о будущем, то, согласно все тому же Госкомстату, при продолжении нынешних тенденций население Российской Федерации к середине XXI в. сократится вдвое.

Во-вторых, от имени Правительства, назначенного Президентом, всецело ему подчиненного, ответственного перед Президентом, но «безответственного» перед Парламентом, обществом и Государственной Думе многократно предлагались проекты «реформ», а также законопроекты, которые своим неизбежным следствием должны были иметь дальнейшее сокращение населения страны: повышение пенсионного возраста при снижении средней продолжительности жизни; вытеснение бесплатной медицины платными услугами при нищающем населении; сокращение круга лиц, получающих детские пособия, при падении рождаемости и т. п. (см. первый раздел статьи). Предполагать же, что, разрабатывая и внося в Парламент подобные проекты, Правительство либо администрация Президента были не в состоянии прогнозировать их демографические последствия,— значит усомниться не только в квалификации, но и в дееспособности высшего руководства страны.

В-третьих, на протяжении 90-х гг. Президент многократно, в том числе с грубыми нарушениями Конституции, отклонял принятые Парламентом законы, направленные на поддержание жизни граждан, т. е. те самые законы, принятие которых если не остановило бы демографическую катастрофу, то, по крайней мере, уменьшило бы ее масштабы. Важнейшим среди таких законов, без сомнения, является Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», драматическая история которого описана выше. Многократно отклонялись Президентом также поправки к Федеральному Закону «О ветеранах», Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», многочисленные попытки Парламента поднять минимальные размеры заработной платы и пенсий. К близкой автору области законодательства об образовании Президент проявил особую «заботу», на протяжении 7 лет (с 1992 г. по 1999 г.) регулярно отклоняя все принятые Парламентом законы, за исключением одного. Среди других дважды отклонялись: новая редакция Закона РФ «Об образовании», Федеральные Законы «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «О государственной поддержке начального профессионального образования», «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья». Другими словами, студенты, дети из малообеспеченных семей, которые учатся в ПТУ, а также дети-инвалиды пользовались особой «милостью» Президента. Уверен: если когда-нибудь будет выполнено специальное статистическое исследование, оно докажет, что Президентом чаще всего отклонялись законы, направленные на поддержку социально-демографических групп, где смертность значительно превышает среднестатистические показатели, т. е. групп, как раз и нуждающихся в особой заботе государства.

С точки зрения интерпретации фактов подобного рода самого серьезного внимания заслуживает книга бывшего министра российского «демократического» Правительства С. Ю. Глазьева, которая так и называется — «Геноцид». В частности, прослеживая историю российской приватизации 90-х гг., автор на большом материале убедительно показывает, что президентско-правительственная «команда» в большинстве случаев выбирала варианты решения, наиболее вредные для страны и ее народа, но наиболее полезные для криминального и иностранного капитала, в том числе лиц и компаний, к этой «команде» наиболее приближенных (Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок.— М., 1997).

Таким образом, если задаться вопросом, который с римских времен ставят перед собою все, кто пытается раскрыть преступления, а именно вопросом: «Кому выгодно?», становится очевидным, что утверждение о наличии в действиях Президента признаков преступления имело не только политические, но и известные юридические основания.

Неуважение к Парламенту

Это неуважение стало вторым отличием процедуры отрешения по-российски от импичмента по-американски, причем проявлялось оно сразу с трех сторон: администрации Президента; лиц, приглашенных в качестве свидетелей, и средств массовой информации.

Хотя на рассмотрение вопроса о своем отрешении от должности в Парламент не явились оба Президента (Б. Клинтон и Б. Ельцин), в США президентская администрация всячески подчеркивала свою готовность сотрудничать со спецпрокурором, со спецкомиссией и, наконец, с обеими палатами Федерального Парламента. Адвокаты Президента США бывали на всех заседаниях, а сам он давал

показания Большому Жюри. Напротив, несмотря на несопоставимую тяжесть обвинений, из администрации российского Президента постоянно раздавались пренебрежительные высказывания в адрес специальной думской комиссии, да и самой «прокоммунистической» Государственной Думы. По какой-то противоестественной логике депутатов более всего обвиняли в политизации вопроса, хотя по самой своей природе отрешение от должности Президента (будь то США или Россия) — это акт политический, причем ключевой. Не случайно не только в условиях криминально-олигархического режима в России, но и в относительно благополучных Соединенных Штатах при голосовании по этому вопросу депутаты разделились не по юридической квалификации и не по степени «гуманизма» в отношении к обвиняемому, но главным образом по партийно-политической принадлежности.

Соответственно Президентам вели себя и лица, приглашенные в качестве свидетелей. В Соединенных Штатах показания дали все без исключения, кто был приглашен. В России на пленарное заседание Государственной Думы не явился ни один из тех, кого можно считать ключевыми фигурами событий. В числе приглашенных, но не явившихся: Михаил Горбачев, Руслан Хасбулатов, Александр Руцкой, Павел Грачев и многие другие. Показания же давали либо политики второго ряда, либо юристы, приглашенные левыми фракциями и группами. Разумеется само собой, что никакой ответственности за отказ от сотрудничества со спецкомиссией Парламента никто не понес.

Еще более различалось отношение к процедуре средств массовой информации. Общим было, пожалуй, лишь то, что в обоих случаях они, хотя и по-разному, не отражали общественного мнения. Как известно, в Соединенных Штатах около 2/3 всех граждан выступали против импичмента Президента Б. Клинтона. Однако газеты, теле- и радиоканалы стремились более или менее равноценно представить точки зрения как сторонников, так и противников американского Президента. Сначала конгрессмены, а затем и сенаторы выстраивались в очередь перед телекамерами для того, чтобы заявить о своей позиции, причем слово предоставлялось всем, а не сторонникам только одной партии. В России, где, согласно опросам, за отрешение от должности Б. Ельцина выступали 3/4 всего населения, средства массовой информации в большинстве своем в объективность не играли, но обрушили всю мощь «четвертой власти» на законодательную власть, которая в любой цивилизованной стране признается первой, в данном случае на Государственную Думу. Соответственно и эфир был заполнен лояльными к Президенту или откровенно правыми политиками, которые на все лады доказывали неправомочность или, в лучшем случае, бессмысленность процедуры отрешения. Собственно говоря, ничего удивительного в этом нет: ведь уже вскоре после избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета России в июне 1990 г. «ностальгия по демократии» у многих ведущих российских политиков и журналистов сменилась «ностальгией по Пиночету». Казалось бы, «откуда у хлопца чилийская грусть»? Но, видимо, такова судьба России, что и революция, и контрреволюция мыслятся в ней в мировых категориях. Вот только как собираются новые господа построить в России демократию, методично по делу и без дела дискредитируя представительную власть, без которой демократия невозможна, — так и останется загадкой либо политическим уравнием, решение которого лежит в области мнимых чисел.

Политическое давление и подкуп парламентариев

В любом современном государстве, даже самом что ни на есть демократическом, Президент (или Премьер) и его «команда» ведут работу с депутатами Парламента. Практически в любом государстве эта работа не ограничивается рамками цивилизованного лоббизма, о чем свидетельствуют периодические скандалы. Однако в условиях российского «бандитского капитализма» «обработка» депутатов приобретает самые грязные и примитивные формы. Методы такой обработки стары, как само государство. Отличие эпохи «полной и окончательной победы демократии» заключается лишь в том, что подкуп по значимости приближается к насилию, а иногда его превосходит. Так, уже во время утверждения премьером С. В. Кириенко депутатов не только пугали роспуском, но по Государственной Думе ходили упорные слухи о том, что некоторым депутатам в обмен на голос «за» предлагалось по несколько тысяч долларов.

В канун и во время процедуры выдвижения обвинения против Президента России оба метода применялись с размахом, а «ставки» возросли. Согласно все той же кулуарной информации, теперь уже только за неучастие в голосовании можно было получить до 35 тыс. долларов. Лидер фракции В. Рыжков, сделавший рефреном пламенных обвинений в адрес левых фракций слово «выгода», был абсолютно прав. Вот только... совершенно перепутал адрес! Что же касается политического давления, то автору пришлось наблюдать душевные муки одного из депутатов левой фракции, которому лично

позвонил Президент Поволжской республики и угрожал компроматом в случае, если он проголосует за отрешение. В конце концов совесть и советы товарищей взяли верх. Однако вряд ли кто-то, кроме координаторов в администрации Президента, может точно ответить на вопрос, сколько было случаев, когда верх взяли угрозы и подкуп.

Самое поразительное в этой истории заключается в том, что едва ли не все средства массовой информации сообщали о давлении на депутатов и предполагаемом подкупе некоторой их части. Многие каналы на депутатов за это обрушились, и вполне справедливо. Однако, кажется, ни один канал и ни одна «респектабельная» газета не догадались одновременно поставить вопрос о морали и ответственности администрации Президента — организаторов предполагаемого подкупа. Между тем стоит в очередной раз напомнить, что Президент Р. Никсон в 1972 г. вынужден был уйти в отставку, совершив грех гораздо меньший — установив подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии. Совершенно очевидно: если бы в ходе расследования хотя бы один факт дачи или предложения взятки депутату Государственной Думы удалось доказать, это вполне могло послужить основанием для начала новой процедуры выдвижения обвинения против Президента России. Однако, по-видимому, после расстрела Парламента, коробки из-под ксерокса с полумиллионом долларов, грязного компромата против Генерального Прокурора, сомнительных развлечений во время волжского «круиза» и описания всего этого и многого другого в книге А. Коржакова все уже настолько свыклись с тем, что окружение Президента давным-давно находится вне всякой морали и права, что никому даже в голову не пришло где-либо специально поставить вопрос об ответственности организаторов «мелкооптового рынка» по покупке депутатских голосов. Уверен: в любой стране с минимально развитыми демократическими традициями это стало бы скандалом, на порядок превосходящим Уотергейт.

Действительные результаты и ожидаемые последствия

На протяжении года, предшествовавшего неудачной процедуре отрешения, автору не раз приходилось давать политические прогнозы насчет того, наберет ли нижняя палата необходимые для выдвижения обвинения 300 голосов. Каждый раз на основе анализа расклада голосов во фракциях и группах ответ был таким: скорее нет. И все же надежда, как ей и положено, не умирала до последнего. Уже вполне предчувствуя исход, депутаты левых фракций до самого конца хотели верить, что чувства и логика их обманывают. Незадолго до объявления результатов голосования в зале распространилась весть, что обвинение по Чечне набрало 283 голоса. Через несколько минут кто-то из вновь прибывших пустил слух, что таких голосов 302. Угасшая было надежда на минуту воскресла. Но тут же официальное сообщение комиссии в очередной раз подтвердило, что в политике чудес не бывает. Впрочем, даже эти результаты, которые большинство левых переживали как поражение, примечательны во многих отношениях и, более того, содержат в себе нескольких маленьких побед.

Во-первых, для данного состава Государственной Думы, который регулярно утверждал бюджеты, кандидатов в премьеры, но не смог принять ни одной поправки к Конституции, такой результат представляется достаточно высоким. Более 70 депутатов, не принадлежащих к левым фракциям, но высказывающихся за отрешение от должности Президента-«реформатора» — результат достаточно симптоматичный. Прибавим к этому, что, не будь давления и подкупа, результат мог быть и иным: за отрешение Президента от должности не проголосовали 17 депутатов, в свое время подписавших документ о выдвижении обвинения, т. е. ровно столько, сколько не хватило до 300 голосов! Чем объясняется разительная перемена точки зрения, догадаться не трудно.

Во-вторых, примечательны результаты голосования некоторых бывших активных сторонников Президента. Так, за отрешение Б. Ельцина проголосовали бывшие члены межрегиональной депутатской группы Тельман Гдлян и Элла Памфилова, бывший лидер демократической платформы в КПСС Владимир Лысенко и бывший личный друг Президента, начальник его охраны Александр Коржаков. Сужение политической базы режима проявляется здесь вполне наглядно.

В-третьих, результаты голосования фракции «Яблоко» заслуживают упоминания по двум причинам. С одной стороны, эта самая дисциплинированная в Думе фракция, объявившая о солидарном голосовании, дала весьма высокий процент «брака». За солидарное решение не проголосовали 9 депутатов — почти 20% фракции. Очевидно, президентские «администраторы» поработали с депутатами фракции очень плотно. С другой стороны, 25 депутатов фракции (более 54%) проголосовали за отрешение Президента Б. Ельцина от должности по пункту о расстреле российского Парламента, в свое время поддержанному их лидером Г. Явлинским. А 5 из 46 осудили Президента за незаконный роспуск Советского Союза. И это тоже свидетельство постреволюционной «переоценки

ценностей».

В-четвертых, накануне парламентских выборов результаты голосований позволяют четко разделить политиков, относящих себя к оппозиции, на действительных и мнимых противников режима. Так, С. С. Сулакшин — в свое время член межрегиональной депутатской группы, затем автор книги «Измена», посвященной российским реформам,— голосовал точно так, как советовала президентская администрация — за отрешение Президента по всем пунктам, кроме Чечни! Теперь доказывать свою принадлежность к оппозиции ему будет достаточно трудно, какими бы соображениями он на самом деле ни руководствовался. «Раскрутка» результатов голосования перед выборами в Государственную Думу может существенно сказаться на их (выборов) результатах по одномандатным округам.

Что касается ожидаемых последствий выдвижения обвинения против Президента России, то по этому поводу средства массовой информации и массовое сознание были почти единодушны (именно потому, что первые формировали последнее): процедура в России кончится ничем. Во время многочисленных встреч автору постоянно задавали два несовместимых вопроса: 1) Почему вы его до сих пор не сняли? и 2) Зачем вы затеяли это бесполезное дело? Такое явно не диалектическое «единство противоположностей» — один из феноменов кризисного сознания. Попросту говоря, в голове современного российского гражданина все смешалось еще больше, чем в толстовском доме Облонских. С одной стороны, жизненный опыт подсказывает ему, что терпеть дальше невозможно. С другой стороны, телевизионные передачи типа «Зеркало» или «Итогов» внушают, что ничего сделать нельзя. Вот и сидит он «на двух стульях» сразу, обвиняя тех, кого еще недавно избирал, одновременно и за мнимое бездействие, и за действия, единственно возможные при данных условиях.

Действительно, на основе действующей Конституции снять с должности Президента России едва ли не труднее, чем встретиться с живым инопланетянином. Для этого требуются: 2/3 голосов в Государственной Думе; решение Верховного Суда о совершении Президентом не какого-нибудь, а тяжкого преступления; решение Конституционного Суда о точном соблюдении процедуры; 2/3 голосов в Совете Федерации, большинство членов которого, как уже говорилось, экономически зависимы от дотаций из Центра. Наконец, все должно быть уложено в трехмесячный срок. В противном случае даже если будет доказано, что Президент является иностранным шпионом, вся процедура автоматически прекращается. Прибавим к этому, что, например, Верховный Суд теоретически мог вернуть дело в Государственную Думу, сославшись на то, что не имеет достаточной законодательной базы для его рассмотрения. И тогда процедура отречения Президента от должности прекратилась бы в самом начале. Наконец, после выдвижения обвинения Государственной Думой Президент мог решиться на очередную попытку государственного переворота, каких на протяжении срока полномочий он совершил немало.

И тем не менее развитие событий по одному из сценариев данной группы было отнюдь не предопределено, поскольку, в отличие от 1993 г., российская политическая элита давно уже устала от своего лидера, а военные, наученные опытом парламентского расстрела и чеченской трагедии, отнюдь не рвутся за него в бой. Другой сценарий, который и готовили руководители левых политических движений, заключался в том, чтобы сразу после выдвижения обвинения Государственной Думой собрать Совет Федерации и добиться принятия большинством «сенаторов» постановления с требованием о добровольной отставке Президента. В отличие от формального отрешения, для такого постановления достаточно простого большинства голосов. В этом случае президентская «команда» оказалась бы перед весьма сложным выбором: либо продолжать борьбу в условиях нарастающего недовольства народа и политической элиты, либо уйти, получив от Парламента все возможные гарантии будущей жизни для бывшего Президента и «Семьи». Не берусь предсказать результата, но второй вариант не представляется абсолютно фантастическим.

Отсюда следует, что попытки обвинить Госдуму в пустой трате времени и отказе от работы над законами — ее прямой обязанности — не выдерживают никакой критики. Во-первых, попытка выдвижения обвинения против Президента России заняла три дня, из которых днем планового пленарного заседания был только один. В тех же Соединенных Штатах при несопоставимых основаниях для обвинения было затрачено на порядок больше времени. Во-вторых, и главное: в случае успеха отрешение Президента Б. Ельцина от должности могло стать главным практическим делом Государственной Думы. Именно практически — ибо необходимость смены экономического и политического курса давным-давно назрела и перзрела и остро ощущается обществом. Только такая смена позволит стране начать медленно и упорно выбираться из «кювета», куда она свалилась на крутом повороте истории. При нынешнем Президенте страна будет продолжать катиться вниз по

склону под восторженные крики мародеров о «единственно верном курсе реформ». В революционные и постреволюционные эпохи политический год — срок немалый. Вот почему, сознавая, что для отрешения Президента Б. Ельцина от должности левые в Государственной Думе сделали почти все, что могли, не могу тем не менее унять чувства горького разочарования. И поскольку история не прощает политикам упущенных шансов, в памяти моей всплывают нехоти со школьных времен знакомые строки из лермонтовского стихотворения, по странному созвучию названного «Дума»:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

Опубликовано: Смолин О.Н. Три трагедии российской демократии. Систематизированный сборник.— М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999.

ВТОРАЯ ОШИБКА ТРЕТЬЕЙ ДУМЫ

Уважаемый читатель! Помните ли Вы старую историю о возвращении домой делегата, кажется, XXVI съезда КПСС?

Жена спрашивает:

— Борщ есть будешь?

В ответ он молча поднимает руку.

Жена:

— Котлету положить?

Подняты две руки.

Жена:

— А может тебе водочки налить?

Хлопает в ладоши.

Именно эту историю я вспомнил 31 мая, когда Государственная Дума подавляющим большинством голосов одобрила все 3 законопроекта, предложенные Президентом, и, в частности, новый законопроект о формировании Совета Федерации. В тот день мне не удалось получить слова ни от моего «Агропрома» (Агропромышленной группы), где я оказался в меньшинстве, ни по электронной записи, ни по записке в Президиум с просьбой дать возможность высказаться депутату выборного Совета Федерации первого созыва. Поскольку же вопрос считаю принципиальным, остается предложить свою точку зрения в печати. Суть позиции четко выражена в заготовленном, но не произнесенном тексте выступления, который привожу полностью, практически не редактируя.

Уважаемые коллеги!

Сегодня я хочу выступить в личном качестве, как депутат Совета Федерации первого созыва, напрямую избравшегося тогда населением.

Крупной, а может быть, крупнейшей ошибкой Государственной Думы первого созыва было принятие Федерального Закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания», который заменил выборность верхней палаты российского Парламента ее формированием по должности. В результате страна получила уникальную ситуацию, когда губернаторы одновременно являются сенаторами, работают на непрофессиональной основе (по принципу: «землю попашут — попишут стихи») и почти не пропускают социальных законов.

Но сегодня мы, похоже, собираемся совершить вторую ошибку, приняв в первом чтении законопроект, предложенный Президентом. Давайте посмотрим на этот законопроект объективно.

Совершенно очевидно, что этот проект имеет три явных достоинства.

Во-первых, он устраняет губернаторов из верхней палаты Парламента и тем самым — грубое противоречие нынешнего порядка формирования Совета Федерации принципу разделения властей, когда те, кому положено исполнять законы, сами же их и принимают.

Во-вторых, он соответствует действующей Конституции. Хорошо бы еще, если бы сама эта Конституция соответствовала демократии, логике и законам политической науки.

В-третьих, он делает Совет Федерации профессиональной палатой профессионального

Парламента, и это нужно приветствовать.

Однако этим достоинства законопроекта исчерпываются и многократно перекрываются его недостатками. Вот лишь некоторые.

1. К нынешним членам Совета Федерации можно относиться по-разному: можно с ними соглашаться или не соглашаться; нельзя не видеть, что через систему трансфертов и другие каналы они оказались в зависимости от федеральной исполнительной власти. Но нельзя не понимать, что это «тяжелые политические фигуры». Сейчас нам предлагают заменить их «пешками». Эти «пешки» будут дважды зависимы: с одной стороны, от тех, кто их направил в Совет Федерации, а с другой — от федеральной исполнительной власти — и не смогут принять буквально ни одного решения самостоятельно. Более того, одна из этих «пешек» станет третьим по важности «ферзем» в российской политической элите. Доверять такой палате решение важнейших вопросов отечественной политики более чем странно.

2. Новые члены Совета Федерации будут абсолютно неподконтрольны избирателям. Если нынешние губернаторы и руководители законодательных органов прямо или косвенно отвечают перед населением в своих регионах, то новые члены Совета Федерации станут отвечать только перед губернаторами или руководителями законодательных собраний. Следовательно, законы, направленные на улучшение жизни народа, будут проходить через новый Совет Федерации еще хуже, чем через прежний. Напомню: в нашем, выборном, Совете Федерации первого созыва за важнейший Федеральный закон «О прожиточном минимуме», который тогда предусматривал установление минимальной заработной платы и пенсии не ниже официального прожиточного минимума, проголосовало 120 депутатов; в нынешнем Совете Федерации — 44 члена; боюсь, в новом Совете Федерации подобные законы не наберут и десятка голосов.

3. Нам говорят, что новый Совет Федерации создается по типу германского бундесрата, но забывают одну маленькую деталь: бундесрат — это верхняя палата парламента в парламентской республике. Он уравнивает чрезвычайно сильную нижнюю палату. Кто в этом сомневается, пусть сравнит бундестаг с Государственной Думой: у них Парламент формирует Правительство — у нас Правительство формирует Парламент; они контролируют исполнение законов — мы такого права лишены и не можем даже внести закон без заключения Правительства; наконец, большинство в 2/3 депутатов бундестага обеспечивает принятие любого закона, а у нас в 90% случаев закон принять невозможно без согласия Президента и Правительства.

Теперь нам предлагают к «полуправной» нижней палате Парламента добавить еще и чрезвычайно ослабленную верхнюю «палату пешек». Парламент России в этом случае окончательно превратится в придаток исполнительной власти.

Вообще политическая система общества — это не супермаркет, где с разных полок можно выбирать себе товары по вкусу, не имеющие отношения один к другому. Это именно система. И когда мы пытаемся к суперпрезидентской республике по латиноамериканскому образцу добавить еще и слабую верхнюю палату по образцу германскому, получается, мягко говоря, странный гибрид. Помните, как Агафья Тихоновна в гоголевской «Женитьбе» выбирала себе мужа? «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...». Кажется, в политике мы пытаемся поступить наоборот: к сколиозу Василия Васильевича прибавить хромоту Агафона Никитича и все это соединить с талией 60-го размера Фомы Фомича. Ничего доброго из этого не получится, а будет лишь дальнейшее свертывание и без того чрезвычайно урезанных остатков российской демократии.

Депутат Мизулина уже представила сегодня альтернативный законопроект, который предусматривает выборность членов Совета Федерации и более или менее согласует эту позицию с конституционными формулировками. Сегодня здесь противники выборов много раз ссылались на слово «формирование» в Конституции. Это мы слышим с 1994 года, и можно было бы слушать и дальше, если бы Конституционный суд давным-давно не разъяснил право законодателя трактовать термин «формирование» и как назначение, и как выборы.

Знаю: многие депутаты думают, будто ко второму чтению в президентский проект можно встроить выборную структуру. Однако на самом деле это так же невозможно, как пристроить, например, небоскреб к землянке. Не случайно уважаемый представитель профильного Комитета уже заявил, что никаких выборов не будет. На самом деле проект депутата Мизулиной поддается улучшению в направлении большего соответствия Конституции. Президентский же проект улучшению в направлении большего соответствия демо-кратии не поддается.

Уважаемые коллеги! Сегодня в этом зале уже не раз говорили, что мы принимаем историческое

решение, и это действительно так: если проголосуем за выборный Совет Федерации, история российской демократии нам этого не забудет (демократии в нормальном, а не извращенном смысле слова); проголосуем за назначение Совета Федерации — уподобимся тому щедринскому мужику, который сам вил веревки, чтобы его связывали. Призываю Вас не совершать очередной политической ошибки и принять в первом чтении проект, представленный депутатом Мизулиной!

Когда на табло появились результаты рейтингового голосования (362 — за президентский проект, 100 — за проект, представленный Мизулиной), я уже не испытал никаких чувств. Во-первых, депутату, который не поддерживал «независимость» России, Беловежскую пущу, ваучерную приватизацию и массу других «реформ», не привыкать оставаться в «подавляющем меньшинстве». Во-вторых, подлинный шок я испытал несколькими минутами раньше, услышав, как депутат Елена Мизулина, которую я высоко ценю по профессиональным и человеческим качествам и которая с блеском (быть может, даже красотой) доказала преимущества своего проекта, в заключительном слове вдруг заявила, что проголосует... и за президентский проект!

Впрочем, это лишь еще один симптом того, что в России заканчивается время не только весьма относительной демократии, но и вообще — правых демократов.

Это впечатление укрепилось еще более, когда стало ясно, что фракции СПС, «Яблоко» и ОВР (которая шла на выборы как центристская или даже левоцентристская, но неожиданно для всех и, кажется, для себя оказалась в правом блоке) приняли решение в случае необходимости голосовать за преодоление вето Совета Федерации на президентский законопроект, вопреки очевидным порокам новой модели формирования Совета Федерации, которая, безусловно, будет самой худшей из всех существовавших в России. Причем поправки, согласованные представителями обеих палат, не только не улучшили, но еще более ухудшили эту модель.

Действительно, Совет Федерации, напрямую избираемый населением регионов, может быть профессиональным (работающим на профессиональной основе), независимым (зависимым главным образом от избирателей) и сильным. Нынешний Совет Федерации — это палата непрофессиональная (члены работают по совместительству), зависимая (через трансферты и другие каналы), но сильная. Новая модель формирования сделает будущий Совет Федерации профессиональным (работающим на профессиональной основе), но дважды зависимым (от региональных лидеров и федеральной исполнительной власти), а главное — слабым.

Справедливости ради следует сказать, что и сами «сенаторы» практически ничего не сделали для самозащиты, если не считать «бунта на коленях», когда за отклонение первого варианта Закона о формировании Совета Федерации тайно проголосовали 113 человек, против — 9, но затем в кулуарах до 50 тех, кто был против Закона, утверждали, что они голосовали «за». При повторном рассмотрении Закона члены верхней палаты напоминали скорее покорных овец, нежели полновластных региональных князей. Впрочем, им, кажется, первым выпала доля своею политической судьбой подтвердить одну из закономерностей революции, которая, как известно, пожирает своих детей. Губернаторы лично обеспечили прохождение в Государственную Думу большинству из тех депутатов, которые покончили с ними в качестве законодателей.

Совершенно очевидно, что ослабление одной из палат Парламента есть ослабление Парламента в целом, а значит, голосование за президентский проект есть голосование против демократии. Есть все основания ожидать, что усиление власти Президента и нарастание авторитаризма будет происходить за счет ослабления:

- Совета Федерации;
- губернаторов (которых Президент сможет снимать с должности);
- руководителей местного самоуправления (которых, за исключением мэров крупных городов, смогут снимать с должности губернаторы);
- Государственной Думы (за счет отмены партийных списков и избрания в нижнюю палату Парламента 450 «денежных мешков»);
- средств массовой информации;
- тех «олигархов», которые отказались полностью подчиняться правящей олигархии.

Не случайно зарубежные политологи образно говорят, что путинские реформы превратят российскую суперпрезидентскую систему «из конституционной монархии в абсолютную». В таких условиях, за исключением отдельных фигур из правой части политического спектра (например, Владимир Рыжков), действительными защитниками остатков парламентаризма в России выступили главным образом левые политики, и прежде всего фракция Компартии и часть Агрпромышленной группы в Государственной Думе. Требуя введения выборной модели Совета Федерации, они оказались гораздо большими демократами, чем те, кто так любит себя именовать. Симптоматично

заявление Владимира Гусинского на НТВ о том, что подконтрольные ему средства массовой информации совершили крупную ошибку, поддержав Бориса Ельцина на выборах в 1996 году.

Думается, интеллигенции, второй раз в истории XX века попавшей под «колесо» революции, которую она сама же и подготовила, пришло время ответить самой себе, по крайней мере, на два вопроса:

1) не пора ли вернуть слову «демократия» его изначальный смысл, а к термину «демократы», вошедшему в российский политический лексикон в конце 80-х годов, добавить определение «бывшие»?

2) не пора ли вернуться к старому лозунгу на новый лад: действительные сторонники демократии слева и справа — объединяйтесь!? В том числе для ее защиты от бывших демократов.

Опубликовано: Вечерний Омск. — 2000. — 15 августа. — С. 3.